

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

КНИГА СКОРБНЫХ
ПЕСНОПЕНИЙ

ԳՐԻԳՈՐ
ՆԱՐԵԿԱՅԻ

ՄԱՏՅԱՆ
ՈՂԲԵՐԳՈՒԹՅԱՆ

ԵՐԵՎԱՆ, «ՆԱԻՐԻ»

2014

*ГРИГОР
НАРЕКАЦИ*

*КНИГА
СКОРБНЫХ
ПЕСНОПЕНИЙ*

ЕРЕВАН, “НАИРИ”

2014

УДК 891. 981-1 Григор Нарекаци
ББК 84 Ар 1-5
Г 831

Перевод *Наума Гребнева*
Составление, вступительная
статья и примечания
Л. М. Мкртчяна

На обложке портрет Григора Нарекаци
из армянской рукописи 1173 года

Григор Нарекаци

Г 831 Книга скорбных песнопений. Перевод Н. Гребнева. Составление, вступительная статья и примечания Л. М. Мкртчяна.— Ер., Наири, 240 стр.

«Книга скорбных песнопений» является самым крупным и значительным произведением гениального армянского поэта Григора Нарекаци (951-1003). На протяжении веков ее чтили как святыню. О чудотворной силе «Книги скорбных песнопений» сохранились легенды и предания.

ББК 84 Ар 1-5

ISBN 978-5-550-01

© Издательство «Наири», перевод,
вступительная статья, примечания,
оформление,

МЯТЕЖНЫЙ ГЕНИЙ

1

В одном из фильмов Андрея Тарковского есть замечательный кадр — церковь, показанная сверху. Земля (она бескрайна), необъятное небо, цвет неба легкий, голубой, и тяжелая громада церкви с крестами, как с простертыми ввысь руками... В кадре все было крупно, нарочито крупно, и я вдруг подумал, что церкви на земле — это ведь не только религия, это еще и крик о жизни. Камни вопиют.

Люди хотели жизни лучшей, светлой, стремились жить иначе и строили храмы и истово уповали на то, что храмы помогут. Стоят на земле памятники не религии, а вековой жажде людей жить по-другому, облегчить свою участь. И все религии мира с их высокими, чистыми идеями и с их религиозной, трагической (читайте — слепой) нетерпимостью друг к другу тоже говорят о том, как велико, как грандиозно и повсеместно во вселенной стремление человека облегчить свою участь.

И ставил человек на земле храмы. И, отчаявшись, человек разрушал храмы, мечтая о новой, счастливой жизни без веры. И снова человек пробовал жить по вере. И снова строил храмы... И все — во имя жизни на земле.

Величайшим памятником жизни мне представляется «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци, мятежная поэма, каждая глава которой — это «Слово к Богу, идущее из глубин сердца» (так озаглавлены все 95 глав поэмы). Вот Нарекаци славит Бога:

*Ты — начало и причина всех добрых дел:
Не заточаешь Ты, но освобождаешь,
Не теряешь, а находишь,
Не умерщвляешь, а оживляешь,
Не изгоняешь, а собираешь,
Не предаешь, а спасаешь...*

Но ведь Нарекаци хочет, чтобы человек был таким — не толкал, а ставил на ноги, не колебал, а утверждал... Мы хотим того же, и мы читаем поэта X века. Он нам дорог.

2

Григор Нарекаци (951-1003) был ученым монахом. Жизнь поэта в монастыре Нарек на берегу озера Ван внешне была спокойной, может быть, даже однообразной. В непогоду волны могучего озера в гневе вздымались и падали, и вновь яростно вздымались и рушились. А поэт, запертый в смиренном монахе, смотрел на разбушевавшуюся стихию и думал о своей жизни:

*Моя жизнь напоминает мне бурное море²,
Моя душа в обители тела подобна кораблю,
Колеблему ударам бесчисленного множества валов.
Пророк Исайя так изобразил*

¹ «Книга скорби» цитируется в подстрочных переводах.

² Эта несложная аналогия: море и жизнь человека — как бы сама собой напрашивается и тысячекратно обыгрывается в мировой литературе с начала времен. Мовсес Хоренаци в пятом веке записал старые песни языческой Армении и песню о том, как рождается из морской стихии языческий бог Ваагн. Гениальный создатель армянской письменности Месроп Маштоц писал в том же V веке: «Море жизни обуревают меня...»; «Вихри моих беззаконий взволновали меня, я — как море в непогоду...»; «И грехи мои, как море, глубокое, беспокойное, я во власти волн...». Об образе моря в поэзии Нарекаци см.: Левон Мкртчян, «Видел ли Нарекаци море?». — «Лит. Армения», N4, 1986, с. 94-99; «Արդյոք Նարեկացին ծով տեսե՞լ է...», — Հայոց լեզու և գրականություն: Գիտական աշխատությունների միջբուհական ժողովածու: Պրակ. 7-8, Երևան, 1987, էջ 395-405:

*Внезапное разрушение Иерусалима и Самарии
Вражескими ордами.
Поэтому я не ошибусь, если сравню море
С моим душевным смятением.*

По мере того как Нарекаци писал, его воображение разгоралось, сравнения уводили его к другим сравнениям и образам. Он, как заговоривший вулкан, выбрасывал образы, он думал развернутыми метафорами.

*Грянула в середине лета зима,
Нагрянула с вьюжными метелями
И бурным натиском нарушила мой покой,
Корабль под ударами свирепых волн утонул,
Сломались поручни весел,
Мачта, поднимающаяся вверх, была сорвана,
Крылья паруса были изодраны на мелкие кусочки,
Которые невозможно шить,
Великоленное сооружение обезобразилось,
Натянутые канаты порвались,
Накренилась смотровая вышка,
Веревочные снасти разодраны,
Основание якоря расшатано,
Толстые связки креплений расчленены,
Киль, подпирающий остов,
И основание руля погружены в воду,
Приспособления для передвижения сломлены,
Обшивка днища корабля попорчена...*

И этот ряд образов не исчерпывает стержневого для всей главы (глава 25-я) сравнения: душа – утонувший корабль. В душе живут надежды, порождающие новые образы:

*Возможно ли многократно разбитый ковчег
Моего тела увидеть хоть когда-нибудь обновленным?
Неужто возможно разбитый корабль
Моей скорбной души увидеть невредимым?*

От этих образов, еще связанных со стержневым сравнением (душа – корабль), поэт идет к новым образам, к новой надежде:

*Ужели настанет для меня,
Вскормленного во мгле и омраченного,
Утро восхода?..
Ужели увижу я капли дождевые,
Под которыми зазеленеют
Луга моей души?*

Образ порождает образ, одно сравнение порождает другое. На дереве воображения Нарекаци всегда много плодов, и ветви прогибаются, ломаются от обилия образов.

3

Нарекаци – трагический поэт. Он хотел сказать, сколь он грешен как христианин, сколь велико его стремление очиститься от грехов. Но он говорил не просто о греховности своего «я» (об этом писали тысячи апологетов христианства). Нарекаци писал о крушении своей жизни. Рушится человек, и рушатся миры, потому что велика, масштабна личность поэта.

«Книгу скорбных песнопений» закончил Нарекаци в 1002 году. За семь веков с лишним до этого, в 301 году, армяне приняли христианство. За 700 лет христианство утвердилось в Армении, хотя в народной среде продолжали возникать движения против церкви и ее власти. Весь десятый век, век Нарекаци, был ознаменован мощным крестьянским движением, вспыхнувшим в конце IX века в селе Тондрак и известным в истории как тондракийское движение. Тондракийцы выступали против церкви и церковных обрядов, духовенства и сословных привилегий. «Они (тондракийцы – Л. М.) не приемлют церковь и церковный чин, не признают ни крещения, ни великого и страшного таинства литургии, ни креста, ни поста», – свидетельствует историк XI века Аристакэс Ластивертци.

Известно, что Нарекаци писал против тондракийцев. Полагают, однако, что он был заподозрен в сочувствии к еретикам и написал, чтобы отвести от себя подозрение. Это всего лишь предположение, недоказанное и недоказуемое. Но разве «Книга скорб-

ных песнопений» не есть свидетельство некоего внутреннего сродства Нарекаци с еретиками и, может быть, даже с тондракийцами, разве не об этом говорит основная идея поэмы – самому общаться со своим Богом и так решать терзающие душу вопросы? И, наконец, сам Нарекаци с его крайней, я бы сказал, жестокой бескомпромиссностью и в вопросах веры, и в главном, что его мучило, в поисках гармонии и совершенства в себе и в мире... – разве во всем этом не было вызова церкви и ее власти? Ведь недовольство Нарекаци собой достигает колоссальной силы. Мотив отрицания того, что греховно и недостойно веры и Бога (отрицается многое – отрицается все), должно быть, приобретал всеобщий, опасный для власти имущих характер.

4

Сохранились сведения о хулителях Нарекаци, которые хотели оклеветать его перед епископом и князьями. (Известно, что отец поэта, Хосров Андзеваци, в конце жизни был предан анафеме как еретик). До наших дней дошла легенда, которая, по всей вероятности, является отголоском споров вокруг имени поэта. Согласно легенде, Нарекаци хотели предать суду и послали за ним специальных людей. Поэт подал посланцам двух жареных голубей. Но так как это был постный день, то Нарекаци извинился, сказав, что по забывчивости приготовил мясное, и попросил прибывших за ним оживить голубей. Понятное дело, незваные гости спасовали. Тогда по слову самого Нарекаци голуби воскресли и улетели. Стало ясно, что Нарекаци святой и в его власти творить чудеса. Враги поэта, конечно же, были посрамлены, и о суде над ним не могло быть и речи.

Существование легенд и преданий о Нарекаци – свидетельство сочувствия к нему народных низов. В «Армянских преданиях», изданных А. Ганалаяном, сказано, что целых семь лет Нарекаци был пастухом. «За все это время он ни разу слова грубого не сказал скотине, ни разу тонким прутом своим не огрел ее по спине. Зеленый и пышный можжевельник, что растет посреди села Зевик и бросает тень на все четыре стороны, – тот самый прут, с которым Нарекаци выходил в поле. Перед тем как покинуть это село, Нарекаци воткнул свой прут в землю. Так появился можжевельник».

Известно, что Нарекаци был монахом. И все-таки крестьяне придумали ему биографию пастуха, который так по-крестьянски жалел и любил животных. В преданиях крестьяне обращаются к поэту-пастуху как к человеку близкому, из их круга. «Ты семь лет ходил в пастухах, это больше даже, чем семь лет отшельничества. Потому что за все это время ты ни разу не стегнул скотину прутом, ни разу не обругал ее», — говорится в одном из преданий. И в том, что пастух поставлен выше отшельника, сказало и мирозерцание армянских крестьян, их отношение к Нарекаци, который им был дорог отнюдь не как аскет и монах.

Предания и легенды о выдающихся людях всегда истинны в одном, в самом главном — в них правда народной любви, любви к своему герою.

5

В стихах Нарекаци, в его «Книге скорбных песнопений» (название «Книги...» передают на русском языке и в несколько иных редакциях — «Книга скорби», «Книга трагедий»; в Армении существует давняя традиция называть «Книгу...» по имени автора «Нареком») отразилось его время, прозвучал протест против всего, что угнетает человека, что есть низкого и греховного в нем.

Поэт, искавший личного, непосредственного общения с Богом, стремился к прямому, откровенному до обличения разговору.

«Книга скорбных песнопений» Нарекаци — это внутренний монолог личности, раздираемой противоречиями. Поэт видит себя падшим и обретающим силу. Решительно все он подчиняет своей главной задаче — полнее раскрыть личность своего героя, поставленного в центре всей «Книги...».

Нарекаци написал историю душевных мук одного человека, написал о своих переживаниях, сомнениях и поисках, о своем стремлении «страданием очиститься». Он оказал благотворное влияние на развитие всей средневековой армянской литературы.

Пристальное, преувеличенно подчеркнутое внимание Нарекаци не просто к человеку, но к жизни его души, противоречивой, обуреваемой страстями, было явлением новым и прогрессивным.

Армянские философы-номиналисты всегда подчеркивали значение индивида, что опосредованным образом влияло на возникновение гуманистического индивидуализма в средневековой ли-

тературе. Так, еще в V веке анонимный армянский философ, толкователь «Категорий» Аристотеля писал: «Аристотель справедливо назвал индивида сущностью главной, первичной и преимущественной, которая является причиной образования видов и родов». Но это всего лишь научное осознание значения индивида. До художественного осмысления личности и ее внутреннего мира как темы искусства было еще далеко.

Нарекаци в «Книге скорбных песнопений» воспел, как было сказано, не просто человека, но мир его души, охваченной пламенем противоречий, мир, полный вопросов, неразрешимых и пугающих.

Новаторство и величие Нарекаци выразилось и в том, что, говоря о себе, о своем личном, он говорил о других, говорил обо всех. В третьей главе «Книги...» он писал, что страсти и слабости людские он «порицает в самом себе» и делает это

*Для всех возрастов человеческого рода,
Проживающих во всех концах земли,
Для всех общин христиан, рассеянных во всем мире.
Для тех, кто только вступает в жизнь,
И для тех, кто созрел,
И кто в бессильной старости
Подходит к концу своих дней...
Для великих и для малых,
Для высокочтимых и для простых,
Для всадников и для пеших,
Для горожан и для сельчан,
И для королей надменных,
Которых обуздает Господь Бог...*

Нарекаци говорит об общественном назначении своего искусства, и пишет он не для себя. Его слово, идущее из глубин сердца, обращено к самому широкому кругу читателей. И действительно, в Армении средних веков «Книга скорбных песнопений» получила известность и удостоилась толкований и комментариев. До нас дошли толкования XIII и последующих веков. «Нарек» клали больным под голову, уверенные, что книга исцелит от недугов.

Проблема совести, разъедаемой противоречиями,— основная проблема «Книги скорбных песнопений» Нарекаци. Поэт обращался к Богу, к этой «*мудрости без тени*», но он искал Бога и совершенство в человеке, он хотел, чтобы Бог жил в нем и чтобы Бог слился с ним, с человеком. «Ты, создавший человека по образу и подобию своему, вдохни в меня свой образ»,— обращался Нарекаци к Богу. Он, как верно заметил выдающийся исследователь армянской поэзии Аршак Чобанян, искал приметы, возвеличивающие Бога, не в истории, не в известных преданиях о Боге, а в своей разгоряченной душе, в своем воображении, и охотнее писал не о том, что сделано Богом, а о том, что он может сделать.

«Книга скорбных песнопений» Нарекаци — крик о том, что жизнь и человек несовершенны. «И если уж надобно,— писал Горький,— говорить о «священном»,— так свяшенно только недозволение человека самим собою и его стремление быть лучше, чем он есть...» Монологи Нарекаци — это молитвы о совершенстве, о жизни, осмысленной делами, борьбой и плодами борьбы:

*Не дай моему сердцу чрево, что не родит,
И не дай глазам моим иссохшие соски, Всемилосерднейший,
Пусть не буду бесплоден я в своих малых трудах,
Как тщетно усердствующий сеятель земли сухой и негодной.
Не дай испытать мне муки родов и не родить,
Скорбеть и не плакать,
Мыслить и не стенать,
Покрывться тучами — и не пролиться дождем,
Идти — и не дойти.*

Самобичевание, саморазоблачение не знает у Нарекаци границ. «Кто сравнится со мной в злодеяниях и беззакониях?» — терзается он. Библейский Иов, ропщущий на Бога за то, что Бог отнял у него богатство, близких, здоровье, говорит: «Пусть взвесят меня на весах правды, и Бог узнает мою непорочность». Нарекаци так никогда не скажет: он чувствует себя в ответе за все, что в человеке порочно. Поэтому он сосредоточил сам в себе, в своем сердце и зло и добро мира, и белое и черное, и свет и тень, паде-

ния и взлеты, бездны и вершины. Поэтому он восстал против самого себя, против всего, что унижает в человеке человека. Он — писатель, и он осуждает все, что греховно в мире, — в этом его высокое предназначение. И кого же ему осуждать, как не самого себя? В 56 главе, обличая себя, своего героя, Нарекаци пишет: «Для писателя я — предмет осуждений, для обвинителя — приговор».

«Книга скорбных песнопений» — это признание поэтом своей вины, страшной, равной преступлению. Вместе с тем, чувство осознанной вины, осознанного преступления есть надежда на жизнь истинную, чистую. В «Книге скорбных песнопений» и судья, и подсудимый — одно и то же лицо.

7

Монологи Нарекаци переходят в диалог, в горячий, острый спор лиц, противостоящих друг другу и воплощенных в одном лице. Вообще говоря, монолог в его, так сказать, чистом виде невозможен. Монолог всегда предполагает лицо, к которому обращается говорящий. Этим другим лицом может быть и сам говорящий, его двойник. По определению знаменитого французского ученого Эмиля Бенвениста, «монолог» есть не что иное, как перенесенный во «внутреннюю речь» диалог между я-говорящим и я-слушающим... Иногда я-слушающий вмешивается, выдвигая возражения, задавая вопрос, высказывая сомнения или оскорбления... В одних случаях я-слушающий занимает место я-говорящего и выражается, следовательно, как «первое лицо»... В других случаях я-слушающий обращается к я-говорящему во «втором лице». Нарекаци в своих монологах пишет о себе и во втором, и в третьем лице:

*Наглый во всем, ты бессловесен и нем,
Когда надо ответить за содеянное...
Если услышит, что хотят его смерти,
Говорит: «Да». И еще раз повторяет: «Да»...*

Это и стилистический прием, и осознание разорванности, раздвоенности своей личности. «Да, Григор Нарекаци достигает той остроты самоанализа, — пишет Ст. Рассадин, — которая недаром за-

ставляет вспомнить Федора Достоевского...»¹. Двойник Нарекаци — его враг. В поэте трагически совместились враждующие начала, два человека-антипода. Поэт жаждет цельности, жаждет внутреннего умиротворения: «Я, разделенный на большие расстояния, буду ли вновь единым, увижу ли вновь радостным мое горестное, скорбное сердце?» Но тема творчества Нарекаци — раздвоенная личность. И он верен этому герою, его страданиям и раздвоенности; он избегает благополучных судеб, законченных личностей: в них нет проблем, нет мук человеческих, нет борьбы, падений и взлетов. «Книга скорбных песнопений» Нарекаци — это, прежде всего, горение страстей, неосуществленные поиски и погибшие стремления.

*Хотел двигаться быстрее — стал сильнее увязать,
Стремясь к безмерному — и своего малого не достиг,
Возносясь к высочайшему — скатился и со своей высоты,
С пути небесного был низвергнут в пропасть,
И чем больше остерегался — тем больше вредил себе,
Хотел сохранить себя цельным — распалось мое «я»,
Хотел совладать левой — споткнулся правой,
Искал второе — потерял и первое...
И все, что создал я сам, по своей воле,
Все это я обратил себе же в жестокого обвинителя.*

Больше всего Нарекаци и его герой страшатся успокоения. Нарекаци живет страдая, он не хочет и не может облегчить себе жизнь равнодушием. Для таких людей, как Нарекаци, равнодушие — величайший порок.

Борение противоречивых стремлений и дерзаний, — как пишет Александр Дейч в своей статье о Нарекаци, — «смена утверждения человеческой мощи и отчаяния, вызванного ощущением суетности и мелочности людских дел, — ось, вокруг которой медленно и мучительно вращается сознание поэта».

¹ Подробнее см.: Л. Мкртчян. Нарекаци и Достоевский. «Айреники дзайн» от 15 января 1967 г. (на арм. языке).

Говоря о себе и своем герое, Нарекаци сознательно обнажает противоречия:

*В его руках по чаше — одна с кровью, другая с молоком.
В его руках две горящие кадила —
В одной курится ладан, в другой падает жир,
В его руках два сосуда — один полон сладости, другой — горечи,
В его руках два кубка — в одном вино, в другом — желчь...*

Так контрастно он пишет о человеке. Но в жизни, в современной ему действительности Нарекаци видит другие контрасты: не хорошее и плохое, не черное и белое, а рядом с черным еще более черное, рядом с ужасным еще более ужасное, рядом со смертью — гибель, уничтожение:

*Скорбная ночь с двумя несчастьями:
Одно — плач, другое — смерть;
Утро траура с двумя предостережениями:
Одно — укоризна, другое — угроза;
Два солнца в двух концах света:
Одно — несет мрак, другое — сжигает.*

Такой жестокой была действительность. Нарекаци пишет о себе так, словно он говорит от имени многие претерпевших и перестрадавших людей:

*Если вижу воина — жду смерти,
Если гонца — жду немилости и жестокосердия,
Если писца — жду бумаги на погибель,
Если церковнослужителя — проклятий...*

Нарекаци молит Бога: «Не прибавляй моим слезам боли, не пронзай меня, раненого, не осуждай меня, наказанного, не терзай меня, измученного, не избивай меня, избитого, не отталкивай меня, упавшего...». Поэт просит Бога быть человечным, он знает жизнь и знает, что в жизни часто ранят слабого, осуждают осужденного, терзают измученного: знает, как это ужасно, и хочет,

чтобы его Бог был добрым, был справедливым: «Будь мне как врач, сочувствующий мне, и не будь судьей, что зовет на следствие».

Нарекаци знает, что в жизни за дары ругают, за щедрость клеветуют, за милости укоряют, высокодушие — высмеивают. Но только Господу Богу, как уверяет Нарекаци в 82 главе, за добро не платят злом. Так Нарекаци «уговаривает» Бога вершить добрые дела, потому что он Бог, и он будет правильно понят:

*Свою щедростью Ты не вызываешь к себе вражды,
За свои милости не подвергаешься клевете,
За дары Твои Тебя не ругают,
За даяния не укоряют,
За долготерпение не осуждают,
За то, что прощаешь, не высмеивают,
За доброту не порицают,
За мягкость Твою не оскорбляют,
За кротость Твою не презируют...*

В этих стихах Нарекаци выражена, очевидно, еще и горечь человека, пробовавшего жить возвышенно, чисто, как Бог, и за это осужденного.

По «Книге скорбных песнопений» мы можем судить, как глубоко понимал Нарекаци жизненные противоречия. «Кладовые убийц — полны, а сокровищницы защитника разграблены». Нарекаци недоумевает, в его недоумении — возмущение. По-другому недоумевал историк X века Ованес Драсханакертци: «Низкие норовили быть предприимчивей вельмож... Угрожая и бахвалясь своим мятежом, слуги измышляли обути господ в лапти и заставить их ходить пешком, а сами хотели гарцевать на кровных скакунах... наших царей, правителей и князей, коим испокон века принадлежали нахарарства, они пытались свергнуть и отнять у каждого из них владения...».

Историк считал порядок вещей правильным и не мог понять низших. Поэт видел и больно чувствовал сердцем, что жизнь устроена неверно: защищены и обеспечены люди неправедные. Десятый век был веком мятежным, беспокойным. Мятежна, и беспокойна поэзия Нарекаци.

Нарекаци строил храм своей веры Богу, и, может быть, ценна для нас не столько идея храма, сколько «строительный материал», взятый поэтом из самой жизни. Ценно то, с какой силой отразил поэт в своих стихах противоречия времени и страдания своих современников.

Нарекаци предстал со своими вопросами, со своими сомнениями и со своей мятущейся душой перед Богом, образ которого он сам невольно создавал если не по своему подобию, то по своему пониманию.

Однако черты человека с его муками, с его огромной болью обозначены в «Книге скорбных песнопений», как я думаю, резче (иначе и не могло быть), чем совершенный образ Создателя. Само совершенство Создателя не предполагает столь мучительных противоречий, а жизнь — это сплошные проблемы и вопросы. Образ Всевышнего конкретизируется в той мере, в какой Нарекаци делает Бога, героя своей поэмы, героем жизни. Образ человека в поэме Нарекаци насыщеннее, человек страдает, он — сгусток всевозможных сложностей, чего нельзя сказать о Боге.

*...Величие грозное,
Зрение, не знающее сомнений,
Воля, не знающая границ,
Щедрость неиссякаемая,—*

это Бог.

*Мне говорят — я не разумею,
Кричат — не слышу,
Будят — не пробуждаюсь,
Зовут — не двигаюсь,
Призывно трубят — не откликаюсь,
Ранят меня — не чувствую,—*

это страдающий человек, и он нам близок.

Верующий Нарекаци ищет путей сближения с Богом, ищет его благорасположения и как исключение пишет монологи, обращенные к Богоматери, чтобы через мать благорасположить Сына. В этой «уловке» виден человек, уповавший на доброту женского, материнского сердца:

*Сложив руки, молю тебя, нав ниц, Царица Небесная,
О, Мать Иисуса!
Будь заступницей мне, грешному, Царица Небесная,
Вымоли отпущение грехов,
О могучая спасительница жизни.
И пусть вечно к тебе, благословенная,
С земли возносятся
Запахи ладана и благовонных масел.*

(Глава 26)

*И спасение мое будет тобою явлено,
Если обретешь меня, о Богомать...
Мне жизнь дарует, излившись в душу мою,
Одна лишь капля девственного молока
С непорочных губ твоего блаженного рта.*

(Глава 80)

Нарекаци, написавший «Книгу скорбных песнопений» свободным, нерифмованным стихом, 26 главу зарифмовал, «ставя в конце каждой строки одно и то же созвучие, и от этого сердце щемит большее, острее». Думается, не случайно Нарекаци рифмует главу, обращенную к Богоматери. Рифма — дополнительное средство разжалобить женщину. Замечательно также, что Нарекаци, говоря о Богоматери, пишет не только о запахах ладана, но и о благовонных маслах. Он пишет о капле девственного молока на непорочных губах Богоматери и создает образ чувственный. А в одной из своих духовных песен (тагов) он говорит о Богоматери так, как сказал бы о женщине, о ее земной красоте: «Грудь светозарна, словно красных роз полна». Как поэт истинный Нарекаци не мог

не чувствовать красоту жизни и красоту женщины, хотя его положение ученого-монаха обязывало быть сдержанным в жизни и в стихах — поэт смирял себя.

11

Нарекаци принимает Бога, но не принимает мира, Богом созданного. Напомню, что в тех же словах говорит о себе и своем отношении к миру и Богу герой Достоевского — страдающий философ и бунтарь Иван Карамазов: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять». Достоевская формула: принимаю Бога, не принимаю мира, им созданного,— имеет и свое общее философское значение, и в этом общем философском смысле очень точно объясняет творчество Нарекаци. И не только Нарекаци, но и бунтующую поэзию Фрика (XIII — начало XIV века) — он тоже принимал Бога и не принимал мира божьего.

Пolemика с Богом начинается с неприятия мира, созданного Богом. Творец и мир, им созданный,— это тождество. Отрицая дело рук Творца, мы нарушаем тождество. Нарекаци, думается, верил в Бога полемически. «Истинная вера,— говорит Гегель,— не *заботится* о том, соответствует ей разум или нет, и не соизмеряет себя с разумом, а *полемическая* вера хочет верить вопреки разуму». Полемическая вера Нарекаци — это возможность оценки и критики мира с точки зрения жизни людей, с точки зрения интересов человека. Полемическая вера Нарекаци не может существованием Бога оправдывать жизненные противоречия. Для Нарекаци идея Бога и *эта* так неразумно устроенная жизнь — вещи несовместимые. Он не приемлет мир и прежде всего не приемлет себя как средоточие этого несправедливого мира.

*Я — высокое, ветвистое, многолиственное дерево,
Но бесплодное,
Точно та смоковница, что иссушена Богом.
Таков я. И скажу о себе:
Внешне прекрасно ты,
Твои листья нарядны, словно кудри волос,
Венком обрамляющие тебя.
Кто взглянет издали — тому покажешься желанным.*

*Но если придет тот, кто тебя взрастил,
За ожидаемым плодом —
Найдет тебя пустым и бесплодным, безобразным в красоте,
Выставленным на осмеяние, на позор и оплевывание.
И если дерево гордое, высоко стоящее,
Но растерявшее плоды и неживое,
Было не вовремя, не в урочный час проклято,
Как образ всего несовершенного и ущербного;
И если земля, орошенная росой,
Не воздала сторицей земледельцу
И была поэтому покинута, предана забвению,
То ты, мое жалкое «я»,
Ты — разумная земля, живое дерево,
Что не дает плодов, когда время плодоносить, —
Как можешь ты избежать кары,
Ставшей уделом того дерева и той земли?
Ты вобрал в себя плоды ничтожных, суетных дел —
Всех тех дел, что свершили и свершат люди,
Начиная от первого человека и до скончания рода человеческого,
И что ненавистно и противно Богу, создавшему тебя.*

Трагедия для Нарекаци, следовательно, не в том, что человек по природе своей ничтожен, а в том, что дела его ничтожны, сам же человек — *разумная земля, живое дерево*, и потому он должен плодоносить, иначе нет ему прощения.

12

Нарекаци любил свои страдания. Это было отчасти замечено исследователем его творчества Аршаком Чобаняном. Сам Нарекаци писал, что порою —

*Во гневе — сладость,
Во вражде — примирение,
В укусах — незлобивость,
В муках — поощрение...*

И кто знает, может быть, у Нарекаци любовь к страданиям не только оттого, что страдания приносят очищение, освобождение от грехов, но и оттого, что страдают все? А в своих личных переживаниях, как мы знаем, поэт видел не только личное.

Сердца поэтов всегда ранимы, их ум всегда воспален. Нарекаци терзался миром до самораспятия, до невозможности. Поэтому Нарекаци так трудно писалось, и он говорил: «Бог мой, тебе легче простить мне мои грехи, чем мне писать о них».

*Немедля он бы стал самоубийцей,
Если бы это не вело к неспасаемой, неотвратимой потере,—*

говорил о себе Нарекаци. Так больно, так остро чувствуют только редкие, великие писатели.

Нарекаци писал о душевных муках в их наиболее резких и острых проявлениях. Исключительно богат язык его поэзии. В своих монологах, обращенных к Богу, он не «брезгует» самыми низменными словами (проститутка, собака и т. п.), которые могли оскорбить «божественный слух». В 69 главе «Книги...» Нарекаци описывает блох:

*Они, словно сражающиеся ночью злые духи,
Или скопище варваров-грабителей,
Пристрастившихся к ночной темноте,
Или зверские, лютые полки арабских волков,
Крадучись подбираются, угрюмые, черные,
С искривленными жалами-хоботками
И, кусая, как скорпионы, пронзая, как колючки терния,
Тянут, высасывают кровь,
Превращая в страдания отдых в постели.
Но когда кто-нибудь поднимает руку,
Чтобы наказать их,
Они тотчас же чувствуют
Причиненный ими человеку вред,
Их крохотные безволосые тельца
Немедля прыгают, словно у них крылья,
Прыгают, как саранча, с одного места на другое...*

Нарекаци не чуждается самых низменных тем, он не знает запрещенных стилистических пластов. Наиболее характерная черта «Книги скорбных песнопений» — это нагнетание синонимов, все более и более уточняющих мысль, исчерпывающе выражающих оттенки чувств и усиливающих накал стиха. То, что у другого писателя воспринималось бы как простое повторение, у Нарекаци выражает богатство и сложность содержания стиха и обусловлено смысловой и эмоциональной переполненностью монологов.

«И когда огонь соединяется с огнем, появляется мышление», — говорит армянский философ Иоанн Воротнеци (1315-1386). Так можно охарактеризовать и стих Нарекаци. В «Книге скорбных песнопений» огонь соединяется с огнем и, как говорил Ованес Туманян, поэма Нарекаци — не речь, не повествование армянина, но огонь горящего сердца — и пламя застит небо; но крик измученной души — и крик достигает неба.

«Круглое, полное света и блеска, лучезарное, измеряющее день, изгоняющее тьму ночи, радующее глаза солнце, светило сотворенное, собирает в потоке мчащегося вперед времени множество лет и укладывает их в века, обновляя и оживляя этот переходящий и смертный мир», — писал Нарекаци в памятной записи к своей «Книге скорбных песнопений». С тех пор солнце собрало в потоке времени и уложило в века без малого тысячу лет. И мир, как никогда, обновился за это время. И слово поэта дошло сквозь толщу веков до наших дней, потому что поэт Григор Нарекаци собрал дни и годы своего времени, своей эпохи, собрал горечь и муки своих современников и воплотил их в своей бессмертной поэме «Книга скорбных песнопений».

Левон МКРТЧЯН

КНИГА СКОРБНЫХ
ПЕСНОПЕЧИЙ

ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ

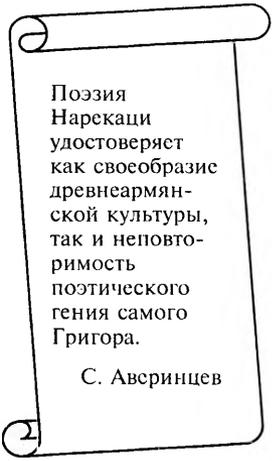
ГЛАВА I

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

I

Я обращаю сбивчивую речь
К Тебе, Господь, не в суетности праздной,
А чтоб в огне отчаяния сжечь
Овладевающие мной соблазны.
Пусть дым кадила души моей,
Сколь я ни грешен, духом сколь ни беден,
Тебе угодней будет и милей,
Чем воскуренья праздничных обеден.
Мой стон истошный, ставший песнопеньем,
Прими не с гневом, а с благоволеньем.

Из дальних келий, тайных уголков
Достал я слово, как со дна колодца,
Пусть дым сожжения моих грехов
К Тебе, всемилосердный, вознесется!
Когда перед Тобой предстану я
С застывшей на губах мольбой бесплодной,
Пусть жертва добровольная моя
Тебе не будет столь же неугодной,
Как стон Иакова в краю глухом
Или погранье Твоего закона
Правителем греховным Вавилона,
Как сказано в Писании Святом.
Мой дар Тебе пусть будет, Всеблагому,
Угоден.
Пусть Тебя он ублажит,
Как дым кадила в скинии Селома,
Которую воссоздал царь Давид.
Кивот, освобожденный от плененья,
Давид поставил там на много дней.
Да будет таковым и возрожденье
Погрязнувшей в грехах души моей!

Поэзия
Нарекати
удостоверяет
как своеобразие
древнеармян-
ской культуры,
так и неповто-
римность
поэтического
гения самого
Григора.

С. Аверинцев

Час настает, и громкий судный глас
Уже гремит в ущелиях отмщенья.
Он нас зовет и порождает в нас
Страстей противоборных столкновенье.
И сонмы сил недобрых и благих:
Любовь и гнев, проклятья и молитвы —
Блистают острием мечей своих
И дух мой превращают в поле битвы!
И снова дух смятен мой, как вначале,
Когда я благодати не обрел,
Которую апостол Павел счел
Превыше Моисеевых скрижалей.

Мне ведомо, что близок День Суда
И на суде нас уличат во многом,
Но Божий суд не есть ли встреча с Богом?
Где будет суд — я поспешу туда!
Я пред Тобой, о Господи, склонюсь,
И, отречась от жизни быстротечной,
Не к вечности ль Твоей я приобщусь,
Хоть эта вечность будет мукой вечной?
Я грешен был, я преступал закон,
Я за грехи достоин наказания
Страшней, чем мука варварских племен,
Поверженных Твоею гневной дланью.
Для филистимлян и эдомитян
Годами Ты отмерил наказание,
Но вечный огонь в удел мне будет дан
За все мои сомненья и деянья.
Ждет Страшный Суд меня, но до тех пор
Удел при жизни выпал мне не лучший:
При жизни обречен я на позор
И ожиданье кары неминучей.
Нас вознести иль превратить во прах,
Низвергнуть в ад иль даровать спасенье —
Во всем Ты властен, все в Твоих руках,
Приявший муки в наше искупленье.

ГЛАВА II

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

I

Взывал ты, повторял священный стих,
Склонялся пред Отцом своим Небесным,
Судящим по делам сынов своих,
Не обольщаясь рвением их словесным.
Страдал твой род в египетском плену,
Но не дал ты ему лишиться веры.
С кем, Моисей, сравнить тебя дерзну,
Найду ли я достойные примеры?

Я грешен, я упрям в грехе своем,
Я — варвар, недостойный Божья слова.
Та кара, коей предан был Содом,
И по моим грехам не столь сурова.
Как Ханаан, грехом я осквернен,
Я — Амалик, меня нельзя наставить.
Как идолообитель Вавилон,
Меня разрушить легче, чем исправить.
Обломком жалким я встаю из мглы,
На мне лежит проклятье, грех Иудин.
Как древний Тир, достоин я хулы,
Я, как Сидон, порочен и подсуден.
Я старца одряхлевшего слабей
От дней развратных и от жизни шумной.
Я — голубь, кроткий в глупости своей,
А не в своей смиренности разумной.
Я, как яйцо, где скрыт змеиный яд.
Ехидна я, что львицей почиталась.
Я — Иерусалим, священный град
Пред тем, как от него лишь пыль осталась.

Я — человек, чья сущность не чиста.
Шатер пустой, не избежавший бедствий.
Я — крепость, чьи сокрушены врата,—
Наследникам ненужное наследство.

Я — дом, но он покинут и забыт,
И чтоб его избавить от проклятья,
Он должен быть очищен и обмыт,
Обмазан глиной Божьей благодати.
А у меня нет для спасенья сил,
Я слаб, я сломлен тяжкими грехами,
И Справедливейший определил
При жизни место мне в зловонной яме.

Я изгнан, я отвержен, я забыт,
Смятен я духом, жалок я обличем.
Я — тот талант, который был зарыт
Рабом лукавым, как глаголет притча.

2

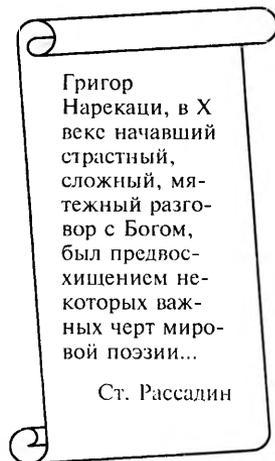
Всех душ и всякой плоти Созидатель,
Извечно щедрый в милости Своей,
Дай верить мне, как верил Моисей,
Пророк, Твоей достойный благодати.
Дай завершить мне книгу песнопений,
Достоиную Твоих благословений.

В обитель, где Ты должен нас принять,
Я начал путь свой, плача и стеная,
Дай грех мне искупить и злагом стать,
Возликовать при сборе урожая.
И сколь грехи мои ни велики,
Не дай иссякнуть слез моих истокам,
И, как Израиль, Ты не обреки
Мой дух и сердце засухе жестокой

Пред тем, как неба мы услышим глас,
А небо — глас земли, где сонмы нас,
Земля же — глас хлебов, и лоз, и хмеля,
И все услышат голос Изрееля.
Пусть чистая молитва и елей —
Все, что Тебе святыми воздается,
Проникнет в суть души моей скорей,
Чем тела оскверненного коснется.
О Господи, я — глина, Ты — творец,
Спаси меня, Небесный мой Отец,
Чтоб на земле мне духом укрепиться,
Чтоб в час, когда вступлю я в мир иной
И небо Ты развернешь предо мной,
Я б мог его сияньем насладиться,
Чтоб под небесным этим светом впрямь,
Как воску, не растаять, не сгореть.

Дай, Боже, силу мне, изнеможенному,
Дай духом мне воспрянуть, обделенному.
Перед концом моим, возможно, скорым,
Сведи меня с порочного пути,
Хоть я истерзан совести укором,
А не усилием Тебя найти.

Меня, земною тронутаго скверной,
Услышь, о Боже, со своих высот.
Возьми залог моей мольбы усердной
И дай мне благодать Своих щедрот.
Своим небесным светом освети
Мой слабый стон, глухое покаянье
И слово из Священного Писанья,
Что в эту книгу тщусь я привнести.
Меня, мой Благодетель совершенный,
Хоть жалости не стою, пожалей
И вместо меди звонкой, но презренной,
Даруй мне золото милости Своей.
Не повергай меня в смертельный страх,

Григор
Нарекаци, в X
веке начавший
страстный,
сложный, мя-
тежный разго-
вор с Богом,
был предвос-
хищением не-
которых важ-
ных черт миро-
вой поэзии...

Ст. Рассалин

И не ожесточай мой дух скорбящий,
Не обреки бесплодным быть в трудах,
Как пахаря на почве неродящей.
Не дай мне лишь стенать, а слез не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучею, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться,
За помощью к бездушным приходить,
Рыдать без утешенья, без ответа,
Не дай мне у неслышащих просить.
Не дай, Господь, мне жертву приносить
И знать, что негодна жертва эта,
И заклинать того, кто глух и нем.
Не дай во сне иль наяву однажды
Тебя на миг увидеть лишь затем,
Чтобы не утолить извечной жажды.

И до того, как мой услышишь зов,
Услышь мои, о Боже, покаянья
И соразмерно с тяжестью грехов
Не назначай покуда наказанья.

Щадящий, пощади, спаси, Спасаящий,
Освободи меня, Освобождающий.
Не дай сойти с пути; прости, Прощающий;
От бед оборони, Обороняющий.
Недуг мой исцели, Всеисцеляющий,
И путь мой озари, Всеозаряющий.
За прегрешенья не карай, Карающий.
Прости мой долг, от долга избавляющий,
С врагами примири, Всепримиряющий.
Когда в последний раз, в последний миг
Я подниму слабеющие вежды.
Пусть мне случится Твой увидеть лик,
Дарующий спасенье и надежды.
И мой последний вздох в последний час
Пусть мне минувшей жизни будет слаще.

Пусть ангел Твой с меня не сводит глаз,
Ведя дорогой страшной, но манящей.
Когда умру, моей душе яви
Дух небожителей, дух бестелесный
Тех, кто дорогой веры и любви
Пришел, о Боже, в Твой чертог небесный.
Не воздавай мне за мои грехи.
Пусть будет принят дух мой в мире лучшем.
Не дай, Спаситель, волка в пастухи
Твоей больной овце, овце заблудшей.
Погрызшему в долгах — даруй прощенье,
Погибшему в грехах — пошли спасенье.

3

Ты, жаждущим дающий утоление,
Ужели в мире не рассеешь тьму,
Ужель меня лишишь благоволенья,
Изменишь милосердью Своему?
Ужели мне откажешь в сострадании,
Ты, Тот Единый, в Ком оно живет?
Утрадишь ли, цветок, благоуханье,
Засохнешь ли, о Благодатный плод?
Ужель животворящие деянья
Ты прекратишь, о наше упование?

О Ты, Который кроток и велик,
Ужель пренебрежешь извечной славой,
Ужели омрачишь, о Боже правый,
Пречистый Свой, неомраченный лик?
Ты ль не даруешь, о мое спасенье,
Кровоточащим ранам исцеленье?
Бальзам на язвы не положишь мне?
Слепому, не пойдешь мне озаренье,
Свет предо мною не зажжешь во тьме?

Я — Твой проситель, раб Твой дерзновенный —
Молю Тебя: меня Ты не покинь.
Нетленный, жизнь дарующий вселенной,
Ты, славословимый, благословенный,
Ты был и есть — твердыня всех твердынь.
Ты был и остаешься вездесущим,
Как в прошлом, так и ныне, и в грядущем,
И за пределом вечности.
Аминь.

ГЛАВА III

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

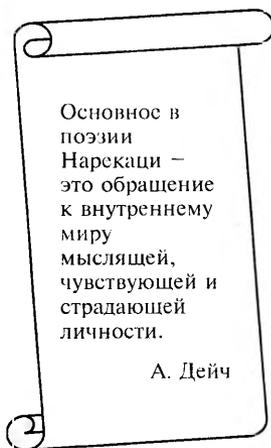
О Повелитель сущего всего,
Бесценными дарами нас дарящий,
Господь, творящий все из ничего,
Неведомый, всезнающий, страшный,
И милосердный, и неумолимый,
Неизреченный и непостижимый,
Невидимый, извечный, необъятный,
И ужасающий, и благодатный,
Непроницаем Ты, неосязаем,
И безначален Ты, и нескончаем,
Ты — то единственное, что безмерно,
Что в мире подлинно и достоверно,
Ты — то, что нам дает благословенье,
Ты — полдень без заката, свет без тени,
Единственный для нас родник покоя,
Что просветляет бытие мирское.
И безграничный Ты, и вездесущий,
Ты и сладчайший мед, и хлеб насущный,
Неистошимый клад, пречистый дождь,
Вовек неиссякающая мощь.

Ты и хранитель наш, и наставитель.
Недуги наши знающий целитель,
Опора всех, всевидящее зренье,
Десница благодатного даренья,
Ты явственно живущий, Ты бесплотный,
Наш пастырь неустанный, царь беззлобный,
Всевидящий, и днем и ночью бдящий,
Судья, по справедливости судящий,
Взгляд негнетущий, голос утешенья,
Ты – весть, несущая успокоенье.
Твой строгий перст, всевидящее око
Остерегают смертных от порока.
Судья того, что право, что неправо,
Не вызывающая зависть слава.
Ты – Светоч наш, величие без края,
Незримая дорога, но прямая.
Твой след невидим, видима лишь милость,
Что с неба к нам на землю ниспустилась.

Слова, что я изрек Тебе во славу,
Бледнее слов, которые бы мог
Услышать Ты, о Господи, по праву,
Когда б я не был речью столь убог.

Господь всеведущий, благословенный,
восхваленный,
Восславленный всем сущим во вселенной,
Все то, что совершить нам суждено,
Твоею волею предreshено.

О Господи, дорогу очишенья
Ты мне в моих сомненьях укажуй
И, приведя меня к вратам спасенья,
Сам удовлетворишь и возликуй.
Цель песнопенья Твоего раба –
Не славословье и не восхваленье,
Мои слова ничтожные – мольба,
Которой жажду обрести спасенье.

Основное в поэзии
Нарекаци –
это обращение
к внутреннему
миру
мыслящей,
чувствующей и
страдающей
личности.

А. Дейч

Собрание песен сих, где каждый стих
 Наполнен скорбью черною до края,
 Сложил я — ведатель страстей людских,—
 Поскольку сам в себе их порицаю.
 Писал я, чтоб слова дойти могли
 До христиан во всех краях земли.
 Писал для тех, кто в жизнь едва вступает,
 Как и для тех, кто пожил и созрел,
 Для тех, кто путь земной свой завершает
 И преступает роковой предел.
 Для праведных писал я и для грешных,
 Для утешающих и безутешных,
 И для судящих, и для осужденных,
 Для кающихся и грехом плененных,
 Для добродетелей и злодеев,
 Для девственников и прелюбодеев,
 Для всех: для родовитых и ничтожных,
 Рабов забитых и князей вельможных,
 Писал я равно для мужей и жен,
 Тех, кто унижен, тех, кто вознесен,
 Для повелителей и угнетенных,
 Для оскорбителей и оскорбленных,
 Для тех, кто утешал и кто утешен.
 Писал равно для конных и для пеших.
 Писал равно для малых и великих,
 Для горожан и горцев полудиких,
 И для того, кто высший властелин,
 Которому судья лишь Бог один;
 Для суетных людей и для благих,
 Для иноков, отшельников святых.

И строки, полные моим страданьем,
 Пусть станут для кого-то назиданьем.
 Пусть кающийся в горьком прегрешенье
 Найдет в моих писаньях утешенье.
 Пусть обратит мой труд, мое усердьё

Себе во благо человек любой.
И стих мой, став молитвой и мольбой,
Да вымолит Господне милосердые.

3

Всем тем, кто вникнет в сущность скорбных слов,
Всем, кто постигнет суть сего творенья,
Дай, Боже, искупление грехов,
Освободи от пагубных оков
Сомнения, а значит, преступленья.

Желанное даруй им отпущенье,
Пусть слезы их обильные текут,
И голосом моим они моленье
Тебе угодное да вознесут.
К Тебе да вознесется их мольба
И за меня, за Твоего раба.
Пусть, Боже, на рабов Твоих покорных,
На всех раскаявшихся, кто прочтет
С участием книгу этих песен скорбных,
Твой свет и благодать да снизойдет!

И если всех Ты примешь, кто со мной
Произнесет слова мольбы усердной,
Врата своей обители святой
Открой и мне, о Боже Милосердный.
И если слезная моя мольба
Прольется, словно дождь, грехи смывая,
То и меня, ничтожного раба,
Омоет пусть его вода живая.
И если Ты спасешь, о Боже, всех,
Согласных с мыслью свыше вдохновенной,
Ты и меня, простив мой тяжкий грех,
Спаси, о Господи благословенный.
И если песнь моя в душе иной

Родит Тебе угодные понятия,
Ты и меня, Отец Небесный мой,
Не обдели Своею благодатью.
И если те, кто мой постигнет стих,
К Тебе дрожащие возденут руки,
Пусть боль стенаний горестных моих
Сольется с их мольбой в едином звуке.
И если сказанные в книге сей
Услышаны Тобою покаянья,
То в многощедрой милости Своей
Будь милосерден и к пришедшим ране,
И если поколеблется, скорбя,
В священной вере некто, духом нищий,
Пусть он, воспрянув, в книге сей отыщет
Опору, уповая на Тебя.
Коль маловеер однажды устрашится,
Что храм его надежд не устоит,
Пусть этот шаткий храм Твоя десница
Строками книги скорбной укрепит.
Когда недугом мучимый жестоко
Почти утратит кто-то с жизнью связь,
Пусть обретет он силу в этих строках
И возродится вновь, Тебе молясь.
И если смертный страх или сомненье
Вдруг овладеют кем-то из людей,
Пусть в книге он найдет успокоенье,
Найдет покой по благости Твоей.

И если груз грехов неискупленных
Потянет в пропасть грешника, пусть он
Всей сутью слов, Тобою мне внушенных,
Спасен навечно будет и прощен.
И если где-то грешник есть, который
Не минет сатанинской западни,—

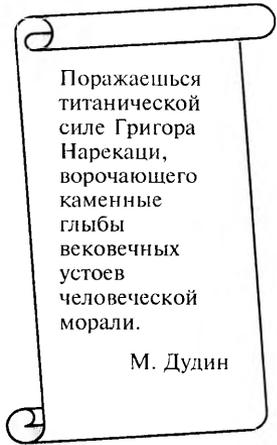
Дозволь, чтоб труд мой был ему опорой
И сам безумца светом осени.

И если кто-то в гибельной гордыне
Слова святых молитв забыть готов,
Дозволь, чтоб я вернул его святыне
Могуществом Тобой внушенных слов.

И тех, кто в сатанинском ослепленье
Уверует в презренную тщету,
Мне книгой скорбных этих песнопений
Дозволь вернуть к Причастью и Кресту.
И ураган неверия, взметенный,
Как над водой, над душами людей,
Смири моею песней, вдохновленной
Божественною милостью Твоей.

4

Сей труд, что начинал я с упованьем
И с именем Твоим,
Ты заверши,
Чтоб песнопенье стало врачеваньем,
Целящим раны тела и души.
И если труд мой скромный завершится
С Твоим благословением святым,
Пусть дух Господень в нем соединится
Со скудным вдохновением моим.
Тобой дарованное озаренье
Не погаси.
Мой разум не покинь,
Но вновь и вновь приеми восхваленья
От Твоего служителя.
Аминь.

Поражаешься
титанической
силе Григора
Нарекаши,
ворочающего
каменные
глыбы
вековечных
устоев
человеческой
морали.

М. Дудин

ГЛАВА IX

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

И наступает срок сказать мне честно
О прегрешеньях дней моих и лет.
Но в час, когда пора держать ответ,
Моя душа робка и бессловесна.
И если я припомню все, что было,
И воды моря превращу в чернила,
И, как пергаменты, я расстелю
Все склоны гор пологие и дали,
И тростники на перья изрублю, —
То и тогда при помощи письма
Я перечислю, Господи, едва ли
Мои грехи, которых тьма и тьма.
И если кедр ливанский в три обхвата
Свалю я, сделав рычагом весов,
На чаше их и тяжесть Арарата
Не перетянет всех моих грехов.

2

Я — древо, на котором веток много,
Но зрелых я плодов не оброну.
Как та смоковница, по воле Бога
Бесплоден я, засохший на корню.
Смоковница, украшенная кроной,
Манит шумящею листвою зеленой
Усталых путников издалека.
Но подойдет к ней путник изнуренный,
И ни плода не сыщет, ни цветка.
Она — предмет презрения и брани,
Оставленная, как напоминанье,

Как некий тусклый образ душ людских,
Запятнанных греховностью и ложью,
Подвергнутых навек проклятью Божью,
Погрязших в омуте грехов мирских.

Бывает, потом политые пашни,
Зерно приемля, хлеба не родят,
И пахарь, труд оплакавши вчерашний,
Уходит прочь, куда глаза глядят.

Душа, храня пристойности обличье,
Ты, как смоковница, листвою шуршишь,
Но, как смоковница в старинной притче,
Бесплодия и ты не избежишь.
Душа моя, как выгребная яма.
Ты вобрала, чтоб погубить меня,
Грехи всех смертных – со времен Адама
Свершенные до нынешнего дня.
Ты копишь то, что Богу не угодно,
И потому презренна и бесплодна.

3

Я сам отяготил себя грехами,
Я над собой самим свершаю суд.
Я буду побивать себя словами,
Как из пращи камнями зверя бьют.
Я в мире жил и нагрешил премного,
И ныне я вступаю в смертный бой –
Как некий враг с врагом, во имя Бога
Я насмерть биться буду сам с собой.
В сокрытых мной пороках и желаньях
И помыслах, в которых был лукав,
Винюсь, как в совершенных злодеяньях,
Перед Тобою на колени пав.
Молясь Тебе, живу единой верой,

Что Ты, который милосердней всех,
Свою отмеришь милость той же мерой,
Которой мерю я свой тяжкий грех.
И мне Ты не откажешь в подаянье,
И чем неизлечимей мой недуг,
Тем большее искусство врачеванья
Ты явишь мне, — и я воспряну вдруг.
Чем больший долг простишь Ты мне с любовью,
Чем милосердней будешь и щедрей —
Тем истовей польется славословье
Мое, как в притче праведной Твоей.
О Господи, в Тебе одном спасенье:
Даешь Ты справедливость нам в даренье.
Лишь от Твоей десницы обновленье,
И силы нам от Твоего перста,
От милосердия нам искупленье,
От лика — вся земная красота.
От Твоего чела — нам озаренье,
От Твоего дыханья — вдохновенье,
От Твоего участия — доброта,
От Твоего елея — умиление,
От знаменья — благое разуменье,
Что наши скорбь и радость — все тщета.
Лишь Ты даруешь нам освобожденье
От страха, от преступного сомненья,
Ты вкладываешь слово нам в уста.
Достоин Ты земного восхваленья,
Лишь Ты один — вселенной лепота.

Все в мире сущее, все поколения
Возносят к небесам Тебе моления.
Молитва наша свята и чиста.
Аминь.

ГЛАВА XXI

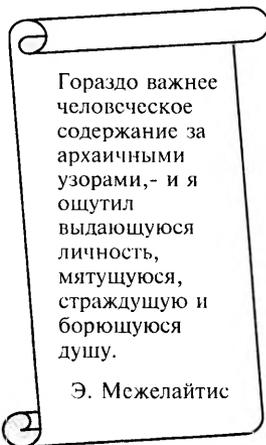
СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

С тех пор, как гибели себя обрек,
Уже я не восстал как человек,
Вновь не обрел в себе я человека,
Как сказано в Писании Святом.
Сойдя с пути, что праведен от века,
На этот путь я не вступил потом.
Хоть рассказал я в предыдущих главах
Про все грехи мои, но, стыд поправ,
Напомню вновь я о делах неправых,
О злодеяньях, о путях лукавых,
Не изменяя слогу прежних глав.

2

О Господи, я – грешник, я – злодей,
Я заслужил Твой лютый гнев и кару.
Ничтожностью, греховностью своей
Себя я уподобил Велиару.
Своею нерадивостью и ленью
Я сам себя подвергнул осуждению,
Обрек себя на горе и позор.
И демоны мои возликовали,
В бесовском хороводе заплясали,
И пляшут и ликуют до сих пор.
Удары тайные я принял, Боже,
Предуготованные мне судьбой.
Я не отверг отвергнутых Тобой,
Наоборот, их силы приумножил.
Бесовской я и сам грешил игрой,
И сам плясал я с бесами порой.

Гораздо важнее
человеческое
содержание за
архаичными
узорами,- и я
ощутил
выдающуюся
личность,
мятущуюся,
страждущую и
борющуюся
душу.

Э. Межелайтис

Они же имя Божье поносили.
Но я греха не отвергал в бессилье,
Себе не говорил я — не грехи!
Я грех творил,
И черви подточили
Поникнувший цветок моей души.

Я погубителей моих незримых
Не вскармливал, но не уничтожал.
Я сам невольно силы умножал
Гонителей моих неукротимых.
Я разрушителям, исчадью ада
Был преданнее, нежели Творцу.
Не сладость я вкушал, а горечь яда,
И вот приходят дни мои к концу.

Я утрашен греховностью моей.
О горе мне, позор и поруганье!
Как перед взором праведных людей
Предстать мне после моего признанья?
Всех лучше знаю, сколь мой грех велик,
Мне горло сжал отчаяния крик.
Когда способность мне была б дана
То видеть, что никто узреть не может,
Узрел бы я: душа моя черна,
Как идолопоклонник в Храме Божьем,
Понеже грехотворной силы страсть
И идолов богопротивных власть
Сказать воистину — одно и то же.
В кромешной тьме, у жизни на краю,
Погибельной тропой иду я ныне.
Мой дух бессмертный — благодать Твою —
Я превратил в бесплодные пустыни.

Могу ли человеком я считаться,
Когда причислен я к творящим зло,
И существом разумным называться,
Когда в меня безумие вошло?
Хоть я и зрячий, но слепого хуже.
Внутри себя свет погасив, теперь
Я не могу прослыть ученым мужем:
К познанию сам себе закрыл я дверь.
Слыть многомудрым, свыше просветленным
Я, погубивший душу, не могу,
И просто существом одушевленным
Себя назвавши, — я и то солгу.

Среди кувшинов я — кувшин негодный.
В гранитной кладке — камень инородный.
Я в сонме избранных — избранник ложный,
Я в сонме признанных — глупец ничтожный.
И, уstraшенный смертью, ибо грешен,
Покинут всеми я, а кем утешен?

Пророк Иеремия говорил,
Что Иерусалим падет в бессилье,
Так и меня страданья истожили,
Погиб я, потеряв остаток сил...
Как дерева червями, ткани молью,
Изъеден я своей сердечной болью.
Я источился, словно паутина.
Моя греховность этому причина.
Я прекращаю век свой, исчезая,
Как утренний туман, роса ночная.
Я веровал в людей неосторожно,
А вера только в Господа возможна.

И ныне, о содеянном скорбя,
Я, проклятый и очерненный скверной,
Надеюсь, Боже, только на Тебя,
Исполненного милости безмерной.

И на кресте Ты никого не клял,
Терпя страдания, не ожесточился,
Когда к Отцу Небесному взывал
И за своих мучителей молился.
Поддай мне весть, чтоб ей внимал мой слух,
Даруй надежду в жизни быстротечной
И в час, когда Тебе свой жалкий дух
Я возвращу, --
Даруй мне Дух Свой вечный.
Аминь.

ГЛАВА XXIII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Непостижимый взору и уму,
Ты, без Кого ни слова нет, ни дела,
Определяющий предел всему
И только Сам не знающий предела,
Нам без Тебя ни света нет, ни тьмы.
Ты слышишь наши стоны, зришь несчастья.

Невидим Ты, но все, что видим мы,
Померкло бы без Твоего участия.
Ты — недоступен для рабов своих,
Но близок в вышине своей нездешней,
Целитель жесточайших ран людских
И утешитель боли неутешной!

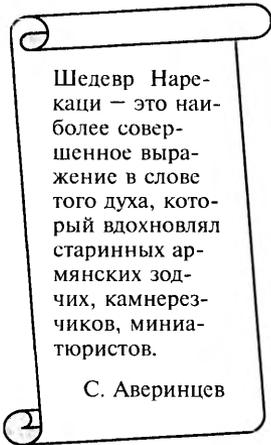
2

Узри, о Боже, взор мой безутешный
И сердце, что раскрыл я пред Тобой.
На путь наставь мой разум многогрешный,

Но будь целителем, а не судьей.
Неверью и сомненьям нет предела,
Но чтоб греха избегнуть, дай мне сил.
Мой дух еще не отрешен от тела,
И страшен грех, что тело осквернил.
Скорблю, что дух и разум не едины,
Что на добро надежды нет в сердцах.
Скорблю, что создан человек из глины,
Замешенной на низменных страстях.
Скорблю, что нас, людей, наш ум усердный
Не сделал совершеннее скотов,
И грязью мы отмечены, и скверной,
И памятью содеянных грехов.
Что каждый совершил и что утратил,
Мутит молитву нашу, застит взгляд,
И мы, сжимая плуга рукояти,
Дрожа от страха, все глядим назад.

Мы, смертные, пленяемся ничтожным,
И не умеем мы глядеть вперед,
И в поединке истинного с ложным
Неистинное чаще верх берет.
И боль утрат идет вослед за нами,
И всюду тьма, и пелена у глаз,
И приговор возмездья пишет память
В суде сознания каждого из нас.

О горе, если Бог наш отвернется
И поразит нас гром Его речей,
И вечное величие столкнется
С мгновенною ничтожностью людей.
Растратил я, гонясь за наслаждением,
Свой драгоценный дар, пропал мой труд.
Пусть Божьей справедливости каменья
Меня, греховного, нещадно бьют.
Я путь прошел, но свет моих трудов
В потемках неусердья был не ярок.

Шедевр Нарекания — это наиболее совершенное выражение в слове того духа, который вдохновлял старинных армянских зодчих, камнерезчиков, миниатюристов.

С. Аверинцев

Я не оставил по себе следов,
И свет погас, и догорел огарок.
Мой слабый ум немного постиг
И потерял способность постиженья,
И онемел греховный мой язык
Без права отвечать на обвиненья.
Чадит лампада тусклая моя,
Мое напоминая нераденье,
И стерто имя в Книге Бытия,
И вписаны укор и осужденье.

3

Я вижу воина – и смерти жду,
Церковника я вижу – жду проклятья,
Идет мудрец – предчувствую беду,
Идет гонец – могу лишь горя ждать я.
Кто сердцем чист – порог мой обойдет,
Благочестивый горько упрекнет,
Навстречу мне не сделает и шага.
Водой испытан буду – захлебнусь;
От испытанья зельем не очнусь;
Услышу тихий шорох – устрашусь;
Протянут руку – в страхе отшатнусь,
Учую зло во всем сулящем благо!
На пир я буду позван – не явлюсь,
На суд Твой буду призван – онемею,
Ниц упаду, слезами обольюсь,
Как будто говорить я не умею.

Мне стрелы изнутри пронзили грудь,
Слились в большую рану все сомненья,
Терплю я муку, не могу вздохнуть,
Ни днесь, ни впредь не жду отдохновенья.
Услышь, о Боже, вопль души моей,
Последний стон мой, ставший песнопеньем,

Стон, слившийся со стонами людей,
Тебя молящих о моем спасенье.
Нас, жалких обитателей земли,
Ты Сам из праха сотворил земного.
Что делать нам, наставь и повели!
Услышь мое беспомощное слово!
Ты, суший в каждой твари, что живет,
Превозносимый каждой тварью сухой,
Покой душевный от Своих щедрот
Даруй нам в жизни сей быстротекущей!

ГЛАВА XXIV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

О Господи, о Боже, пред Тобой
С какую ныне мне предстать мольбой?
Могу ль молить, когда б на то решился,
Чтоб вновь обрел я то, чего лишен,
Чтоб с праведными, с кем я разлучен,
По воле Божьей вновь соединился?
И чтобы заново я был срашен
С лозою той, от коей отсечен?

Я – ствол, который ныне покривился.
Но может ли быть снова возрожден
Цветок, чей стебель сгнил, к земле склонился?
Былым величием я к земле склонен.
Как сделать так, чтоб вновь я распрямился?
Чтоб снова я в объятьях очутился
Того, Кем был для жизни порожден?

Теперь я – наг, и облачений всех,
Хоть и гордился ими, я лишился.
Как надо жить, чтоб вновь я приобщился

К Тому, Кем осужден за тяжкий грех?
Чтоб свет, хоть от него я отдалился,
Мне виден был сквозь тысячи помех?
Чего мне ждать? Ушедшего веселья?
Мечтать, чтоб снова светлой стала келья?
Молить, чтоб снова я душой обрел
Установленья, с коих я сошел?
Поверить ли в незыблемость скалы,
Что вдруг заколебалась подо мною?
Смешаться ли с толпой, что злой хулы
Достойна за стяжательство земное?

Могу ли в град, где первенцы, вступить,
Когда я, грешный, обречен чужбине?
О хлебе ли насущном мне молить,
Которого не заслужил поныне?
Молить, чтоб снова рядом очутиться
С людьми, с которыми я жизнь прожил?
Или кричать: «Пусть мука прекратится!»
Но я еще греха не искупил.
Просить наград, чтоб ими возгордиться?
Но я наград довольно получил,
И ни одной еще не оплатил,
И пробил час за это поплатиться.

Мне ль быть внесенным в Книгу Бытия,
Когда уже я вычеркнут оттуда?
Мне ль вспоминать дары Твои, как чудо,
Что не уберегла душа моя?

2

Как нить, моя надежда порвалась,
Мной завладела мерзкая проказа.
Сначала язвою, не больше глаза,
Отметила меня и расплзлась.
Моя болезнь сокрыта милосердно

Под прежнюю личиной черт моих,
Что означать должно двойную скверну —
Души и тела, все еще живых.
Померкло для меня сиянье славы,
Добро ушло, никто меня не спас,
И приближается мой смертный час,
И суд грядет безжалостный, но правый.
Разлился смерти яд в душе моей,
И в гавань вход закрыт для кораблей,
И сорваны покровы благодати,
Померкло благолепье прежних дней.
Но тернии хулы и гром проклятий,
Несправедливый суд земных судей —
Все это стало участью людей,
Чтоб прежние надежды я утратил.
Стропила сгнили, рухнули столбы,
Упала кровля, повалились стены,
Разверзлась бездна огненной геенны,
Как завершение моей судьбы.
Прощаясь ныне с жизнью земною,
Я с этим миром чувствую разлад.
И Дух Святой — Дух, оскорбленный мною,
Корит меня, в том сам я виноват.

3

Ту чашу, что была мне суждена,
В течение жизни я испил до дна.
Познал я все: сомненье и смятенье,
Срам непостижный, вечное презренье,
Позор, бесчеловечное гоненье.
Днем не было еды, а ночью сна,
И не было в пути мне озаренья!
Лишь Ты — надежда наша и спасенье.
Ты — милосердье, помощь, очищенье.
Единый Сын Того, чье мановенье
Твердь неба создало и твердь земли,

О Господи, мольбе моей внимли!
Ты, Сострадающий, Благословенный,
Защитник наш, в заботе ночеденной
Сиянье зажигающий вдали,
Меня прими и мне даруй прощенье,
Направь на путь и дай мне наставленье,
Чтоб вновь в меня слова Твои вошли.
Чтоб умиление, умиротворенье
Мой грешный дух очистить помогли!
Ты жаждущих поишь в краю пустынном,
Даришь надежду страждущим, невинным,
И мне свою десницу протяни
И в облике представши триедином,
Навек меня с Собой соедини.
Аминь.

ГЛАВА XXV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

В печальных строках предыдущих глав
Свои не все назвал я прегрешенья,
В чей плен давно душа моя попав,
Претерпевает тяжкие мученья.
Я изменил лишь форму изложения,
Оплакивать себя не перестав.

2

Все то, что я терплю, о чем скорблю,
Недоброе напоминает море,
Моя душа, подобно кораблю,
Трещит и гибнет, со стихией споря.
Плывет корабль, под ураганом злым,

Его несут валы, и нет им края.
Не так ли погибал Иерусалим,
Когда врагов когорты, наступая,
Разрушив город, овладели им?
Об этом рассказал пророк Исая,
Заслуженно причисленный к святым.
Несчастливая душа моя в смятенье.
И с кораблем уместно ей сравненье.
Пока я тихо плыл путем своим,
Не опасался горьких злоключений,
Трудился, чередуя сон и бденье,
И думал, что не будет путь иным.
Казалось мне: уже достиг я цели,
Но в ясный день вдруг волны налетели,
Беда случилась с кораблем моим:
Переломились рукояти весел,
И грозный вал его на скалы бросил.
Вот парусное рвется полотно,
Вот толстые канаты натянулись,
Борта водой морской захлебнулись,
Они трещат с обшивкой заодно.
Вот мачты гнутся, вал смывает снасти.
И рвутся цепи якорей на части,
И судно гибели обречено.
Вода ломает клепки, чтобы с шумом
Во внутрь ворваться и потечь по трюмам,
И судно погрузить мое на дно!

Обломки корабля плывут, не тонут,
Подобно существам разумным стонут.
Страшна им тоже эта маета,
И, корабельщик, я стою в смятенье,
Гляжу, как гибнет все мое владенье,
Но замыкаю я рукой уста,
Чтоб в час стихии этой неспокойной
Своею жалобою недостойной
Не осквернить молитвы и поста.

А Тот, по Чьей неизъяснимой воле
Все совершается в земной юдоли,
За погибающим добром моим
Следит и вместе с воинством Своим —
Стоит и плачет от великой боли:
Недаром нам в пример, жалея всех,
Он слезы лил над Лазарем любимым,
И над смятенным Иерусалимом,
И над Иудой, совершившим грех.
Тот город, и могучий, и богатый,
Тот ученик, предатель тот проклятый,
Сравнимы с одиноким кораблем,
Среди стихии дикой поврежденным.
А Лазарь мертвый, но непогребенный,
Достигнув дна в мучении своем,
Надежды не утратил и потом
Из гроба вышел, Богом воскрешенный.

3

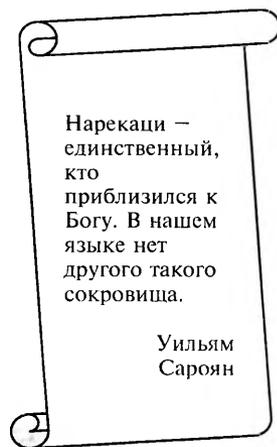
Сравню мое с ковчегом естество,
Увижу ль вновь его неповрежденным?
Увижу ль судно духа моего
После грозы и бури обновленным?
Ужель приду я к Господу прощенным?
Не быть ужели сердцу омраченным,
И храму моему неразоренным,
Отеческому дому несожженным?
Там не осталось ныне никого.

Ужель, рабу, мне быть освобожденным,
Быть неотверженным, несокрушенным,
Не помнящим плохого ничего?
Ужель, о Господи, мне быть прощенным
По воле милосердия Твоего?

Ужели я смогу мольбу вознесть,
И Ты, о Боже, примешь покаянье?
Ужели я услышу не рыданье,
А посланную мне благую весть?
Ужель душа моя, какая есть,
Возрадуется, позабыв страданье?
Ужель разбитый многожды сосуд
Вновь невредимым станет, как сначала,
И перечень долгов моих порвут,
Чтобы моя душа возликовала?
Ужели дни тоски моей пройдут,
Настанут дни благого очищенья,
И высохшие от поста и бденье
Все мышцы тела силу обретут?

О Господи, пристыженный Тобой,
Кричу я, как кричал во время оно
Китом проглоченный пророк Иона:
«Ужель я вновь увижу Храм Святой?»
Ужель во мгле я различу впервые
Земли обетованной берега,
Ужель почую капли дождевые,
И оживут моей души луга?

Ужель я, многогрешный, наконец,
Прощен Тобою и собой принижен,
Не без толку разбредшихся овец,
А паству, верную Тебе, увижу?

4

Передо мною было столько бед,
Что я не мог пройти сквозь их тенета,
Но, Господи, хотя б на склоне лет
Пусть милосердья Твоего ворота
Раскроются, и состраданья свет
Меня спасет от тягостного гнета!
И пусть Твои лучи распространятся

На все, что было пагубным вчера,
И капли благодати просочатся
Из Твоего пронзенного ребра.

Пусть все дела благие совершатся,
И древо сладостных Твоих даров
Пусть зацветет в тени земных садов,
И мы услышим прерванный Твой зов;
Издаലെка он будет приближаться.
И вместе с очишеньем от грехов
Надежда и блаженство в нас вселятся.
Все, что виденьем будет, хоть мгновением,
Останется в душе моей нетленным —
Благим явленьем Троицы Святой.
И с именем Твоим неизреченным
Я многотрудный путь окончу свой!

Увенчанный великим милосердьем,
Господствующий в высях неземных,
Ты властвуешь и над земною твердью,
Оберегая всех рабов Своих;
Так дай мне силу, чтоб я мог с усердьем
Тебе служить, покамест я в живых.
Аминь.

ГЛАВА XXVI

СЛОВО К БОГОМАТЕРИ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

И я один из тех, чья жизнь сурова,
Чьи слезы льются, как весной поток,
И кто стенанья превращает в слово —
В песнь с однозвучным окончаньем строк.

И стих, певучий от таких созвучий,
Щемит сердца, когда звучит в тиши.
Единозвучье раскрывает лучше
Невидимую миру боль души.
Я жил на свете горестно и сиром,
И, как гласят Писания слова,
Душа, что не вполне мертва для мира,
Для Бога не вполне еще жива.
Не знаю, эта песня хороша ль,
Но строки ныне с самого начала
Я рифмовал, чтобы моя печаль
Еще сильнее и горестней звучала.

2

Сокровищ царских жалкий расхититель,
Я наказанью предан с давних лет,
И призовет меня казнохранитель,
Чтоб, казнокрад, я дал ему ответ.
Томлюсь в темнице без воды и пищи,
Мои печали слишком велики.
Мой долг — пятьсот талантов, но я, нищий,
Давно растратил и золотники.
И, чтобы сердцу в песне изливаться,
Я здесь избрал особый лад строки,
Пусть каждый стих вершится звуком «и»,
Что означает также цифру «двадцать».

Бушует нищета, как пламень горна,
В закладе сердце и душа моя,
И за вину моих деяний черных
Сурово спросит грозный судия.
И подступает страх, меня пронзая
Своим мечом безжалостным, когда
Задумываюсь я и понимаю
Неотвратимость Страшного Суда.

Я, суетный, подверженный сомненьям,
Уже сегодня слышу Божий Глас
И мучусь, будто в огненной геенне
Мой дух и плоть горят уже сейчас.
Все, чем владел, растратил я и прожил,
А что копил я столько лет подряд –
Презренно; и в сокровищницу Божью,
Что я стяжал, того не поместят.
Плоть нечиста и дух нечист мой тоже,
Но, взор молящий устремляя ввысь,
Я днесь Тебя прошу: «О Матерь Божья,
Ты за меня пред Господом вступишь!
Грехам моим да будет отпущенье,
Пусть мне вина простится, умоли,
И пусть вовек дымятся воскуренья,
К Тебе от нас летящие с земли!»

3

Что, кроме щедрых слез и жалких строк,
В дар Милостивцу принести я мог?
Как мне содеянное мной измерить?
Я быстрой мысли торопил крыла,
Но мысль моя размер моей потери
Все ж охватить собою не могла:
Нет края, нет конца перечисленью
Грехов, в которых я повинен сам,
Я чашу малодушья и сомненья,
Как чашу смерти, подношу к губам.

Боль нестерпимая во мне таится,
Рождая, я не в силах разродиться,
И стрелы в сердце мне вонзают яд.
Жар лихорадки почки мне сжигает,
Мои мученья печень разрывают,
И желчь, скопившись, к горлу подступает,
Мою гортань стенания теснят.

Все члены тела, хоть они едины,
Друг с другом, словно смертные враги,
Меня губя, вступают в поединок,
О Пресвятая Дева, помоги!
О Матерь Божья, я Твой раб презренный,
Я грешник, чьи сомненья велики,
И все же я молю Тебя смиренно:
Из тьмы грехов меня Ты извлеки.

ГЛАВА XXVII

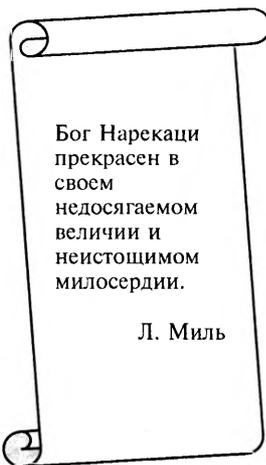
СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Я пред Тобой, о Господи, предстал,
К Тебе я в прошлых главах глас возвысил
И строю повторяющихся чисел
Свое моление скорбное связал.
Я, Боже, был рабом Твоим беспечным,
И ныне покаянием сердечным
Смогу ль Тебе во славу, о Творец,
Соединить в смиренье безупречном
Начальное возгласие с конечным,
Коль покаянью может быть конец?

2

Сколь, Боже, Ты велик, столь я — ничтожен.
Ты — свет, о Господи, я — мрак ночной.
За грех свой я Тобой не уничтожен.
Я грешен пред Твоею добротой.
Порой мой нрав лукав и путь мой ложен.
О Господи, я грешен пред Тобой.
Воистину, ничтожен я и грешен
Пред силой милосердия Твоего,

Что сотворила все из ничего.
Перед Тобой, кем я бывал утешен,
Мой грешен дух и грешно естество.
О Господи, я грешен, грешен, грешен,
Я грешен, трижды грешен пред Тобой.
Перед тропею неисповедимой,
Перд милостью Твоей непостижимой
Я грешен в большей мере, чем другой.
Перед Твоею правдой я – лукавый,
Бесславный пред Твоей бессмертной славой,
Перд кровью чистой, пролитой Тобой,
Я грешен, грешен я, о Боже правый!

Лишь покаянье искупает грех,
Дарит надежду, что превыше счастья –
Надежду на прощенье и участие
И тем из грешных, кто грешнее всех.
«Я грешен» – слово из великих слов,
Что небеса с землей соединили;
То слово ограждает от грехов,
Ужасней тех, что мы уже свершили.
«Я грешен!» – вот отчаяния глас,
Глас искупленья каждого из нас.
«Я грешен!» – покаянья нет иного.
И, многожды виновный до сих пор,
Я верю, что смягчит мне приговор
Идущее от сердца это слово.

Ведь звук его отраден и угоден
Тому, кто будет грешников карать.
Но это может лишь мудрец понять,
Коль будет промысел на то Господен.
А тот, кто слово «грешен» помянул
Лукаво или же без разуменья,
Не сможет обрести пути спасенья.
Ахан, Иуда или же Саул
На адские обречены мученья.

Все те, кто слово «грешен» говорят
Не от души иль с долею сомненья,
И в покаянье не найдут спасенья,
Ничьи персты их не благословят.
Я ж преклонял колени в исступленье
И слово «грешен»
Повторял стократ,
Как имя, что обрел я по Крещенью.

3

Я грешен, я забыл благодеянья,
Что мне столь щедро посылал Господь.
Я грешен, духу предпочтивший плоть
И сам себя обрекший на страданья.
Не смог я нераденье побороть
В себе, молившемся столь неусердно.
Прости меня и правдой озаботь.
Я грешен, Господи, я грешен смертно.

Бывало, истине служил я ложной,
Я слух свой отвращал от слов святых.
Я сам стремился к гибели, ничтожный,
И заслужил ее от рук Твоих.

И вот, неблагодарный, духом скудный,
Стою на перепутье в час мой трудный.
Я плачу, нерадивый Твой слуга.
Но, Господи, Твой сын, хотя и блудный,
Ужель я ненавистнее врага?

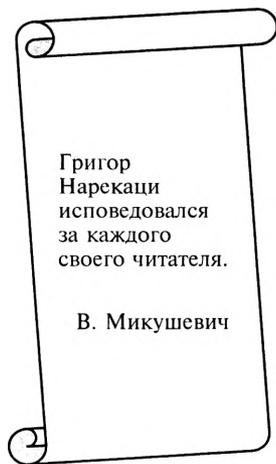
За грех с небесных изгнан я высот,
И, распротившись с неземным пределом,
Я тернии земли собрал и вот
Стал разрушителем, но неумелым.
И душу разрушал я вместе с телом.
И горшая печаль меня гнетет:
Я сутью черен, я совсем не тот,

Каким кажусь, а всем кажусь я белым.
Я — черный камень, подбеленный мелом,
Красивый сверху, но негодный плод.
Светильник славы, ныне догорая,
Светясь снаружи, мрак распространяю,
В своем глазу бревна не замечаю,
Сучок в чужом — предмет моих забот.
Виновен я пред смертными страстями,
Что Иисус когда-то претерпел,
Виновен перед вечными словами,
Что озарили нам земной удел.
Перед виденьем, что я сам узрел
Однажды просветленными глазами.
Я понимаю, что у всех в долгу.
Что б ни искал, найти я не могу.
Отчаянье меня, забота гложет,
Никто не верит мне, хоть я не лгу.
И каждый Божий день, что мною прожит, —
Мучение, которое, быть может,
Не пожелаешь злейшему врагу.
И от всего, что душу мне ничтожит,
Бегу я, да никак не убегу.

4

Лишь от Тебя, о Господи, спасенье,
Любая в этом мире благодать.
Лишь Ты один даруешь отпущенье
Людских грехов, а их не сосчитать.
Ты можешь принести мне исцеленье,
Спасти от муки, от уничтоженья
Меня, на коем смертная печать.
Ты — состраданье и благословенье,
Надежда, упование, воскресенье.
Я говорил и повторю опять:
Все в мире сущее — Твое творенье.
Ты — очищенье, умиротворенье,

Прошенье, исцеленье, обновление.
Ты глянешь на меня, и в иступленье
Воздену руки, стану заклинать,
Слух обратишь – я рухну на колени,
Прислушаешься – стану умолять,
Взывать: «Даруй, о Господи, прощенье!»
Но если будет на мои моления
Ответом лишь молчанье и презренье,
Я изведусь, слезами обольюсь.
Коль не утетишь, я приду в смятенье,
Ожесточишься Ты – я содрогнусь.
Ты светлый лик нахмуришь на мгновенье –
Я праведного гнева устрашусь.
Умру от Твоего пренебреженья.
Ты укоришь меня, я устыжусь.
А испытать захочешь – пусть камня
Вослед летят мне, я не увернусь.
Виновен я, и жажду лишь спасенья.
Я все свои обеты позабыл,
Я все Твои заветы осквернил,
Я милостей Твоих не оценил,
Лишился Твоего благословенья,
Запоматовал, кем когда-то был
И кем я стал по мудрому веленью
Того, кто всех нас, грешных, возлюбил;
И оттого достоин я презренья.
Но если Ты не будешь столь суров
И мне даруешь, Господи, прощенье,
Напомнив мне мое предназначенье
И смысл Твоих благословенных слов,
Что кротость искупает прегрешенья,
Воспряну я от пагубных грехов
И заново переживу рожденье,
Я вознесу Тебе благодаренье
И славу до скончания веков.
Аминь.

ГЛАВА XXVIII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

В каких грехах пред милостью Господней
Мне должно каяться на этот раз?
В былых, иль совершаемых сегодня,
Иль в будущих, провиденных сейчас?
Как мне узнать, что Господу угодней?

Вспомню ль путь неровный и покатый,
С которого я в бездну соскользнул?
Великие проступки, что когда-то
Я совершил и совесть обманул,
Не думая, что ждет меня расплата?
Вспомню ль малый грех годов далеких,
Который счел грехом тягчайшим Бог,
Иль обнажить мне страсти и пороки,
Все то, что раньше я постичь не мог?

Грехи назвать мне тайные иль явные?
Пересчитать случайные иль главные?
Открыться и отдать на Божий суд
Скрываемые раны иль известные,
Душевные изъяны иль телесные,
Неправедность иль многоглавый блуд?
Добра я сторонился неспроста,
Я зло вскормил своей душой и телом,
Лукавым словом и неправым делом,
И вот теперь душа моя пуста.
К добру я привыкаю неумело,
Беснуюсь в мире я осатанелом,
Где шум, где мнимой жизни суета,
И Страшный Суд за роковым пределом.

«Благоразумные скрывают стыд».
Презревши это мудрое реченье,
С себя сорвав лохмотья облаченья,
Стою, как тот безумец, что стоит,
Свой выставляя срам на обозренье.
Я в святости не свят и в правде лжив.
В священном благочестье — нечестив,
Познал и я от веры отчужденье,
Познал и я от причта отстраненье.
К чему я призван, тем я пренебрег.
И верю, многогрешный и бесчестный,
Я не сердечной верой, а словесной,
Как в дни былые говорил пророк.
Я на распутье ныне пребываю,
Какую выбрать из дорог, не знаю.
Одна ведет к несчастью и другая,
И предо мною нет иных дорог.
То, что постичь я тшусь — не постигаю,
О чем мечтаю, от того далек.

К чему стремлюсь, того не достигаю,
В чем мне нужда, того не обретаю,
Чем обладать хочу, не обладаю.
О если бы грехи простил мне Бог,
Ему забыть их легче — так я мыслю —
Чем мне их вспомнить все и перечислить,
И так уже я вспомнил все, что мог.

Не я ль, подверженный людским порокам,
В грехах несметных, в гноище глубоком
Давным-давно и навсегда погряз?
Себя хулящий, многожды грешивший,
Себя предавший, от того погибший,
Чем Иов, я несчастнее сейчас.
Ты, Боже, Иова всего лишивший,
Хоть голосу его внимал подчас.

А я, перед собой пути закрывший,
Спасть бы мог, но я себя не спас.
Я говорю: «Ты, грешных возлюбивший,
Услышь, спаси меня в мой скорбный час,
Всех смертных нас из праха сотворивший!»

3

Мне голос был: пророк над скудным ложем
Склонился с наставлением благим,
И вот теперь молюсь я вместе с ним
И уповаю на Тебя, о Боже.
Сказал недаром Осия святой:
«Возьми с собой молитвенное слово,
Оно дойдет до слуха Всеблагого».
Скажи: «Ты властен грех простить любой,
Чтоб после мы, прощенные Тобой,
Не повторили прегрешенья снова».

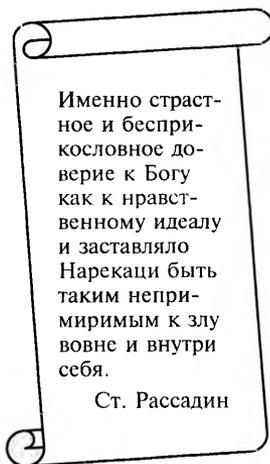
Ты знак подашь — кто не поверит в это?
Ответ нам дашь — кто не поймет ответа?
Твое любое слово — приговор,
Оно — благая весть, источник света,
Напомяненье вечного завета,
Все, что не это, — гибель и позор!
Прости мои деяния запретные
И отпусти мои грехи несчетные.
Мы пред Тобой — песчинки неприметные —
И все же к нам Ты обрати свой лик.

Ты злобу и насилье побеждаешь,
Ты возвышаешь нас и нас караешь.
Все, что идет во вред, Ты отстраняешь,
Во всем, что горько, горечь уменьшаешь,
Своею правдой дух наш укрепляешь,
Все, что невыносимо, облегчаешь.
Став нашим разумом, Ты поучаешь,
Нам долг прощаешь, грех наш отпускаешь.
Мы, Господи, ничтожны, Ты — велик!

Всеведущий, всесильный, вездесущий,
Ты властен грех мой, грех, меня гнетущий,
Простить и погresti в пучине вод.
Так молния мелькнет и упадет,
И этот пламень, все живое жгущий,
В своей пучине море погребет.

4

Провижу я: тот, кто сие прочтет,
Когда-нибудь моление вознесет
Отцу Добра, Прощенья, Милосердья,
И за того, кто проявил усердье,
Кто слепнул, но писал из года в год;
За инока, что был первопричиной
Сих песен скорбных, сей мольбы повинной,
Что и других к раскаянью ведет.
Кто наставляет нас строкой печальной
На путь целительный, исповедальный,
Пусть будет беспечален и здоров.
Кто в скорби совершает песнопенья,
Определяет нам стезю спасенья,
Пусть будет чист от всех своих грехов.
Тот человек, чье побуждает слово
Ломать крыла гордыни и оковы,
Пусть будет сам спасен от злых оков.
Спаси его, о Господи, от вечных
Всеобщих бед, начальных и конечных,
Пусть приговор не будет Твой суров,
Когда за все простишь его, о Боже,
Счастливыми себя почтем мы тоже
Отныне до скончания веков.

Именно страстное и бесприкословное доверие к Богу как к нравственному идеалу и заставляло Нарекации быть таким непримиримым к злу вовне и внутри себя.

Ст. Рассадин

5

О Сотворитель всякой твари сущей,
О Господи, Владыка всемогущий,
Чье имя всеу страшно произнестъ,

Рождающий благие побужденья,
Определяющий предназначенье,
Благословляющий все то, что есть,
Нам в нашем помогающий бессилье,
Ниспосылающий нам изобилье,
Даритель благ, которых нам не счесть.
Власть и величие Твое без края.
Ты – грозное веленье, весть благая:
Ты – истина, и от Тебя любая
Божественного всепрощения весть.
О Господи, спаси, я погибаю.
Избавь меня от худшего из зол.
Я – жалкий грешник, до соблазнов падкий,
Проклятый жар бесовской лихорадки
С грехом вошел в меня и поборол.
Спаси меня, пусть бес меня оставит,
Пусть убояться дьявола заставят
И кровь пречистая, и Твой глагол.

6

Пред светлой тайной, Господом творимой,
Да устыдится наш извечный враг,
Из плоти, лихорадкою палимой,
Пречистым изгнанный во внешний мрак.

Пусть исцеляемый возвеселится,
Господь страданья жгучие уймет
И слезы скорби с наших щек отрет,
И просветлеют сумрачные лица.

Пусть гвозди, вбитые в края креста,
Не совершат свое деянье злое,
Пускай не будут мукою Христа,
А пригвоздят к столбу все зло людское.
Копье, что в плоть пречистую впилося,
Пронзивши подреберье Богу-Сыну,
Пусть сгинет или же пронзит насквозь
Не плоть Христа, а зла первопричину.

О Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой,
Я славлю триединое согласие.
Хоть ни одной из этих ипостасей
Не надо боле славы никакой.

Твое вначале, Боже, было Слово,
Нет равного ему и нет иного.
Хоть скудность мной произнесенных слов
Понятна мне, но повторю я снова:
Будь славен до скончания веков.
Аминь.

ГЛАВА XXIX

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Сын Божий, Светоч всякой благодати,
Ты милосердие наше и прощенье,
Определенное Тебе распятыю —
Не наказание, но искупленье.
Тот страшный день, когда смежил Ты вежды,
Днем благовестья стал и днем надежды.

Ты для души — вино неоскверненное,
Бальзам, целящий тело изъязвленное.
Ты — пастырь, я — заблудшая овца.
Навек Ты мне, презренному, — прощенье.
Отверженному мне — благословение,
Поверженному в прах — восстановление.
Моей дороги предопределение,
Вершится все по милости Творца!
Ты — озарение мне, ослепленному,
Ты — утешение мне, побежденному,
Ты — ободрение мне, обреченному,

Молюсь пути, Тобою проторенному,
Нисходит свет от Твоего лица.
Ты, нашими моленьями терзаем,
Даешь щедрее, чем мы помышляем,
И нету милости Твоей конца.
В тот день распятыя, в страшный день когда-то,
Быв на кресте с утра и до заката,
Пред тем, как устремиться к Небесам,
Ты наставлял нас, оставлял распятым,
Седмижды семьдесят заветов нам.

Могу ль сравнить, измерив точной мерой,
Тебя с собою, совершившим грех?
Могу ль сравнить с моею жизнью серой
Страдание Твое во имя всех?

Кто я? Лишь прах ничтожный и несчастный.
А Ты – Создатель, ко всему причастный,
Всех сущих из небытия извлек.
Что мы увидим и о чем помыслим,
Все создал Ты, все звезды Ты исчислил
И каждую по имени нарек.

Но все, что далеко, и все, что близко,
Все, что мы в силах зреть и осязать,
Ничтожней незначительного списка
Тех свойств, что мы стремимся перенять,
Чтобы достойными Тебя нам стать,
Живущим ныне пагубно и низко.

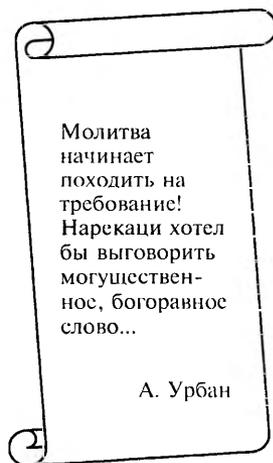
2

Сиянье Твоего долготерпенья
Рассеет пусть все наши прегрешенья,
Как солнца свет рассеивает тьму.
Хоть зло бескрайно, есть предел всему,
И всякий грешник жаждет искупленья.

Из согрешивших кто не устыдился?
Кто не скорбел из тех, кто осквернился?
Из грешных кто себя не упрекал,
Не сетовал из тех, кто в грязь упал?
Кто уст не замыкал из побежденных?
Кто тяжело не вздыхал из обольщенных?
Кто желчь вкусил и после не страдал?
Кто из грешивших злобою неправой,
Кто из простившихся с былою славой
Не пролил слез и в скорби не стенал?
Стенал вероотступник отлученный,
Рыдал клятвопреступник осужденный.
Кто, осквернив себя, себя не клял?
Кто из раздетых в холод не дрожал?
Из тех, кто был мздоимцем или вором,
Кто сам себя не устыдил укором?
За промах кто себя не осмеял?
Кто к мерзкому чему-то прикоснулся
И, все поняв, потом не ужаснулся
И от стыда и страха не сгорал?

Изрекший нечто, что неизреченно,
Кто в страхе наземь не упал мгновенно
И гибели своей не возжелал?
Кто был спокоен, испытав страданья?
Кто все свои вспомнив злодеянья,
О снисхождении не умолял?

Из виноватых в чьем-либо изгнание,
Кто избежал Господня наказания
Или себя подсудным не считал?
Кто из земных царей, лишившись трона,
Не бился, плача, оземь иступленно
И пеплом головы не посыпал?
Из тех, кто на обноски променял
Сафьян и шелк не по своей охоте,

Молитва
начинает
походить на
требование!
Нарекати хотел
бы выговорить
могуществен-
нос, богравное
слово...

А. Урбан

Из тех, кто снял шелка, надел лохмотья,
Кто не терзал своей души и плоти?
И кто кровавых слез не проливал
Из тех людей, кто близких потерял?
Таких на белом свете не найдете.
Сей список — не мое ль изображение?
Хоть в нем неполное перечисленье
Грехов того, чья совесть не чиста,
Мой взгляд померк и высохли уста
И на моих щеках печать смятенья.

Блажен со строгостью себя судящий,
О добродетелях своих не мнящий,
Неприхотливый и в мольбе своей
Самобичующий и безутешный.
Кто кается, тот лучший из людей.
Не потому ли Господу милей
Раскаявшийся мытарь многогрешный,
Чем праведностью гордый фарисей.

3

Что в нас посеял дьявол, то возшло,
Как плевелы, он в нас посеял зло.
Но то, что Ты посеял, Избавитель,
В сердцах и душах тоже расцвело.
Так подсчитай и подытожь, Спаситель,
Все то, что оправдать бы нас могло.
Судящий и прощающий людей,
Ты можешь небесами сделать бездны.
Лишь пожелай, и песней, всем любезной,
Мгновенно станет крик души моей.
И это будет частью малой доли
Свершающегося по Божьей воле,
О наш заступник до скончанья дней.
Аминь.

ГЛАВА XXX

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

О Милосердный, ниспошли мне сил,
О Всеблагой, пусть будет мне примером
Заблудший раб, что многожды грешил
И все ж ступил на путь добра и веры.
Пусть лишь в преддверье рокового дня,
Пред самой смертью встал на путь он правый, —
Творивший зло, он праведней меня,
В ком дремлет соучастник — дух лукавый.
Тот дух могуч, а сам я духом слаб,
Мой искуситель у меня под боком.
Двойник мой, — он не Твой смиренный раб,
А потакатель всем моим порокам.
Ведя меня дорогой суеты,
Со мною искуситель неразлучен,
Мой враг — исток моих сомнений жгучих,
А сколь их много — знаешь только Ты!
Но кто грешит, тот кается потом,
И платим мы за радости страданьем.
И я склоняюсь пред Тобой челом,
Согбенный прегрешеньями в былом
И просветленный поздним покаяньем.

2

Я повтореньем истины грешу,
И оттого моя не легче участь, —
Но я не Царства Божьего прошу,
Мне б жизнь влачить, немного меньше мучась.
Не пребывать мне в райской тишине,
Причисленному к сонму вознесенных:
Среди безгрешных душ не место мне, —
Мне место средь живых, но сокрушенных.
Я улыбаюсь, будто свету рад,

А про себя свою стезю кляню я,
Лицо мое спокойно, только взгляд
Горит, смятенье духа доказуя.
Со сладкою и горькою едой —
Перед собою я держу два блюда.
Держу перед собою два сосуда:
Один с отравой, с миррою другой.
Две печи есть: одна красна от жара,
Пока другая стынет без огня.
Две длани надо мною: для удара
И для того, чтоб отстранить меня.
На небесах два облака застыло:
Одно несет нам огонь, другое — град.
Тому, что будет, и тому, что было,
Две укоризны с уст моих летят.
Две жалобы летят незаглушимых —
В одной мольба, в другой укора знак.
И в сердце слабый свет надежды мнимой
И горькой скорби безнадежный мрак.
Два ливня хлещут: ливень стрел свистящий
И камнепад, грозящий всей земле.
Восходит солнце — жжет нас зной палящий,
Заходит солнце — нам темно во мгле.

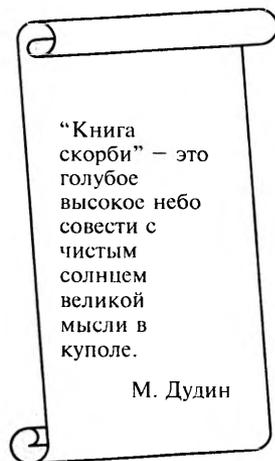
3

Карающую занесешь десницу —
Я возмолюсь: «Казни меня скорей!»
Рука дарующая мне примнится —
Приблизиться я не посмею к ней.
Речь о грехе зайдет — приду в смятенье,
О святости — пойму свою вину.
Открыто мне дадут благословенье —
Украдкою себя я прокляню.
Я похвалу услышу — опровергну,
В ней заподозрю ложность и тщету.
Подвергнусь я хуле немилосердной —
Я слишком малою ее сочту.

Пусть осмеют, пусть предадут позору —
Сочту возмездье правым и смирюсь.
Мне пожелают люди смерти скорой —
Чтоб их слова сбылись, я помолюсь!
Когда б Небесный гром меня сразил,
Я принял бы его как избавленье.
Я книгу прав своих давно закрыл —
Ни оправдания нет мне, ни спасенья!
В тот лучший мир я поспешил бы сам,
Когда бы не страшился наказания.
Беда идущему по двум стезям,
Как говорит Священное Писанье.

4

Ужели Ты не слышишь, Всеблагой,
Рыданий и мольбы моей усердной?
Ужели Ты не видишь, Милосердный:
Я, пленник зла, стою перед Тобой?
Я жду, в своем погрязши заблужденье,
Твое добро на зло мое в ответ.
Я, обреченный, жду благословенья,
Слепой, я жажду Твой увидеть свет.
Протянется ль Твоя десница, Боже,
Чтоб тонущего грешника спасти?
Когда персты на раны мне возложишь,
Когда с неверного сведешь пути?
Научит ли Твое долготерпенье
Усердью неприлежного меня,
И будет ли Твое благоволение,
Чтобы очистить грешного меня?
Заблудший раб, найду ли я покой
Под милосердную Твоею дланью?
Чтоб, грешному, спрямить мне путь кривой,
Забрезжит ли вдали Твое сиянье?

Я человек, чья совесть нечиста,
И лишь в Тебе надежда очишенья.
Я проклят, и Твоя лишь доброта
В меня вселяет веру во спасенье.

Я ныне приобщаюсь тайн святых
И в них ишу, рыдая, утешенье.
Я вижу: в поднятых перстах Твоих
Мне, многогрешному, благословенье,
Лишь Ты один способен даровать
Мне, угнетенному, освобожденье
И молвить слово, чтобы ниспослать
Рабу сметенному успокоенье.
Очищен я Твоею чистотой,
Твой взгляд – моим страданьям облегченье,
И капля крови, пролитой Тобой,
Освобождает душу от мученья.
Без помощи Господней кто я есмь?
Мне мощь Твоя дарует свет надежды,
Твой мир смятенному мне светоч здесь,
Днесь и покуда не смежу я вежды.
И нет в Тебе и малой доли тьмы,
Как вне Тебя нет ни добра, ни света.
Ты – надо всем, Тебе подвластны мы.
Тебе, Господь, да будет слава спета.
Аминь.

ГЛАВА XXXI

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Мое отчаянье превыше сил,
Все громче голос моего страданья.
Услышь, о Господи, мои стенанья,
И хоть я слишком много нагрешил,

Молю, чтоб таинством исповеданья
Ты и сейчас грехи мне отпустил,
Чтоб милосердно в сотый раз простил
Мои богопротивные деянья.

Я потому посмел Тебя просить,
Что все свершается по Божьей воле,
Что многое Ты хочешь совершить,
Но можешь совершить гораздо боле.
Сокровишницу наполнишь всякий час,
Сокровища без счету раздавая,
Разбрасывая, а не собирая,
И расточая, а не наполняя,
Прещедро ими награждая нас.

Все это мне дарует упованье
На сострадание к моим слезам.
Сколь ни презрен, взываю к Небесам
И верю, что иссякнут испытанья;
Так Анна верила и Авраам,
Он — изреченным Господом словам,
Она — проведению предсказанья.
Был старец Авраам одáрен сыном
И стал предтечей многих сыновей,
И чрево немощной жены своей
По воле и по милости Твоей
Он сделал плодоносною долиной.
И народилось сонмище людей:
Святых пророков, избранных царей,
Всех в мире сущих — грешных и безвинных.
А та, именовавшаяся Анной,
Родив сынов, взрастила семерых,
И Самуила — старшего из них.
Недаром семь — число, что осиянно
Загадкою таинственно и странно
И вовсе непостижно для иных.

В нем — вечность, словно в некоем пределе,
Обилье новорожденных в купели,
В нем тайный знак для нас, людей живых.

2

Считай же оправданием души,
Отчаявшейся обрести спасенье,
Мой скорбный голос, внятный лишь в тиши
Глухого моего уединенья.
Судьба счастливых этих даровать
Мне тоже может свет и упование.
Я тоже верю в благовествование.
Я на Твою надеюсь благодать,
А не на добрые мои деянья.
Все лучшие намеренья мои
Несовершенны и мольба напрасна,
Лишь в милость Всеблагого судии
Я верую вседневно и всечасно.
Все в мире — благо милостей Твоих,
Что видит и не видит наше око,
Синклиты мучеников и пророков,
Монахов и апостолов святых.
И пресвятыя ангелы небесные,
А с ними серафимы бестелесные
И светлый сонм избранников иных.
Таинственные знаменья спасенья,
Закланье агнцев в жертвоприношенье,
Лампад возженье, ладана куренье,
Хораны, алтари церковей земных,
Где происходит таинство прощенья,
Где щедро льются слезы умиленья,
Где раздаются жаркие моленья —
Все это, Господи, от рук Твоих.
В сраженье за Твое святое знамя,
В боренье с дьяволом, с еретиками,
В общении с детьми и стариками,—

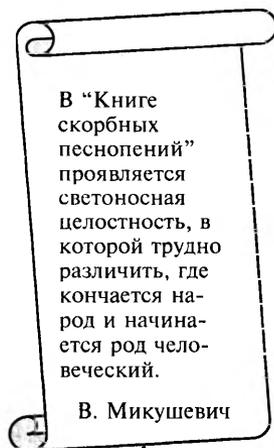
Во всем, что душу тронуло хоть раз,
Ты, Господи, не покидаешь нас.
Где б, смертные, мы ни были,— Ты с нами.
Всего, что сердцу дорого, нам мало,
И, слабы вечной слабостью людей,
Мы молим, чтоб оно не иссякало
Как можно более часов и дней.
Мы вновь взываем к доброте Твоей,
Чтобы рука Твоя нас охраняла
От всех недобрых сил, что нас гнетут.
Тебя не только праведники чтут
И веруют в Твой непреложный суд,
Но и невежды чтут и лиходеи,
И даже на подмостках лицедеи,
Младенцы, мытари и фарисеи,
И всякий прочий в мире сущий люд.

3

Итак, здесь все Тебе принадлежит,
На все запрет Твой иль благоволенья,
И если кто седмижды согрешит,
Он тоже, Господи, Твое творенье.
Так древний притчеписец говорит,
С чем сообразно и мое сужденье.

Все, что вершится в лад или не в лад,
Вершится с Твоего благословенья.
В вороньей стае голуби летят,
С овнами рядом скакуны стоят
И псы рычат средь жертвенных ягнят.
В смешенье все: и ропот, и смиренья,
Прямых и ложных троп хитросплетенья,
И сладость правды, и неправды яд.

Бок о бок с созиданьем — разрушенья,
С гневливостью соседствует терпенье,
С необоримой лютостью — прощенье,

В “Книге
скорбных
песнопений”
проявляется
светоносная
целостность, в
которой трудно
различить, где
кончается на-
род и начина-
ется род чело-
веческий.

В. Микушевич

С язвительною злобой – снисхожденье,
С враждой непримиримой – примиренье,
С извечным отрицаньем – одобренье,
Со смехом – плач, со злобой – снисхожденье,
С жестокою насмешкой – ободренье,
И с наказаньем множество наград.
Так как же происходит отчужденье
Добра и зла? Ни граней, ни оград
Меж ними мой не различает взгляд,
Мое не постигает разуменье.
Лишь Ты один, Небесный наш Отец,
Наш Судия, Свидетель, наш Истец,
Способен светлым ликом обратиться
И к грешнику, что хочет возвратиться
На путь добра, и к грешнице-блуднице,
В грехах раскаявшейся наконец.
Аминь.

ГЛАВА XXXII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

К тем причисляю я себя заране,
Кто Твоего достоин наказания,
И потому к Тебе, пред кем грешу,
Я обращаю, Боже, покаянье
И о прощении Тебя прошу
Со всеми слабыми и оскорбленными,
Со всеми падшими и клейменными,
С неверующими и обращенными,
С униженными и превознесенными,
С отринутыми прочь и возвращенными,
С испепеленными и воскрешенными,
С людьми несильными и угнетенными,
С отчаявшимися и возрожденными,
С приговоренными и награжденными,

С погрязшими во зле и просветленными,
С гневливыми и умиротворенными,
С неведающими и умудренными,
С убогими людьми и одаренными,
Тебе мольбу я, Боже, приношу.

Но, Господи, Тебя я не прошу
Простить многопостыдный грех Содома
Или грехи Иакового дома.
Свои грехи я сосчитать спешу.
Свой страх переборол я откровеньем,
Чтоб слово псалмопевца «Горе мне!»
Добавить к тяжким самообвиненьям
И, помня о грядущем Судном Дне,
Не согрешить обычным повтореньем
Грехов, необелимых искупленьем,
И не погибнуть по своей вине.

2

Я вновь молю, колени преклонив,
Я простираюсь пред Тобой во прахе,
Прильнув к земле, но мысли устремив
К Тебе, о Господи, в тоске и страхе,
Вновь я молюсь, душой своей припав
К Тебе, перед Которым был неправ,
К Тебе — прибежищу в горчайшем горе,
К Тебе — единственной своей опоре,
Прильнул я — слабый, но живой росток,
Чье основание — Давидов корень.

Я вновь с опущенною головой
И скорбным взглядом, в небо устремленным,
В единой сути слившийся с Тобой,
Неизреченным и несотворенным,
Твоими милостями пристыженный,
Стою с печалью вечной и мольбой.

Один Ты из воистину спасающих,
Всех нас к Тебе моления обращающих,

Непостижимый смысл для постигающих,
Благоволение щедро источающий,
Покой души для всех, о нем мечтающих.
Из всех врачующих и исцеляющих
Опрочь Тебя не знаем помогающих.
Ты – сень над головой, добра основа,
Надежда страждущих и уповающих,
Спасенье всех, от скверны убегających,
Успокоение роптать дерзающих,
Великий очиститель согрешающих,
Спаситель падших нас и погибающих,
Смиритель ропота и духа злого,
Опора в горести изнемогающих,
Благословитель помысла благого,
Благого дела и благого слова,
Защитник страждущих и сострадающих.

Для Вездесущего и Всеблагого
Есть много восхвалений подобающих,
В сердцах рожденных, в горле замирающих
У нас, от робости изнемогающих,
У созданных Тобой, к Тебе зывающих
На свете нет защитника иного.

3

Мы обращаем, Боже, каждый раз
Свой взор к Тебе, чтоб Ты воззрил на нас.
Услышь зовущий глас молений скорбных,
Увидь росу, бегущую из глаз.
Пусть слезы, источаемые нами,
Омоют светлые стопы Христа,
Так грешница омыла их слезами,
Отерла их своими волосами
До муки, до глумленья, до креста.

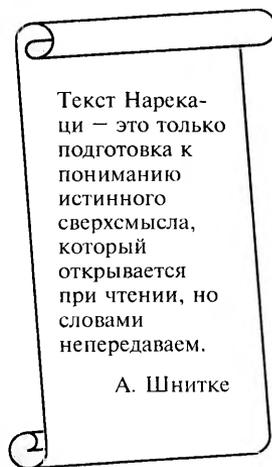
Прими мое, о Боже, покаянье,
Благослови Своей пречистой дланью.
Мне, у Твоих распластанному ног,

Даруй прощение и сострадание,
Взяв жизнь мою никчемную в залог.

Пусть вьюги станут легким дуновеньем,
Пусть пагубных не будет бурь морских,
Пусть покаянье станет искупленьем,
А вечный страх — лишь призрачным виденьем,
Печали и невзгоды — приближеньем
Желанных и благих времен иных.
И пусть ладья, влекомая теченьем,
Придет туда, где ураган затих.

И бремя тягостных грехов моих
Пусть сменится Твоим благословеньем.
А чем отвечу я? Благодареньем,
Обильным воскуреньем и возжженьем
Лампад и ладана в церквах святых.

И Ты пренебреги перечисленьем
Деяний зла, грехов моих былых.
И одари нас, Боже, одоленьем
Всего, что одолимо для живых.
Пусть станет покаянье очищеньем,
Освобожденьем от долгов земных,
И вместо мрачной тьмы грехов людских,
И вместо сонмов всяких духов злых
Ты одари нас ясным озареньем,
И светом, и весенним дуновеньем,
И это будет нашим утешеньем
Пред ожидаемым Твоим явленьем.
Лишь Ты — Начало всех начал благих,
Дарящий нас надеждой и спасеньем.

4

О Господи, любовь ко мне яви
И милостей своих прости десницу,
Не уходи из келии любви,

Что в сердце страждущем моем таится.
Чтоб Твой нетленный образ я сберег,
Как мне повелевает постоянство,
И просфору благого христианства
Хранил бы, как спасения залог.
Ты Бог-Отец, Родитель Бога-Сына,
Всего Первопричина – Ты один,
Единственной причины той Причина,
Ты – Дух Святой, Причина всех причин.
И суть Твоя, о Боже, триедина.
Так будь же славен, Господи.
Аминь.

ГЛАВА XXXIII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Мое Боголюбивное творенье –
Реченье этих скорбных строк и глав,
Прими, Господь, как ладана куренье,
Прими возгласья эти, их смешав
С благоуханным миром благосклонно,
Что составляла из бесценных трав
Мария; к ней когда-то приравняв
Блудниц блаженных, от святого лона
Ты не отверг, моления их приняв.

Умилосердись мной, о Боже правый,
Хотя псалом и говорит: «Не лей
От грешника полученный елей
На кудри чьей-то головы кудрявой!»

Сколь я ни грешен, все же до людей
Мое исповеданье, мой елей
Пускай дойдут, утешив безутешных,

Неправедных мужей и женщин грешных.
Спаси их, Боже, истиной Своей.
Пусть милосердие Твое струится.
Ты не ячмень даруй мне, но пшеницу,
От алчности меня обороня.
Ты, Господи, не миром от блудницы,
Своим миропомазаньем меня
Вознагради, воздавши мне сторицей.
Нет, не вино, что порождает страсти,—
Святую кровь Ты в чашу нацедил.
Сняв плащ спасенья, Ты Своею властью
Плащ целомудрия мне подарил.
Ты вместо драгоценного запястья
Пресветлой благодатью озарил.
Сняв перстни, кои не приносят счастья,
Твой голос вспоминать Ты мне судил
И, отняв сладкое питье и сласти,
Своим легчайшим игом наградил.

2

Мне надо не гордиться, но стыдиться,
И, песни на иной настроив лад,
И самому пора мне измениться.
За все грехи я должен поплатиться.
Я сам истец, мне пред собой виниться.
Пророчества святых меня корят,
Мне подобает скорбью их казниться.
Их горе воздается мне сторицей,
Их радостью не смею быть я рад.
Лишь доброта Твоя, великий Боже,
Внушает мне надежду иногда,
Но вместе с ней раскаяние тоже
Вселяется в меня и душу гложет.
Оно — моя печаль, моя беда,
И заглушить его ничто не может;
Ни ободрение, ни слово Божье,
Чудесное и светлое всегда.
Всех упований, Господи, и чаяний

Превыше боль моя, мое отчаянье.
В грехе погрязший, я боюсь Суда.

О Господи, судящий смертных строго,
С грехами соразмерно избери
Мученье мне, грешившему помногу,
Мне, ныне приобщившемуся к Богу
Скорей наружи, а не изнутри.

Себе дивлюсь, что не испепелен
И что для жизни возрожден я снова.
Тем изумлен, что я не разорен,
Что на куски еще не измельчен,
Что дикими зверьми не истреблен,
Как это грешным предрекает Слово,
Которым каждый смертный осенен.

Оно своей благословляет дланью
И хоть сулит за грех нам наказанье,
Но обещает всем с былых времен
Нам, грешным, и прощенье за страданье,
И обновленье за исповеданье,
И вместо наказания – воздаянье.
Не гибели всеобщей ожиданье,
Но мир, согласие, благодеянье
Дарует нам Божественный закон.

3

Отец и Сын в обличии одном.
Благословенно Их единовластье
И счастье – в Их согласии святом,
И ко Святому Духу сопричастье,
И в том, что воздают они добром
И властвующим в мире, и подвластным,
Что грех наш искуплен Святым Крестом.
Моя надежда – Троица Святая.
Я повторяю вновь слова певца:
«Что было б без нее со мной – не знаю!»

Я прославляю Сына и Отца
И никого из Них не принижаю.
Тем, что Святого Духа почитаю,
Не отступаюсь и от Их лица.
К молящимся я слово обращаю:
«И вы услышите мой скорбящий глас
И перед литургией всякий раз
Читайте то, что я сейчас слагаю!»

ГЛАВА XXXIV

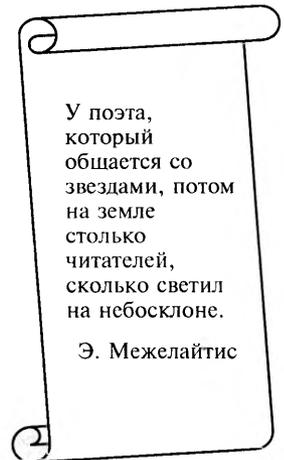
СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Опять пред Тем с мольбой я предстаю,
Кто суть миров вместил в свои реченья.
Я, Господи, перед Тобой стою,
В молитве не избегнув повторенья.
Я ничего от мира не таю
И, начиная это песнопенье,
Соединяю в нем мольбу свою
С идущим дале словом восхваленья.

2

Я пред Тобой склоняюсь Всеблагим,
Моля о том, чтоб Божеская милость
Росою чудотворной обратилась
И совладала с естеством моим.
И сотворенные из плоти грешной
Сердца людские, Господи, вспаши
И семя оброни во тьме кромешной,
Взрасти плоды в саду моей души.

О Господи, величием Своим
Апостолов Ты рукополагаешь,
Своих святых пророков вдохновляешь
И даже внятной речью одаряешь
Того, кто от рожденья был немым;
Ты всходы в душах наших оживляешь,
Неслышавшим Ты уши отверзаешь,
Чтоб все могли внимать словам благим.
Ты, Боже, Сыном был перворожденным
Того, Кто все, что есть, дарует нам,
Ты равносущен Господу и Сам,
Даруй же днесь сынам Твоим смущенным
Богодостойный дар внимать словам,
Речениям, Тобою вдохновленным,
Дар по бескрайним следовать полям,
Тобою вспаханным и орошенным.

Мою мольбу, о Господи, прими,
Чтоб вовсе не была она бесплодна,
И озари меня, и вразуми,
Что из произнесенного людьми,
Что из моих речей Тебе угодно?
Ко мне однажды обрати свой взгляд,
Благое поощри мое усердие,
И пусть Твои слова и милосердие
Мрак моего забвенья отвратят.
Туман грехов моих, мои стенанья
Развей, чтоб я воспрянул духом сам,
Чтоб боль моя, как слово покаянья,
Из мира вознеслась бы к Небесам.
И хоть я вовсе этого не стою,
Дай видеть то, что зажжено Тобою.
Наставь меня, чтоб я — Твой жалкий раб —
Был постигать Твой промысел достоин
И наставлять того, кто духом слаб.

Намерений моих благую суть
Я вновь на поле этой книги сею,
Чтоб пред Тобой, пред Кем благоговею,
Мне с ней предстать не потому отнюдь,
Что мысль Тебя прославить я лелею.
Я знаю цену своему елею,
Мне самому себя не обмануть.

Что мой Тебе елей, мой скудный мед,
Ведь до того, как был на свете явлен
Любой из тех, кто Богу воздаст,
Ты сам уже давно и наперед
Всесовершенством был своим прославлен.

Я воздаю Тебе, Неизреченный,
Чтобы приблизиться к Твоим делам,
Чтоб сопричастностью к Твоим словам,
К Тебе я приобщился б, отлученный.

Не столь от слова, сколь от добрых дел
Бывает прок, о Господи, я знаю.
И не простится грешник, что посмел
Молиться: «Адонаи, Адонаи!»,
Но жить не так, как Ты нам повелел.
О Господи, и я разбил скрижали,
Которые Завет нам даровали
И были писаны Твоим перстом,
Их сходное подобие едва ли
Мне воссоздать сейчас или потом.
Я черен духом, и чернила стали
Чернее сажи под моим пером.

И все ж мою мольбу, мою хвалу
Услышь, чтоб я хоть чем-то был утешен,
Чтоб хлеб, что на елее был замешен,

Хлеб, испеченный теми, кто безгрешен,
Был все же подан к Твоему столу.

4

Мы все, о Боже, под Твоей рукой,
И состраданием, милосердной речью
Ты очищаешь сущность человечью;
Ты, Боже, побеждаешь род людской,
Погрязший в смуте и противоречье.

Ты, Господи, даруешь попеченье
Не только тем, кто глуп и нечестив,
Но ангелам, которых отличив,
Ты взял в Свое святое ополченье,
И праведникам, чьи ясны реченья,
Один из коих, чист и справедлив,
Был Илия; он на горе Хорив
Увидел три неясные виденья:
Увидел ветер, огонь, землетрясенье,
Но был Ты, Господи, лишь в дуновенье,
Что вдруг возникло где-то, во мгновенье
Три страшные стихии усмирив.
И это все являло подтвержденье,
Что жаждешь Ты не жертвы, но спасенья.
Постигнув это, я лишь этим жив.

О Господи, Твой промысел любой
Благословен вовек, и мы, живые,
Исцелены и спасены Тобой,
Ты — безмятежность мира, Ты — покой,
Источник сил, родник воды живой,
Как сказано в строках Иеремии.
Так исцели мои недуги злые,
Меня своим спасеньем удостой.

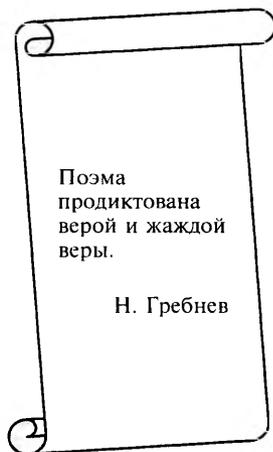
Ты алчешь, Боже, моего спасенья
И бдящим силам — ангелам святым —
Подсказываешь Ты молитвь прошение
Для тех, кто числится еще живым.
И даже боле: ангелам своим
Даруешь Ты способность примиренья
Небесного и высшего с земным.

Мы с ними вместе молим всякий раз:
«Умилосердись над Иерусалимом»,
Чтобы явлением Своим незримым
Ты град святой от разрушенья спас,
И вместо ангелов, святых, но падших,
Ты, вняв словам благих молений наших,
Заполнил кем-нибудь из смертных нас.

5

О Царь Небесный, Ты уразумел
Мои страданья, боль мою узрел,
Ты надо мною в вышине склонился,
Чтобы спасти меня от грешных дел,
Ты сам с небес на землю опустился,
Чудесно в плоть людскую воплотился.
И, бестелесного, Тебя узрел
Всяк, кто об этом истово молился.

Ты стал для нас устами бдящих сил,
Бездонной чашей жертвоприношенья,
Неистребимой жертвой всесожженья.
За грешных нас Ты Господа молил.
Так не избудь и впредь благоволенья
Ко мне, что не единожды грешил,
Ты, кроткий, негневливый, Богу равный,
Великий, справедливый, достославный,
Единственный, кто славу заслужил.
Аминь.

ГЛАВА XXXV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Величье грозное, Владыка сил,
Ты – прежде всех, всех зорче, всех свободней,
Кто из людей достойно восхвалил
Хотя б росинку щедрости Господней?

Сколь я ни грешен, но со дня творенья
Ты ищешь путь для моего спасенья.
О множестве Твоих благих щедрот
Я, если Ты даруешь озаренье,
Тем расскажу, кто в этот мир грядет.

Нет, не на ангелов, что возникали
По мановению перстов Твоих,
Не на светильники небес благих –
Любовь Свою, надежды и печали
Ты обратил на грешников земных.

И ангелов, не ведающих бед,
Бесплотных и не знавших муки плоти,
Ты мукою земною озаботил
О нас, внизу родившихся на свет.
Твое деянье и Святое слово
Столь милосердно к грешникам земным,
Что, озарив нас именем Своим,
Ты имя это возвеличил снова.
Всегда Ты, Господи, о нас радел,
Неведом милостей Твоих предел
Минувшим и грядущим поколениям.
Ты награждал нас благом добрых дел.
Не счесть приверженных Твоим веленьям,
Тех, кто Тебе служил и славу пел.
И если духом немощных калек
Ты исцелял, Господь, единым словом,

Не будешь, может, и ко мне суровым.
К Тебе взываю — грешный человек —
Не помышляя об ином оплоте,
Молюсь Тебе об очишение плоти
Отныне на оставшийся мне век.
Воистину, для чуда нет черты,
Для милости предела нет и срока.
Очистить тех, что духом нечисты,
Превыше, чем сберечь от суеты,
От порчи, от греха и от порока
Всех тех, кого уже очистил Ты.

2

Лишь Ты, о Господи, спасаешь нас,
Нам всем в пример давая Моисея.
А также и других, кого, жалея,
Сберег от скверны, от возмездья спас.
И там, в земле египетской, средь тех,
Что богомерзким идолам молились.
От многих чад своих отвел Ты грех,
Чтобы в язычников не превратились.
Не Ты ли волею Своей, Творец,
Смягчить умеешь камень сердца злого,
Его равняя с мягкостью сердец,
Воспринимать способных Божье слово?
Иное сердце словом Ты смягчаешь,
Жестокость от другого отвращаешь,
Жестокосердным Ты внушаешь страх.
Всех наставляешь нас на путь единый,
Чтобы предстали мы с мольбой повинной,
Как сказано в пророческих строках.

3

Уста, что мир лишь словом сотворили,
Приблизь, Господь, к дверям ушей моих,
Чтоб искушитель не коснулся их,

Чтобы отполз коварный змей в бессилье.
Коснись десницей уст моих живых,
Чтоб обрели звучанье чистой речи,
Чтобы в хвале Тебе всечеловечьей,
Подобно гласу моего предтечи,
И мой невнятный голос не затих.

О Боже, я душой прозреть хочу.
Взметни дарующего жизнь десницей,
Пусть смелости моей задуть свечу
Дракон дыханьем смрадным не потщится.

Ты от грехов избавь меня мирских,
Их потопаи в морских пучинах тайных.
Их, злонамеренных или случайных,
Не сосчитать; но тьмы грехов моих —
Обратное подобие Твоих
Великих дел и милостей бескрайних.

Пошли, Господь, душе моей раскаяние
Во всем: и в незначительном, и в главном,
И я воздвигну скинию отчаянья,
Но тайное пускай не станет явным.

Открой, о Боже, келью врачеванья,
Чтобы меня от порчи уберечь,
И все, что дьявол сеял со стараньем,
Серпом Господней воли сжать и сжечь.

К Тебе я возжелаю приобщиться,
Апостола Петра возьму в пример.
Но если море жизни разъярится,
Дай знак, о Господи, простри десницу,
Чтоб спасся я — прощенный малOVER.
Как хананеянка, и я, в страданье
Взываю, Боже, к милости Твоей.
Ведь даже псам порою от людей
Перепадают крохи пропитанья.
Я, Боже мой, алтарь, алтарь из плоти,
А Ты пришел, чтобы меня спасти.

Лишь о Твоей опеке и заботе
Дерзаю в сокрушенье умолять.
Ты, Господи,— спасенье, обновленье,
Блаженство, исцеленье, искупленье.
Мне, сыну горечи, дано в смиренье
Лишь славу петь Тебе и повторять.
Аминь.

ГЛАВА XXXVI

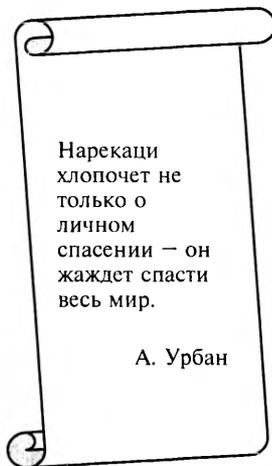
СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Господь, пред силой крестного страданья
И силой милосердья Твоего
Ничтожны все пути, и все старанья,
И все мое земное естество.
И те пречистые, святые длани,
Которыми меня Ты сотворил,
По сторонам распятия в страданье
Ты распростер пред тем, как опочил,
Чтоб в будущем пресечь мои деянья,
Которые Ты не благословил.

2

Смоковницу обрекший иссушенью,
Ты не велел иссохнуть во мгновенье
Руке, что замахнулась на Тебя.
Ее Ты пошалил, чтобы, любя,
Заранее подать мне знак прощенья.
Ты, что померкнуть повелел деннице,
Людей, Тебя терзавших, пощадил,
Чтоб после я, покуда хватит сил,
Мог в покаянии Тебе молиться.

И не прервал хулы клеветников
Ты, что луну окрасил цветом крови,
Чтоб ныне, через множество веков,
Я слово Божье повторял с любовью.
Затмивший солнце, смерть поправший смертью,
Ты не прервал недобрую молву,
Затем, чтобы елеем милосердия
Помазать мне, злосчастному, главу.

Богоубийц за бранную их речь
Не поразил Ты немотою вечной,
Хотя Ты камень дланью мог рассечь,
Но пощадил Ты этот сброд злоречный
Затем, чтобы меня предостеречь
От злобы и от мести злосердечной.

Тех, кто заставил камнем вход во гроб,
Ты не заставил в бездны провалиться.
Не для того ль Ты пощадил их, чтоб
Я, видя свет Твой, мог Тебе молиться?

И не пресек Ты окаянный род
Людей, что Ты украден, возглашавших,
Чтоб я, не стоящий Твоих щедрот,
Был в сонмище спасенных и спасавших.
В столб соляной Ты мог бы превратить,
Как бабу непослушную Моава,
Тех, кто серебро коварно и лукаво
Из храма взял Иуде заплатить.
Ты пощадить решил их, может быть,
Чтоб, недостойного, меня с любовью
Спасти потом Своею чистой кровью,
На путь наставить и благословить.
Аминь.

ГЛАВА XXXVII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Из всех бесчисленных милостей благих
Я перечислил здесь не так уж много,
Но безгранична каждая из них,
Дарованная мне по воле Бога.
Все милости, что предо мною явлены,
Счастливыми приметам прославлены
И безграничностью щедрот своих.
Они нерукотворными и чистыми
Увенчаны венцами золотистыми.
Я не мечтал о милостях таких.
Они из тех краев, что Богу милы,
Ведут с собою сонмы сил живых.
Недаром сказано в Псалмах Святых:
«О Господи, Свои воздвигни силы,
Приди и нас спаси, сынов Твоих!»

Те милости, которым нет числа,
Сильней святого воинства небесного,
Хотя и чистого, но бестелесного,
Сильней и дьявола — исчадья зла.

Но память наша, как всегда, слаба,
И потому мне трудно подытожить
Те милости, что изливал Ты, Боже,
На своего беспутного раба.

Но если все ж составить список длинный
Того, чем я Тобою одарен,
Начать придется с изначальной глины,
Из коей первый смертный сотворен.

И в предыдущих, и в сих строках
Я говорю и повторяю то же:
Ты – совершенен, я – всегда лишь прах,
Я не достоин благ Твоих, о Боже!

Однако, Ты, Владыка высших сил,
Пресветлый и прещедрый Царь Небесный,
Все козни дьявола предотвратил,
А он меня чуть не извергнул в бездны,
Судьбою камня чуть не наградил,
Чья боль, хоть велика, но бессловесна.

Шептал мне что-то дьявол, иссушая
Два родника в пустыне чувств моих,
Чтобы увянули без влаги их
Все дерева в обетованном рае
Моих надежд, пока еще живых.

Посулом хитрым, лестью колдовской
Он осушал мне слезы во мгновенье
И разрушал мой сладостный покой
И возвращал мне прежнее смятенье.
О Господи, когда же Ты сюда
Придешь, свое распространяя царство,
Придешь для примиренья и суда
И отвратишь все беды и коварство?

Когда ж, как это сам Ты предсказал,
Даруешь вечный мир земной юдоли,
Чтоб малодушие тех, кто слаб и мал,
И козни сильной, но недоброй воли,
Как под напором падающих скал,
Разрушившись, не возродились боле?

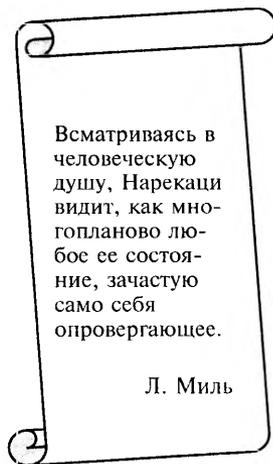
Я говорю, как Иов: «Маета
Моя не от людей, от власти высшей,
Мою больную совесть поразившей,
Больную оттого, что нечиста».

И в час, когда, славив последний стон,
Предстану, грешный, я пред Божьи очи,
Труслив, беспомощен, непричашен,
Бесплодным оправданьем озабочен,
Быть может, с состраданием глянет Он
На грешника, что гибели достоин...
Я лишь надеждой этой успокоен
И радуюсь, хотя и обречен.

Ты не забыл, о Боже, ни о чем,
И хоть я знаю — суд Твой будет строгий,
Я заклинаю все ж Твоим Крестом:
Меня сними с креста моей тревоги.
Я заклинаю и плевками черни:
Сотри с меня всю грязь мою и ложь.
Я заклинаю и венком из терний:
Грехов моих колючки уничтожь!

Я заклинаю давним бичеваньем:
Ты от меня удары отврати,
Я заклинаю всем Твоим страданьем:
Прости меня, о Господи, прости!

Быть может, и на этот раз грешу
Тем, что со злодеями своими
Я в славословии произношу
Твое благословляемое имя.
Что вместе с праведниками небесными,
Твоими ангелами бестелесными
О милосердии Тебя прошу.

Всматриваясь в
человеческую
душу, Нарекаци
видит, как мно-
гопланово лю-
бое ее состоя-
ние, зачастую
само себя
опровергающее.

Л. Миль

Я посрамлен грехом и суетой.
Я – сын погибели, но удстой
Меня своим, всевечным состраданьем,
Чтоб в кой раз прощением Твоим,
Хоть мне Твое прощенье не по праву,
Безмерную Ты приумножил славу
Свою с Отцом и с Духом со Святым.
Аминь!

ГЛАВА XXXVIII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Как ранее уже в строках своих
Повествовал я о грехах людских,
Так и теперь в моих словах найдете
Стремление к духовной чистоте
И прославление не законов плоти –
Законов духа жизни во Христе.

2

Я знаю: многие из сих законов
Превыше высочайших царских тронов,
Полны до края милостей благих.
В них – и владыка со своей державой,
И слава тех, кто был увенчан славой,
Военачальники и войско их.
С гостями вместе радостный жених
И дружки с пиршественным снаряженьем,
Свобода, полная даров своих.
Нашли в законах сих отображенье
Десница Божья – наше попеченье,
Обетование и очищенье,

Крещение само и Знак Крещения,
Сень облаков и тень садов земных.
В них чудо всяческого озаренья,
Все предсказания и все свершенья,
И множество чудес и благ иных.
В них и сама купель, и омовенье,
В них и надежда наша, и спасенье,
И наша смерть, и наше воскресенье,
И манна с неба нам на прокормленье,
И древо жизни, чье плодоношенье
Дарует людям счастье исцеленья,
Скала с потоком вод ее живых.
Столп облачный и огненный в движенье,
Гром с молнией, ввергающий в смятенье, —
Все перечислить выше сил людских.
И я смолкаю в страхе и в смиренье.
Когда на солнце смотришь — блекнет зренье.
Я лишь о малом в меру сил своих
Скажу, сколь мне позволит разуменье.

3

Я в покаянье сделал все, что мог, —
Себя на муки вечные обрек,
Но глас печали с гласом благовестья
Соединил созвучьем слов и строк.
На этом свете существуют вместе
Боль и надежда, слава и хула.
С деяньем рядом — суд, с грехом — возмездье,
Бесчестие сосуществует с честью
И с добрыми недобрые дела.

4

О горе мне, пресекая вдруг мой голос,
Грозит и мне Великий Божий гнев.
Я под серпом паду — растущий колос,

Отчаяния не преодолев.
И хоть я числюсь в сонме безутешных,
Есть судия, чтоб смерть мне присудить,
Жезл поучающий, чтоб мне отмстить,
Чтоб клеймить меня и погубить.
Есть грозный пастырь, чтобы отделить
Овец от козлищ, грешных от безгрешных.

То слово, что мне скажешь в осужденье,
Я знаю: грянет вдруг без сожаленья
В последний день возмездия, как гром.
Но, Господи, прошу я об одном:
Трепещущему в страхе и в смятенье,
В последнем сем несчастьи моем
Дай силу мне, пошли мне утешенье
Во имя милосердия и любви.
Утешь меня, очисти, оживи
И ниспошли Свое благословенье.
Аминь.

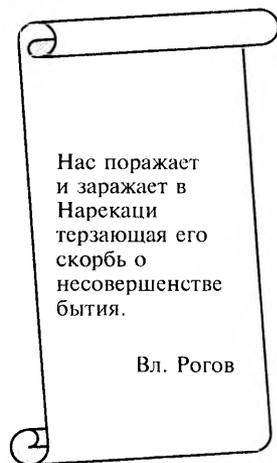
ГЛАВА XXXIX

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Подталкиваем дьявольской рукой
И соблазняем ленью привычной,
И я утратил прежний облик свой,
Свое первоначальное обличье.
А если так, то ныне мне пристало
Сказать, в чем грешен, как я прожил век,
Сказать пред миром, что со мною стало,
На что, ничтожный, я себя обрек.

Себе кажусь я книгою сейчас.
 Я – книга воплей, стонов и сомнений,
 Похожая на книгу тех видений,
 Что Иезекииль узрел в свой час.
 Я – город, но без башен и ворот.
 Я – дом, где нету очага зимою.
 Я – горькая вода, и тех, кто пьет,
 Я не способен напоить собою.
 Я – сад, который высох и заглох.
 Я – поле, тучное травую сорной.
 Я – нива, что предуготовил Бог,
 Но почву дьявол распахал проворно.
 Я – дерево, потерявшее плоды,
 Годящееся только для сожженья.
 Я – саженец, засохший без воды,
 Светильник, потерявший дар свеченья.
 И новые стенанья, плач глухой
 Я облекаю в прежние созвучья.
 Беспомощен зубовой скрежет мой,
 И горек мой позор, и слезы жгучи.
 Гнев над моей душой неумолимый,
 Над грешной плотью огонь неугасимый.
 Печаль греха легла мне на чело.
 Достоин казни я, творящий зло.
 Боль, посланную с неба, на земле
 Принимаю я, погрязнувший во зле.
 Что ждет меня, заранее известно:
 Как кучи плевел, превращусь я в дым.
 И возвещает снова Глас Небесный
 О том, что мой недуг – неисцелим.

Нас поражает
 и заражает в
 Нарекании
 терзающая его
 скорбь о
 несовершенстве
 бытия.

Вл. Рогов

Я каюсь, чтоб меня услышал мир.
 И, правда, может, схож я с той блудницей,
 О коей у Исаяи говорится

Во притче про надменный город Тир.
Но если скорбь блудницы позабытой
Из тьмы времен пророк донес до нас,
Как должен я взывать в свою защиту,
Как должен прозвучать мой скорбный глас?
Мне ведомо:
Пришествие Господне
Настанет, —
Я дрожу уже сегодня.
И, думая о страшном Судном Дне,
Предвижу нескончаемые муки,
И к небесам я простираю руки,
И жду возмездия, и страшно мне.
Что будет, все я знаю наперед.
Но и предвидя все свои страданья
И зная, что меня в грядущем ждет, —
Я все же нерадив на покаянья.
Но в страшный час меня Ты не покинь,
О Господи, Отец наш всемогущий,
Чадолюбивый, добрый, вездесущий,
Прощающий своих сынов.
Аминь.

ГЛАВА XL

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Не отвергай, Господь, моих молений,
Избавь меня от всех грехов былых,
От нынешних и будущих сомнений.
Творец всего живого, всех живых,
Лишь Ты один — безмерное величие,
Ты зришь и сходство наше, и различье.
Всесильный совершитель дел благих.

2

Мне видятся в пределах отдаленных
 Картины, непостижные уму.
 Я вижу утро всех надежд свершенных.
 А для таких, как я, приговоренных,
 Для обреченных, вижу ночи тьму.

Мне, грешному, когда меня осудят,
 Убежищем ничто уже не будет:
 Ни летний зной, ни вьюга, ни мороз,
 Ни впадины, ни пропасти бездонные,
 Ни поле, ни ложбина, ни утес,
 Ни русла рек, ни скалы расщепленные,
 Ни погребя, ни ямы потаенные,
 Ни келии, от мира отдаленные,
 Ни горы, меж собой соединенные,
 Ни волны моря, бурею взметенные,
 Ни голос плача, ни потоки слез,
 Ни длани рук, в моленье вознесенные.

3

Вот, Господи, мой жребий неминучий.
 Но все, как есть, мы под Твоей рукой,
 И можешь только Ты, никто другой,
 Вмиг изменить мою презлую участь.
 Так возврати моей душе покой,
 Чтоб мне и жить, и умереть, не мучась.
 Взгляни, о Боже, сколько бед кругом.
 И пусть согреет нас Твоя забота.
 Переруби мечом — Святым Крестом —
 Стянувшие всего меня тенета.
 Стань, Боже, мне целителем благим.
 Меня, идущего путем кривым,
 Обереги от пропастей опасных,
 Избавь меня от казней ежечасных.
 Рассей в меня проникший смрадный дым —

Подобие грехов моих ужасных.
Оборони от неких сил злосчастных,
Что завладели естеством моим.

Носитель зла, бесчестия носитель,
Я много грешен пред Тобой, Спаситель.
Настанет срок — и буду я судим.
Пусть, обреченному, мне будет худо,
Но все-таки сверши благое чудо,
Подав надежду грешникам другим.
Избавь от зла путем, Тебе угодным,
Меня, который создан земнородным
И озарен сиянием благим.
Прими меня в Свое Святое лоно,
Преобрази, чтоб я хоть отдаленно
Стал, Господи, подобием Твоим.
Лишь Ты священен в образе едином,
Отец Небесный совокупно с Сыном
И с Духом со Святым.
Аминь.

ГЛАВА ХLI

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

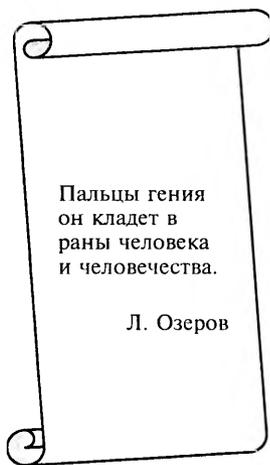
1

Сын Бога всемогущего, живого,
На свете нет деяния такого,
Что, пожелав, свершить бы Ты не мог.
Поднимешь руку иль промолвишь слово —
И нет греха, и тьмы, и духа злого.
Захочешь Ты — и падают оковы,
Недужные становятся здоровы,
И тает ночь до срока или в срок.

Уходит зло, стенанья умолкают,
Все горе, все печали иссякают,
Ты повелишь – ночные страхи тают,
И сумерки ночные исчезают,
И светом озаряется восток.
Зло исчезает, беды отступают,
И времена такие наступают,
Когда и нечестивцы понимают:
Над миром всем лишь Ты и Твой чертог.

2

Ты, Господи, пришел, чтобы спасти,
А не сгубить людские наши души.
Бессчетные грехи мне отпусти,
Своей великой сути не нарушив.
В стихии бытия, во всей вселенной,
В сиянье дня и в сумеречной мгле
Для праведников в этой жизни брэнной
И для забывших о добре и зле
Ты – неисповедимый на земле.
И в небе только Ты неизреченный,
Всему начало и всему венец,
Лишь Ты один над нами, Бог-Отец,
Бог-Сын и Дух Святой благословенный.

ГЛАВА XLII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

О Боже, свет страданья и терпенья,
Спасенья, упованья, исцеленья,
Бессмертья, обновленья, воскресенья,

Меня Ты вспомни в Царствии Своем,
Хотя с Тобой не принял я мученья,
Хуленья, бичеванья, оскорбленья,
Глумленья, испытания крестом.
Но вместе с тем разбойником распятым
Прошу: «Сколь ни презренен я, но все ж
Ты вспомни, Боже, и меня когда-то,
Когда во Царствие Свое придешь!»
Хоть Царствия лишь праведник достоин,
Ты от меня надежду не отринь,
И как тому, кто был распят с Тобою,
И мне, хотя я этого не стою,
Дав обещанье, возгласи: «Аминь!»

2

Благословенный, вновь благословенный,
Хоть грешен я, моей мольбе внимли:
От гибели, от смерти неприменной
Спаси меня, от хвори исцели.

Верни меня из моря тьмы кромешной
На берег жизни, берег бытия,
Верни в обетованные края.
Не менее, чем тот разбойник грешный,
Я – Сын Твой, Боже, Сын Твой безутешный,
И надо мною тоже власть Твоя.

О Боже, всепрощенье, упование,
Меня Ты вразуми и оживи.
Верни мне разуменье и дыханье
Для жизни, для страданья и любви.
Все лишь по милости Твоей творится.
Ты повелишь – и буду я спасен.
Промолвишь слово – буду исцелен,
Оправдан буду – лишь прострешь десницу.
Простишь – и сразу я приободрюсь.
Подымешь перст – воспряну я, калека,

Расщедришься — слезами обольюсь.
Подашь мне знак — к Тебе я прилеплюсь
В мирах обоих сущему от века.
Аминь.

ГЛАВА XLIII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Целящий наши души, нашу плоть,
Дарящий нам и жизнь, и хлеб насущный,
Всесильный Царь Небесный и Господь
Людей и всякой прочей твари сущей.
И как пророк Исайя говорит,
Найдя благоукрашенное слово:
«Во мне — Господь. И нет ярма иного.
Лишь с Господом я воедино слит,
И ожил я душой и телом снова!»

2

Для Твоего, о Боже, врачеванья
Души и плоти немощных людей
Не нужен ни целительный елей,
Ни отсечение, ни прижиганье.
Больных Ты избавляешь от страданья
В единый миг, а не с теченьем дней.
Целитель, Ты не знаешь колебанья,
Не может тщетным быть Твое старанье,
Как то бывает у земных врачей.
Все для Тебя доступно, все возможно,
Вовек Твое намеренье не ложно.
Вершится все по милости Твоей.

Твое Евангелье – нам завещанье,
А милосердье Божие – Писанье
Иных писаний чище и святей.

Ты в тесный круг не заключен канонами,
Не скован преходящими законами,
Ничтожеством людским не ослеплен,
От лютой ярости Ты не менялся,
Ожесточившись, Ты не ошибался,
Напрасным гневом не был ослеплен.
В неведении Ты не колебался,
Ты не оскудевал, не возмущался,
Ты Сам – всему начало и закон.
Аминь.

ГЛАВА XLIV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

I

Ты, Господи, Создатель жизни всей.
Ты свет в сердцах померкших зажигаешь
И даже в скудной сущности людей
Свою бессмертную Ты возвещаешь.
Благословен Отец Небесный Твой,
Что ниспослал Тебя мне во спасенье,
Радея о душе моей живой,
Обрек Тебя на крест и на глумленье.

Я многогрешный, чья тяжка вина.
Чем, Иисусе, столь Тебе угоден,
Что принял Ты и что испил до дна,
Святой исполнив промысел Господень,
Ту чашу, что была мне суждена?
Неизреченный и несотворенный,
Святой Отец и Сын, им порожденный,

И в триединстве с ними Дух Святой,
Единственный во всем и вечно правый,
Единственный, Кто справедливой славой
Возвышен в жизни сей и в жизни той.

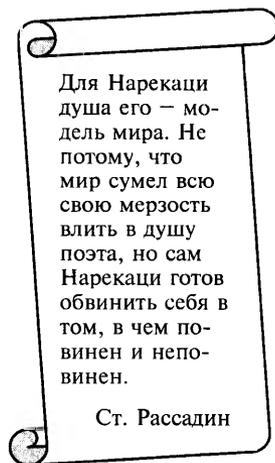
2

За что, Отец Небесный, мне награда?
Зачем заране, за десять веков,
Во искупление моих грехов
Свое единственное отдал чадо?

Не пожалел Ты Сына Своего,
Рожденного путем неизреченным,
И отдал погубителям его.
Чтоб был он преданным и умершвленным.

Как предрекал давно один мудрец,
О муках Твоего святого Чада:
«Поднимут меч на пастыря овец,
Сразят его, и разбредется стадо!»
И на меня нисходит озаренье:
Как будто в мире с первого же дня
И скинии священной окропленье,
И Авраама жертвоприношенье —
Все было до меня, но для меня.
Предуготовил мне Господь спасенье
За много дней до моего рожденья.

И хоть моя душа полна скорбей,
Душа моя грешна: она в смятенье
Скорбит не по Господнему веленью,
А только оттого, что горько ей.
Что мне весь век покоя не дает,
Что за отчаянье меня тревожит?
Завет пророков я забыл, быть может:
«Ты Господу молись, и Он спасет.
Надейся на Него, и Он поможет!»

Для Нарекаци
душа его — мо-
дель мира. Не
потому, что
мир сумел всю
свою мерзость
вливать в душу
поэта, но сам
Нарекаци готов
обвинить себя в
том, в чем по-
винен и непо-
винен.

Ст. Рассадин

Ни ангелам, ни существам земным
 Деянья Господа непостижимы.
 Поскольку сам Он неисповедим,
 Все, что Он сделал, неисповедимо.
 Немудрым, непостижно нам, тем боле,
 Как Безначальный, Мудрый, Всеблагой
 Послал другого, и пошел другой
 На смерть во исполнение этой воли.

О Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой,
 Чье триединство – бытия основа,
 Над Вами нимб лучится золотой.
 Лишь триединство сути Всеблагого –
 Сиянье вечной славы, сущность слова.
 От той Единой Троицы для нас
 Исходит Божий свет и Божий Глас,
 И нам на свете блага нет иного.
 Святая Троица детей своих
 Хранит, неистошимая в раденье,
 Неутомимая в долготерпенье,
 Прославленная в вечном единенье
 Трех ипостасей, трех основ Святых.
 Аминь.

ГЛАВА XLV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Погибшая душа моя, впервые
 Посей надежды семена благие
 И ту же пояс с двух сторон стяни.
 Во всем, что я свершил во дни былые,
 Что я свершаю в нынешние дни,
 Открыться Господу не премини,

Дела вспомни добрые и злые
И заново их взвесь и оцени.
Покайся Богу в давнем и недавнем,
Во всем, что есть — невидимом и явном,
В намереньях дурных, в дурных делах,
В немой насмешке, как в худом деянье,
В презренье к истине, в ее попранье,
В свершенных и замысленных грехах,
В грозящем взмахе рук, как в убиенье,
И в мысли злой, как в совершенном мщенье.

Владеет пусть тобой священный страх.
Покайся в клятве, кстати и некстати,
Как в отречении от благодати.
Покайся, если думал я о злате,
В томлении моем, в моих страстях.
Покайся в лености и в нетерпенье,
В том, что пред сильным был в уничиженье.
В высокомерье, как в ниспроверженье
Первосоздателя с его высот
И в том, что веры мне недостает,
И дух мой гибнет в пагубном томленьи.

Грешил я безразличьем и двуличьем,
Надменностью пред истинным величьем.
Безбожье было и моей виной.
Душа моя, грехов у нас довольно —
И с умыслом свершенных и невольных,
Покайся в них — в стезе моей земной,
В грехах моих духовных и телесных,
В грехах сокрытых или всем известных.
Покайся в пребыванье в черных безднах,
В родстве с богопротивным сатаной.
Порой мешал я с правдой то, что ложно,
То делал силой, что добром бы можно,
Где можно было б миром — шел войной.

Пусть Богом ни одно из этих слов
Отвергнуто не будет в правом гневе.
Пусть будет каждое принять готов
Он, как статир, что найден в рыбьем зеве
Одним из Божиих учеников.
Душа моя, я слышу дальний зов,
И нет во мне ни страха, ни отчаянья.
Я вижу грешницу во тьме веков,
Что каялась, и оправдались чаянья.
Созиждателю нашему раскаянье
Угодней наказания грехов.

2

И вот опять, прервав свои молитвы,
Я вспомнил скверны, свойственные мне.
Хулой грешил, бежал я с поля битвы.
Я, бодрствуя, дремал, не спал во сне.
Порою, глядя вслед чужой жене,
Как сытый конь, храпел, дышал неровно.
Я блюл заветы небеспрекословно,
Я в суесловье преступал предел.
Я не чуждался богомерзких дел.
Меня к тому тянуло, что греховно,
Что Бог судил, к тому я тяготел.

Я мужественный был не там, где надо.
Где надо, страх осилить не умел.
Порой и сам собой я не владел,
Но мной владели зависть и досада.
Где мог, не совершал я добрых дел.
Обетам я и клятвам не был верен.
Со слабыми я был высокомерен,
С подобными себе притворен был.
Я в словоблудье проявлял старанье,
На пиршествах любил предвозлежанье.
За недобро я недобром платил.

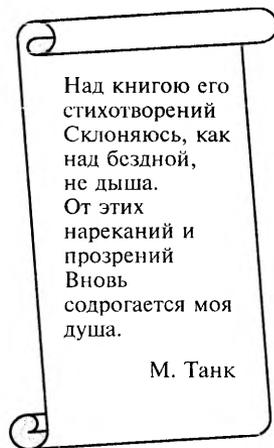
Погибелью души, добра, имения
Оплачивал я жизни обретенье.
Что надо бы ценить, я не ценил,
И, словно колесничными ремнями,
Я был опутан тяжкими грехами,
Во имя тела душу я губил.
Когда от некоей скверны отвращался,
Я вскоре к той же скверне возвращался,
Иль от плохого к худшему спешил.
Наперекор Господнему ученью,
Вразрез Писанию и разуменью
Я выше духа плоть свою любил.

3

Душа моя, кто может исцелить
Тебя – вместительницу всех пороков,
Из коих даже меньший, может быть,
Любую душу должен погубить,
Коль верить предречениям пророков?

Я брошен, я отвержен, я ничей.
Толпится сонм убийц и палачей
Вокруг меня, один другого хуже.
Так пауки и змеи копят яд
И тихо в кожаном мешке сидят,
Что безобидным кажется снаружи.

Душа моя, я знаю: ты – темница,
И в дальних тайниках твоих таится
Тьма беззаконий и враждебных сил.
В себе ты копишь то, что враг взрастил
На поле мира меж ростков пшеницы.
Ленивый, нечестивый человек,
Людьми презренный, льну я весь свой век
Ко всем, что присполнены разврата,
Кого апостол осудил когда-то,
Кому он гибель страшную предрек.

Над книгою его
стихотворений
Склоняюсь, как
над бздной,
не дыша.
От этих
нареканий и
прозрений
Вновь
содрогается моя
душа.

М. Танк

Он речи завершал свои благие
Словами: «Божий суд не пощадит
Тех грешных, что творят деянья злые
Иль потекают тем, кто их творит!»

А я и сам собой приговоренный
И на возмездье Божье обреченный,
Достоин страшной гибели вдвойне;
И все же, Господи Благословенный,
Спаситель Всеблагой, Неизреченный,
Будь справедлив, но милостив ко мне!
Аминь.

ГЛАВА XLVI

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Я хмурый человек, суровый нравом,
Судим Твоим судом я буду правым,
Покуда же я сам себя сужу.
Я схож с презренным пастухом наемным,
За стадом всех грехов моих огромным,
Как свинопас, понуро я хожу.
Иль я другому пастырю подобен,
Своих пасу я козлищ много лет,
Не понимая, по чьему подобью
И чьею волей я рожден на свет.

2

На пару сильных сопряженных ног,
Как ангелы, поставлены мы с вами,
И каждый, чтобы из-под неба мог
Великий оглядеть земной чертог,
Был одарен широкими крылами.

Зачем же, о глупец, столь скудно мысля,
Ты опустился до земли, во прах.
Заботясь только о земных делах,
Зачем к онаграм сам себя причислил?

Ты, как светильник многоответвленный,
Увенчан головою, человек,
Затем, чтобы, из праха сотворенный,
Свой образец не забывал вовек.

И одарен ты разумом могучим,
Чтоб мыслил ты, и внятным языком
В мольбе своей напоминал о Том,
Кто даровал тебе благополучье.

Две сильные руки тебе Он дал,
Чтоб ты трудился, не прося подмоги.
И, назидая, людям Бог сказал:
«Сыны Всевышнего, вы сами — Боги!»

В тебе есть триста шестьдесят суставов,
Есть пять различных чувств — чтоб осязать,
Вкус различать, чтоб слышать, обонять,
Чтоб видеть мир Создателю во славу.

Из членов всех, что Господом даны,
Одни тверды и мягки остальные.
Те слишком грубы, прочие нежны.
Есть важные, хоть, может, и срамные,
Но, дар Господень, все они нужны.

И если все исчислим мы и сложим,
Увидим: органов и чувств твоих
Как дней в году, что доказать нам может
Необходимость каждого из них.

И есть еще сустав — союз любви,
Единство церкви даровавший миру.
И малых, и великих назови,
Кто носит рубище и кто порфиру,
Здесь равны все под сению Христа,
Тверда их нераздельность и чиста,
Хоть, может, те — всевластны, эти — сиры.

Когда отъять от плоти член любой,
Разрушится премудрое строенье,
И станет безобразен облик твой,
Утратив совершенство единенья.

И хоть твой дальний предок преступил
Запреты рая Божьего, но все же
Ты, грешник, по Крещенью сохранил
И образ Божий, и подобье Божье.

Так объясни, какой корысти ради,
Под действием каких недобрых сил
Ты Божьей славы сам себя лишил,
Как предок твой в небесном вертограде?

Зачем молений жарких не вознес
И двери в рай замкнул перед собою?
Зачем однажды скверну горьких слез
Ты сам смешал с прозрачною водою?

Зачем ты чистых риз своих покров
Запачкал скверною греха былого
И скинутый хитон своих грехов
Распутством на себя напялил снова?

Зачем ты чистоту омытых ног
Испачкал грязью на пути коварства?
Зачем себя в преддверье Божья Царства
От клятвопреступленья не сберег?

Зачем, свернув с тропы благого дела,
Как птица в сети, угодил в беду?
Зачем попался бесу на уду
Ты, причастившийся Христова тела?
И все же на Него лишь уповай,
Ты, с ног до головы покрытый скверной,
Молись, несчастный, кайся, умоляй.
Лишь Он один благий и милосердный!
Аминь.

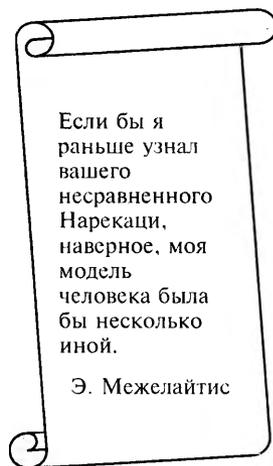
ГЛАВА XLVIII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

О Господи, к Тебе, несотворенному,
В своем величье вечно неизменному,
Я снова обращаюсь: «Пожалей!
Мирам обоим: вечному и брэнному
Ты возвести о милости своей
Ко мне, отверженному и презренному!»

Прощение мое отпразднуй, Боже,
И всем о возвращенье объяви.
Пусть знают, что нашелся я и ожил,
Как блудный сын, для жизни и любви.
Прости мне, Боже, все, в чем я виновен,
Сожги листы, где долг записан мой,
И малой каплею Сыновней крови
Мой смертный приговор со свитка смой!
Не отнимай то, что Тобой дано:
Свет чуда засвети во тьме житейской.
Так воду Сын Твой превратил в вино
На брачном пире в Кане Галилейской.

Если бы я
раньше узнал
вашего
несравненного
Нарекаци,
навсрное, моя
модель
человека была
бы несколько
иной.

Э. Межелайтис

Не преграждай Тобою осиянных
Путей в недостижимый Твой дом,
Меня прими в число Тобою званных
И не скрывай в хранилище Своем
Счет всех моих деяний окаянных,
Хоть каждое и сам я счел грехом.
Не оставляй гноящимися раны
На теле неизлеченном моем.
Чтоб не смердил я, чтоб не гнил живьем,
Не отнимай всех благ, Тобою данных,
Чтоб я от всех недугов постоянных
Избавился, хотя бы и с трудом.

Я, Боже, раб Твой, жалкий и ничтожный,
Но как бы ни был я Тебе немил,
Не дай мне уповать надеждой ложной.
И сколько б я грехов ни совершил,
Я – грешник, но не вовсе безнадежный.
И не затем лишь, чтоб меня простил,
Я говорю: «Единственное счастье –
Признание Твоей великой власти,
Всего, что Ты изрек и сотворил!»
От всякой власти власть Твоя отлична,
И, как сказал мудрец, не впавший в грех:
«Могущество Твое столь безгранично,
Что позволяет миловать нас всех».

2

Себе за образец я взял, молясь,
Молитву упований Соломона,
В грехе его усматривая связь
С моим грехом, виною непрощенной.
Сперва он был посредником благим
Меж Господом и племенем своим,
Но в сторону пошла его дорога,
И, прежде Богом истинным любим,

Признав, он возлюбил чужого бога,
И пролилось невинной крови много
В усобицах, определенных им.
Забывший Божии благодеянья,
Свои во вред употребивший знания,
Он был непрямодушным в покаянье,
Он был неискренним в мольбе своей.
Грешил он часто гневом беспричинным
И приносил немало бед безвинным
И, проживя на свете много дней,
Грехом великим вероотступленье
Он не считал в течение жизни всей.
Родителя хуливший в ослепленье,
Закон забывший и установленья,
Которые оставил Моисей.

Не веруя, стремился он к спасенью,
Греша сомненьем, влекся к примиренью,
Покорность он являл, как лицедей.
Медлителен в деянье и решенье,
Раб сластолюбья, пленник оболъшенья,
Мешающий с хвалою осужденье,
С насмешкой плач, с крамолою смиренье,
Он к совершенству понуждал людей,
А сам, погрязнув в тине заблужденья,
Он вправду был достоин сожаленья.
Таков и я в греховности моей.

3

Как жить мне дале со своей виной?
Царь Соломон в сравнении со мной
Пред Богом много меньше провинился
И тяжело за это поплатился,
По слабости смущенный сатаной.

Немудрый, я всегда понять пытался,
Но до сих пор ответа не нашел,
Как, столь могучий, он заколебался,

Возвысившийся – павшим оказался,
Развалины твердыне предпочел?
Как от благой святыни отчуждился?
Как, Богоизбранный, он заблудился,
От Божьего чертога отдалился
И сам затмил свой чистый ореол?

Как стал он пленником, освобожденный,
И, словно проповедник беззаконный,
Был именит, но сам себя низвел?
Как высшего величия лишился
И в вере истинной не утвердился,
Как, праведный, содеял столько зол?
Как нечестивым стал благочестивый,
Косноязычным стал красноречивый
И низостью свой посрамил престол?
Как суетностью он пленился праздной?
Как позабыл о скромности прекрасной?
Как в скверне до безверья низошел?
Всех благородных был он благородней,
Но стал он сообщаться с преисподней,
Святыню в сонме идолов обрел.

Забыл он – царь земной, владыка мира,
Завет: «Не сотвори себе кумира».
Забыл слова предтечи своего:
«Строптивость тот же грех, что колдовство!»

Отцовского не вспомнил укоренья:
«Все истуканы – рук людских творенье –
Еще бездушной тех, кто их творил!»
И Моисеево забыл он слово,
Предотвращавшего от темных сил.
Рек Моисей: «Мой Бог меня водил,
С ним рядом Бога не было чужого!»

И похотью, и срамотою пьян,
Царь Соломон не понял, не провидел,
Сколь пагубен Ваал – бесстыдный идол

И богомерзкий бог сидонитян —
Уродливого и срамного вида
В обличье женском гнусный истукан.

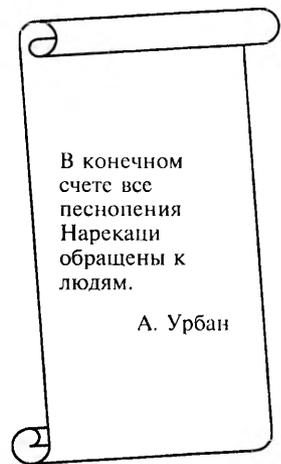
Все, чем мы Господом одарены,
В царе царей затмила тьма разврата,
Блуд и гордыня, серебро и золото —
Исконные орудья сатаны.
Царя земного леность усыпила,
Хмель развратил, распутство опьянило.

Мне Вашу плоть, о Божии сыны,
Каким оплакать скорбным причитаньем,
И грех ваш искупить каким страданьем,
Чтоб не были и вы обречены?
Чтобы гордыня нас не погубила,
Пусть не кичится никакая плоть,
Над всеми нами, слабыми, — Господь,
А не иная мудрость или сила.
И если сим сознаньем каждодневно
Смирять свою гордыню, дух свой гневный
И понимать, сколь жалок человек,
Избегнуть можно участи плачевной,
Которой царь премудрый не избег.

4

Царь Соломон оставил в мире след
И в благодати позднего смиренья
Он, сам грешивший суетой сует,
Подверг сурово самоосужденью
Всю жизнь свою, грехи за много лет.

Он перечислил грешные деянья,
Которых перечень необозрим.
Проклятью предал он и порицанью
Свой труд напрасный, тщетные старанья,
Бесцельный бег за призраком пустым.

И на песке построенные зданья,
И обреченные на увяданье
Намеренья, посеянные им.
Догадки злые, подлое злословье,
Несправедливое пролитье крови,
Летучий пар, зловонный черный дым.

Сомненья, вредоносные желанья,
Непревращенные в деянья знанья,
Высокомерье вместо покаянья,
Грехи, которых не пересчитать.
Намеренно неверное сужденье,
Шатры, достойные лишь разрушенья,
Смех без причины, стон без пробужденья,
Туман реченья, лживость осужденья,
Безбожье, мысли вместо откровенья,
И мненье, будто в блюде благодать.

Путей неправедных хитросплетенье,
Мосты гнилые, шаткие строенья,
Предательство, обман и обольщенье,
Неправый суд, неясные виденья,
К которым он испытывал влеченье,
Хоть надлежало бы от них бежать.

На склоне лет Владыка обратил
Укор к себе и с покаяньем вместе
Он нам в сердца и души заронил
Стремление к добру — добра предвестье,
К раскаянью он многих побудил
И многих кающихся вразумил:
Тот, кто грешит, достоин Божьей мести,
А кто не каялся, хоть и грешил,
Кто Богу неугодное творил,
Скрываемый личиной благочестья,
Тот, как язычник, Господу немил.

Не осуждайте, пощадите тех,
 Чье глубже покаяние, чем грех,
 Спасенье ищущих у ног Господних,
 Покуда к нам Господь не снизойдет
 Животворить с заоблачных высот,
 Откуда к тем, кто на земле живет,
 От мертвых весть приходит и сегодня.

К Творцу я обращаюсь, говоря:
 «Помилуй многогрешного царя!
 Твой жалкий раб, но раб беспрекословный.
 О Господи, я говорю Тебе:
 Прибавь мою мольбу к его мольбе.
 Я не мудрей его, но я виновней!»

И пусть с мольбой царя, с мольбой повинной
 Сольется голос мой еще живой.
 О, не пренебреги моей мольбой
 Во имя Твоего страдальца-Сына,
 В ком воплотились суть и образ Твой!

И хоть я и заблудший, и неправый,
 К моей молитве милостивым будь
 И ради умноженья Божьей славы
 Грехи неискупимые забудь.

И если к книге Божьего завета
 Прибавил тот мудрец хоть что-нибудь,
 Ты все грехи прости ему за это.
 Стремился он Твою постигнуть суть.
 И в сердце капля малая отчаянья
 Не прервала пути его раскаянья,
 Хоть, может быть, и отягчала путь.

О Господи, щедрa Твоя рука,
 Всемилостивым одари прощеньем
 Того царя, что многие века
 Камнями побиваем был с презреньем.

Он муки претерпел и перенес,
 И принял наказание такое,
 Что залил царские свои покои
 Потоком горьким покаянных слез.

Он превзошел и своего отца,
 Когда исторг души своей стенанья.
 О Господи, прости его, глупца.
 Твой Сын в шипах тернового венца
 Простил мучителям Свои страданья.
 О Господи, прости царя сего,
 Приблизь опять его к Себе во имя,
 Во славу Бога — Сына Твоего,
 И слезы покаянные его
 Смешай всемилостиво со Своими.

Прими, о Боже, строки Псалтыря,
 Превозносящие Твою державу.
 Страдальцу Сыну Твоему во славу
 Прости, о Боже, грешного царя.
 Священ Твой промысел и Твой закон.
 Они превыше наших славословий.
 Да будет многогрешный царь прощен.
 Заслуживает милости и он.
 Молить о нем достойней, чем злословить.

О Господи, прости его, прошу —
 Мое да не померкнет упованье.
 С молитвой вместе стон я возношу,
 Подобный Соломонову стенанью.

Будь милостивым и на этот раз.
Мы грешны, Боже, мы всего лишь люди.
И даже если Ты погубишь нас,
Твоей великой славы не убудет.

И все же, милосердием Своим
Прославлен выше Ты, чем гневом правым.
В борьбе с искусителем лукавым
Дай силы нам прошеньем Всеблагим.
И облегчи, о Боже, путь недалний,
Который всем нам Ты предначертал,
Единственно Благой и Безначальный,
Начальный Начинатель всех начал!
Аминь.

ГЛАВА XLIX

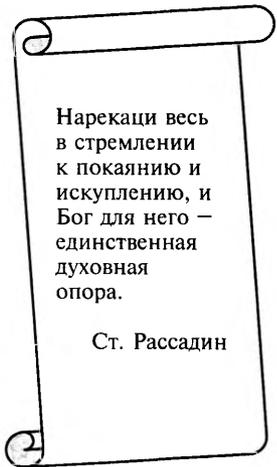
СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Беда ли, беззаконье, дух ли злой,
Пусть обойдут меня, в ком воплотилось
Все, что в Тебе: Твой дух и образ Твой.
И пусть никто не уничтожит милость,
Мне, Господи, внушенную Тобой.

Да не придется впредь мне опасаться
Греха, что был однажды отмечен.
Господь един, един Его закон;
Мне больше некому повиноваться.

На свете нет иных могучих сил
Сильней Христа, который добрым делом
И легким игом всех нас покорил,
Который кровью грех наш искупил,
Нас напитал Своим пречистым телом.

Нарекати весь
в стремлении
к покаянию и
искуплению, и
Бог для него —
единственная
духовная
опора.

Ст. Рассадин

Не Ты ль нам таинство причастья дал,
Чтоб каждый, как наследник Твой, предстал
Перед благим отцом Твоим всевластным.
Не Ты ли нас молиться научил
Царю земных, Царю небесных сил
И наградил страданьем ежечасным!
Ты, покровитель всех существ земных,
Отважил и меня молиться Богу,
И это было лучшим из Твоих
Великих дел, а их безмерно много.

О Господи, чудесным сотвореньем
Земли и неба, и пучин морских
Ты столь не славен, сколько снисхожденьем
Ко мне, ночножнейшему из живых.

Не Ты ль через пророка возгласил:
«Кто Бог, как я, грехи людей прощающий,
Людские беззакония стирающий?»

И фимиам Тебе я воскурил.
Лишь Ты, дары святые утверждающий,
На жертвы нас, людей, благословил.

2

Из всех живущих под Твоею властью
И ныне сущих в сей земной стране.
Кто может объяснить Твое участие,
Проявленное к грешному, ко мне?

Бескрайна власть величья Твоего.
Ты можешь все, но все ж изо всего,
Что можешь сделать Ты, лишь обновленьем
Души людской вослед ее паденью
Чудесней, чем ее же сотворенье
Первоначальное из ничего.

О Боже, для деяния любого
Довольно взгляда Твоего иль слова.
Приди же, чтобы дух мой воссоздать.

Я потерял надежду на спасенье.
Твой голос возвестит мне благодать
Всемилосердным словом отпущенья.
Тварь всякую и всякую обитель
Ты сотворил, к нам обратя Свой лик.
Как Созидатель мира Ты велик,
Но более велик, как наш Спаситель.

Ты наш Творец и Ты наш Искупитель,
Ты Сострадатель наш и Обновитель,
Большой и малой милости Творитель.
Хоть власть Твоя несильна, но кротка.
Наш Созидатель, Пастырь и Учитель,
Даритель света наш и наш Целитель,
Равно и Миротворец, и Воитель,
И Венценосец наш, и наш Правитель,
Судитель, Оградитель и Даритель,
Чья в милосердьи не дрожит рука,
Наш Исповедатель и тайн Хранитель,
Благоноситель и Благословитель
И впредь, и ныне, и во все века.

3

Ты сотворил меня еще тогда,
Когда меня здесь не было в помине.
Днесь, Господи, мой дух верни сюда,
Во плоть мою – в одну из бедных скиний,
И чистоту верни мне навсегда.

Молю Тебя, Господь мой, горячо:
Пусть светит свет безмерной благодати
Обильнее, чем в дни, когда еще
Спасителем Ты не был, наш Создатель.
Прости меня, молюсь Тебе я днесь,

И силы мне прибавь в моем бессилье,
Хоть мне моих грехов не перечеть,
Столь памяти моей коротки крылья.
Всевиденьем Своим и всепрощеньем
Ты столь велик, что, позабыв мой грех,
Я, как в былые дни, считаю всех
Прощенными, тех, кто спасен Крещеньем.
Пусть тернии грехов моих былых
Мне сердце изъязвляют, кости ломают,
Но все же благо милостей Твоих
Моих грехов бесчисленных весомей.
Где искупление – там очищенье,
Уже там нет греха, где есть прощенье.
Где вера – там отчаяния нет.
Где милость есть – там нету прегрешенья.
Надежда только там, где Божий свет.
Где Божьего перста прикосновенье –
Нет горя там и суеты сует.
О Господи, в Тебе одном – спасенье,
Ты – милосердие и обновление,
Могущество в безмерном воплощенье,
Хвала и слава до скончанья лет.
Аминь.

ГЛАВА L

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Есть правда Божия, и нет иной
Ни там, на небесах, ни под луной.
Вне этой правды нет душе спасенья.
Как света нет для глаз, лишенных зренья,
Так и душе греховной нет прощенья
Без исповеди в скинии земной.

Без покаянья, самообличенья
Нет искупленья нам, нет очищенья,
Прощенья нет, коль грех мы утаим.
Хоть нет конца достоинствам твоим,
Все ж ты судим бок о бок с фарисеем.
Не праведней ли тот, кто грех содеял,
Но все же вместе с мытарем хвалим?
Нет, Иоиль не будет осужден
За то, что каялся и не однажды,
Или пророк другой, за то, что он
О страшном Дне Суда забыть не жаждал.

Из всех рабов Господних кто б решился
Счесть Иисуса грешным, обвиня
В том, что он в плоть Адама облачился,
В том, что, подобно грешнику, молился
Создателю за грешного, меня?
Сколь мы ни скудоумны, неужели
Мы не осмыслим притчи до конца:
«В доме печали сердце мудреца,
А сердце глупого в доме веселья»,
Что означать должно: кто грех Адама,
Всеобщий грех, не признает своим,
Возмездия не избежит и срама
И будет в сонме грешников судим.

Как сказано в определенном месте
Мудрейшего Писанья, в Книге книг:
«От вести радостной светлеет лик,
Душа мрачнеет от недоброй вести».

2

Как назиданья мудреца гласят
И главы говорят в Святом Писанье,
Не возжелай садиться в первый ряд
Средь нечестивцев в гнусном их собранье.
На том собранье мерзком говорят

Пустые речи и слова срамные,
Беги от них скорее, – так велят
Нам царь Давид, пророк Иеремия.
Но с теми, что в грехах своих презренных
Раскаясь, к небу устремляют взгляд
И, мысля о возмездии, дрожат
Уже сегодня в этой жизни брэнной,
Сядь рядом, не побрезговав, смиренно,
Веди беседу с ними непременно.
И ангелы тебя благословят.
Тем самым в сонме скромных, но почтенных
Ты будешь сам на пиршестве блаженных.

Слова пророка гневные корят
Иных из нас, чванливых и надменных,
Тех, что сказать собрату норовят:
«Не подходи ко мне – я слишком свят!»
А я сторонник истин неизменных.
Я повторяю много раз подряд
Слова псалмов Давидовых нетленных:
«Пред Богом я – презреннее презренных:
Я – скот, и гноища мои смердят».

Как Ездра говорил в словах нетленных,
Вот истина из истин сокровенных:
«Столь грешен я и так я виноват,
Что не поднять мне к небу глаз смиренных!»

3

И, будучи подобьем всех людей,
Я должен их раскаяньем казнить.
Не должен я скрывать вины своей,
Боясь людской уродливости всей
Прибавить мерзости своей частицу.

Да, Господи, сегодня, как вчера,
Грешил я, неразумен и ничтожен,

И все же Ты прости меня, о Боже,
Как некогда апостола Петра,
Чтоб я, который вовсе уничтожен,
Воспрянул духом, возродился, ожил
В лучах Твоих для жизни и добра.
Лишь получив Твое благословенье,
Я буду вестать: Ты мне отпустил
Грехи, что не по Твоему велению,
А по неразуменью я свершил,
И в койи раз мое ожесточенье
Ты кротостью Своею усмирил.
Не смею, Господи, Тебе молиться,
Пока не поднял Ты в который раз
Перста благословляющей десницы,
Чтоб вновь я вышел из глухой темницы
Грехов былых и деемых сейчас.
Ты, озирающий необозримое,
Ты, постигающий непостижимое,
Услышь, о Боже, и помилуй нас!

4

Грешивший и в деянье, и на слове,
Я пред Тобой, о Господи, виновен,
Виновен перед именем Твоим,
Пред каплею Твоей священной крови,
Пред Твоим Крещением Святым.
Пред благодатью Твоего дыханья,
Пред чистотою Твоего страданья,
О Господи, виновен я стократ,
Пред мужеством Твоим и совершенством,
Пред жизнью, перед светом, пред блаженством
Я более всех прочих виноват.

Виновен я в моих словах обманых,
Пред благом незаслуженных наград,
Мне, многогрешному, Тобою данных.

О Господи, Ты благовествовал,
А я не слышал, уши затыкал
И благовестье понимал превратно.
Хоть доброта Твоя ко мне росла,
Но – порожденье немощи и зла –
Мои грехи росли быстрее стократно.
И душу мне сожгли они дотла,
От жизни к смерти бросив невозвратно.
О Господи, я жизнь неверно прожил,
Я суд, я истину искал везде,
Но лишь один Ты правосуден, Боже,
И справедливость лишь в Твоем суде.
Как часто Ты мне, грешному, пытался
Явить Свою любовь и благодать,
Но, неразумный, я Тебя чуждался,
О чем помыслить страшно и сказать.
Удел Твой, Боже, слышать восхваленья,
А мой удел в стыде и муке ждать
Лишь от Тебя прощенья, исцеленья,
В раскаянии чистом – искупленье,
И вера в мощь Твою и благодать!
Аминь.

ГЛАВА LI

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

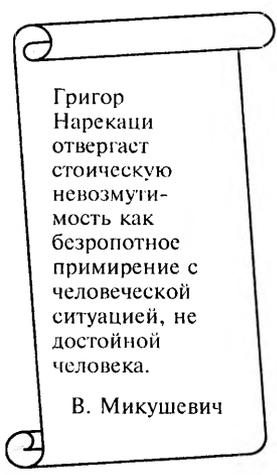
Я смертный, не обласканный судьбой,
Ужель к себе подобному с мольбой
Мог обращаться, горестно стеная,
Бессилия людей не понимая?
Ужель к тому я обращал моленья,
Кто сам ничтожен силой, речью слаб?
У мыслящих существ искал спасенья
Я, мыслящий, но не разумный раб?

Ужель молил людей, власть придержащих,
Владык, как и дары их, преходящих?
Ужели брата я молил родного,
Который сам искал прозренья свет,
Ужели я молил отца земного,
Что сам прощенья ждал на склоне лет?

Ужели мать молил я в тишине?
Ужели ждал от той ответной весты,
Чья нежность и забота обо мне
Оборвались с мгновенной жизнью вместе?
Ужели я молил земных царей,
Не понимая, что цари земные
Способны смертным смерть нести скорей,
Чем блага жизни иль дары иные?

2

Бежать рванемся – Ты нас настагаешь,
Заблудимся – Ты указуешь след.
Мы устыдимся – Ты нас ободряешь.
Мы занебудим – Ты нас исцеляешь.
Во тьме погрязнем – зажигаешь свет.
Мы осквернимся – Ты нас очищаешь.
Помыслим мы о том, в чем правды нет, –
Ты истиной Своею наставляешь.
Мы поскользнемся – Ты нас поднимаешь.
Запутаемся в суете сует –
Ты нас на путь открытый возвращаешь.
Грешим весь век – Ты всякий раз прощаешь.
Покаемся – знак подаешь в ответ.
Мы отдалимся – Ты не упрекаешь.
Приблизимся опять – Ты принимаешь.
Отступимся – Ты больше нас страдаешь,
Своей заботой нас не оставляешь
И в час неотвратимых наших бед.

Григор
Нарекает
отвергает
стоическую
невозмутимую
как
безропотное
примирение с
человеческой
ситуацией, не
достойной
человека.

В. Микушевич

Благословенный сто второй псалом,
 Чьи строки, Господом самим внушенные,
 Надеждой озаряют каждый дом,
 И дэвы со своим извечным злом
 В смятенье отступают побежденные
 Иль в страхе замирают посрамленные,
 Как сатана перед Святым Крестом.

И вещей слов благое озарение
 Дарит нам счастье, Божиим рабам.
 Наносит Велиару поражение,
 Людским грехам дарует искупление,
 Надеждам сокровенным – обновление.
 И свет в мирах обоих: здесь и там.

Благой псалом навеян Духом Божиим,
 Как все псалмы, дарованные нам.
 Лишь сердце чистое постигнуть может
 Все, что присуще этим письменам.

Лишь смутный образ Нового Завета
 Собой являет Ветхий наш Завет.
 Но властно он сказал, что смерти нет,
 А есть небесный несказанный свет,
 И мы с благоговеньем помним это.
 И хоть претерпевают измененья
 Слова его пророков причестных,
 Он – грозное орудье осужденья
 Всех малодушных грешников земных.
 Хоть немощный посредник примиренья,
 Несовершенен он в словах иных.

Понять несовершенство многих слов
 Рассказ о Манасии нам поможет.
 Свой город кровью праведных сынов

Он залил и пророка уничтожил,
Хоть сам был из его учеников.
Был Манасия грешником, а все же
Он не был умерщвлен десницей Божьей,
Он, совершивший множество грехов.
Он осквернил алтарь и с Богом связь
Прервал, греша злодейским богоборством.
Паденья своего не устыдясь,
Господень Дух он изгонял с упорством,
Душой к нечистой силе обратиться.

Храм Иерусалимский, Храм великий,
Где красовались ангельские лики,
Отступник Манасия осквернил
И вместо ладанного воскуренья
И Господу угодного моленья
В убежище порока превратил,
В обитель нечестивого служенья,
Разврата, мерзости и запустенья,
В прибежище богопротивных сил.
И, поклоняясь гнусному Кевану,
С башкой четырехликой истукану,
Спасителя чертога он лишил.

Стал Божий Храм прибежищем для блуда.
И, Божье имя изгнав оттуда,
Храм Велиара грешный царь возвел.
А над главой пречистой Властелина
Не натянул простого балдахина.
И отдал он Божественный Престол,
Великой тайной иестарь осененный,
Святой безгрешной кровью окропленный,
Тем колдунам, пороком оскверненным,
Которых Господу он предпочел.
И стал он пастырем такого стада,
Которое бы изничтожить надо,
И все же гибели он не обрел.

Так многогрешный царь погряз во зле,
Распространяя нечести отраву,
Что даже Господа подверг хуле,
Который дал ему и трон, и славу.

И, не обретший в мире никого,
Он, погубитель царства своего,
Не мог и к Богу сердцем устремиться,
Не будучи ревнителем его.
И с Исааком вместе помолиться
Не мог — он был гонителем его.
Не мог он и Израилем гордиться:
Был грешный царь губителем его.
Не мог псалмом Давида насладиться,
Поскольку был хулителем его.
Не мог он в Храме к тайнам причаститься,
Он, бывший осквернителем его.
И перед алтарем не мог склониться
Он, бывший разорителем его.
Не мог и к Моисею обратиться,
Не мог и к Аарону приобщиться,
И не было с ним рядом никого:
Ни друга, ни пророка, ни провидца.
Но Бог сказал: «Пусть грех ему простится!»
Вновь стал царем он царства своего.
Не по грехам своим и не по праву
Был пощажен он, грешный, может быть,
Чтобы Господню приумножить славу
И дверь надежд людских не затворить.
Чтоб я, за прегрешенья осужденный,
Погрязнувший в грехах и непрощенный,
О снисхожденье мог Тебя молить.
Скажи и укажи, как надо жить,
Чтоб и меня когда-нибудь простить
Мог Иисус, от века восхваленный?
Аминь.

ГЛАВА LII

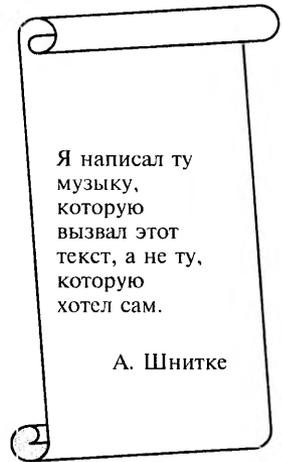
СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Благословенный в естестве своем,
Единый, беспредельный, неизменный,
Хвалу Тебе всемерно воздаем
Мы, грешные, в мольбе своей смиренной.
Грехами, что свершаем всякий час,
Прогневавшись, не укоряешь нас.
Ты, Безначальный и Благословенный!
Все, что Ты даровал народам прежде,
Вдвойне даруешь недостойным нам.
Обилием любви к своим сынам
Ты не даешь угаснуть в них надежде.

И знаний неширокое окно,
Что милостью Твоей давным-давно
Для Соломона настезь отворилось,
Для прочих тоже приотворено.
Увидеть свет благой и мне случилось.
И занавес, что закрывает вход
В сокровищницу Божиих щедрот,
Ты распахнул пред всеми со словами:
«Придите к Господу, и Он придет!
Пребудьте с Ним, и Он пребудет с вами!»
Нам Твой глагол надежду подает:
«Когда ко Мне с молитвой обратитесь,
Восстанете из праха, возродитесь,
И станет все бело, и тьма сойдет!»

«И станет словно белое руно,
Все, что теперь от края и до края
Обильной кровию обагрено», —
Так проповедует пророк Исая.

Я написал ту
музыку,
которую
вызвал этот
текст, а не ту,
которую
хотел сам.

А. Шнитке

Гнев с милостью сосуществуют рядом.
И обезлюдевшие города
Восстанут вновь, пустыни станут садом;
Дороги, где не видно ни следа,
Вновь оживут под ясным Божиим взглядом.
Во гневе Бог нас будет покидать
И возвращаться к нам, даря прощенье.
Отгневавшись, дарует благодать,
Отбичевая, дарует ощущение.

2

Пророков достославные реченья
Вещали о Пришествии Христа.
Не передать нам вещей слов значенье,
Столь наша речь ничтожна и пуста
В сравненье с вестью о благом ученье
И о пути Господнем до креста.

Воздвиг Ты в Храмах много алтарей,
Как подтвержденье истины своей.
И кровь Твоя, и скорбь Твоих страстей
Взывают громче Авелевой крови,
Нам, глупым, объясняет суть вещей
В Твоем лишь Боговдохновенном слове
Смысл и значенье жизни нашей всей.

Суть обновления, суть искупления,
Освобождения и просветления.
И вечного блаженства во Крещении,
И сладостная слава единения
С Тобюю триединым всех людей.
Есть слово, что страшусь я произнестъ,
Что до конца не смею осознать я —
Провозглашенная Тобюю весть:
Мы приобщимся к Божьей благодати
Вкушением Твоих святых даров,
Принятием под Твой небесный кров,

Неизреченной милостью Твоею,
Неведомою даже Моисею.
Так говорят исполнены добра
Писания апостола Петра,
Пред коими и я благоговею.

О Господи, Ты с Отчим достояньем
Пришел, чтоб стать для всех нас упованием.
Пришел, терновым венчанный венцом.
Тебе мы внемлем и душой, и слухом.
Будь славен со благим Своим Отцом
И с пресвятым животворящим Духом.
Аминь.

ГЛАВА LIII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Властитель сил всемирных, Царь царей.
Ты — Царь всего, что зримо и незримо.
Что измеримо и неизмеримо,
Один Ты меришь мерою своей.
Ты можешь солнце застить черной тучей,
Любую твердь Ты сделаешь текучей,
Столь Ты велик в могуществе своем;
Огонь рососою станет, дождь — огнем,
Покорны воле Господа могучей.
В столб соляной, как Лотову жену,
Ослушника преобразить Ты можешь.
Ты праведника ложного низложишь,
Раскаившемуся простишь вину
И немощному грешнику поможешь.
Лишь Ты один нас справедливо судишь.
Того, кто близок к смерти, возродишь,

Колелеблющемуся опорой будешь,
Восстать поверженному повелишь.
Лишь Ты один провидишь все заране,
Один Ты отличишь от правды ложь,
Недужному Ты облегчишь страданье
И к сонму беспорочных сопричтешь.
Захочешь Ты — и тень назад вернешь.
Когда ж иссякнут все благодеянья,
Себя прославишь Ты нам в назиданье,
Неправедность уймешь, наш грех сотрешь —
Избыло всякий грех Твое страданье.

2

О всех Твоих благодеяньях мысля,
Безмерное их множество исчисля
И зная: все иное — суета,
Я грешные свои замкнул уста.
Но, помня, сколько мне добра и света
Ты даровал в течение жизни всей,
Я к заповеди обращаюсь Твоей,
К ней приближая песни книги этой,
Исполненные стонув и скорбей.

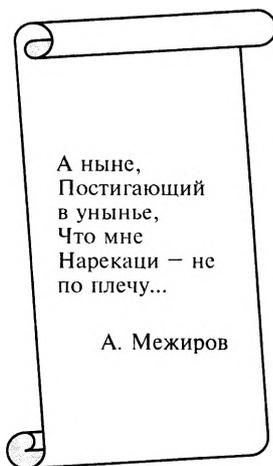
Да, совмещу я, жажда утешенья,
С лекарством яд, с болезнью исцеленье,
С невежеством глухим — всеосмысленье,
С отчаяньем моим — Твое терпенье,
С печалью — радость умиротворенья,
С уныньем — Божью власть животворенья;
Я совместить пытаюсь в книге сей
Завета Ветхого огонь и мщенье
И Нового Завета всепрощенье.
В нем даже смерть сулит нам обновленье —
Заветную надежду всех людей.

Я верую, сладчайший Иисус,
И эта вера мне внушает слово.
Когда же для наисвященных уз
Не станет слов, я превращусь в него,
Внемли молчанью сердца моего,
Моление, что рвется из него,
Пусть Тебя достигнет, Всеблагое.

Ты, не имеющий себе подобья,
Но облик человеческий приняв,
По зависти людской, их вечной злобе
Все вечным нашим искупленьем став,
Не жертвенных тельцов или же овнов —
Свою пречистую святую плоть
За нас приносишь в жертву Ты, Господь,
Отвергнув свод обычаев греховных.

Не только праведным и малогрешным,
Но даже тем, в ком власть греха растет,
Защиту пред возмездьем неизбежным
Благословение Твое несет.
Пусть жизнь земная будет бесконечной.
Зачем она, что на земле нас ждет?
Где, Господи, Ты жертвой стал извечной,
Чтоб душам нашим дать благой исход.
Приемля муки тихо и безгневно,
Себя приносишь в жертву каждодневно
Ниспосылаемый Отцом Своим.
Страдаешь Ты во имя примиренья,
Во имя оправданья и спасенья
И нашего соединенья с Ним.

Грех, совершенный мной, весь путь мой грешный
Твоею вечной мукой искуплен,
Своей пречистой плотью, Царь Небесный,
С моею, грешной, Ты соединен.
И ныне умираешь многократно,

А ныне,
Постигающий
в унынье,
Что мне
Нарекати — не
по плечу...

А. Межиров

И вечно пребываешь Ты живым.
Нас озаривший верой благодатной,
Ты в таинстве причастья неделим.

4

Жил в мире идолопоклонник некий,
Но, в истинную веру обращен,
Изрек о таинстве причастья он
Мысль, что пребудет средь людей вовеки.
Сказал он: «С окончаньем дней моих
Я удостоюсь славы и блаженства,
Как приобщающийся тайн святых
Скорей, чем достиженьем совершенства,
Чем искуплением грехов бывлых».
Я мыслю, думая о Судном Дне,
Что каждый, тайн Господних приобщившись,
Но с ними всей душой своей не слившись,
Не может совершенным стать вполне.
Тот некий человек сказал засим:
«Господь, приявший крестное страданье,
Я верую, стал как бы мной самим,
И сладость Божеского ниспосланья
Всегрешным огорчил путем моим».

Когда впервые совершал Господь
Чудесные целения как милость,
Когда он отдавал и кровь, и плоть,
Чтоб истинная вера укрепилась,
То понимал он: таинство вершилось
Превыше мук, что можно побороть.

Всего превыше – таинство причастья.
Я верю: приобщенный тайн святых,
Постигну глубже я Христовы страсти,
То – путь спасенья – истинней иных.
Причастье – с Господом соединенье –
Превыше постничества и моленья,
И самоистязанья, и смиренья,

Превыше помыслов и дел благих.
Превыше искупленья и прошенья,
Превыше самых добрых слов людских.

Оно превыше в жертву приношенья
Хоть бессловесных тварей, но живых.
Превыше безначальное — мгновенного
И совершенное — несовершенного.
Пророки, мудрецы святые правы:
Духовное превыше, чем телесное,
Неведомое выше, чем известное.
Так и причастья таинство чудесное
Достойно благодати вечной славы.

5

Дай, Боже, скорбному душой и телом,
И словом оскверненному, и делом,
Мне исцеленье на моем пути.
Пусть все, что было черным, станет белым,
Забудь долги, грехи мои прости.
И хоть Созидатель всего живого —
Лишь Ты в юдоли той, где мы живем,
Но сами мы что сеем, то и жнем.
Зерно — вот жатвы праведной основа.
Так говорит апостольское слово
В премудром откровении своем.

Весь этот мир, где жизнь течет людская,
Из ничего Тобою сотворен.
Тебя, кому нет ни конца, ни края,
Не сдерживает узами закон;
Ты побеждаешь, их не порывая.

Ты побеждаешь в каждом человеке
Сомнений грех извечной правотой.
Прославлены от века и вовеки
И Ты, и Твой Отец, и Дух Святой.
Аминь.

ГЛАВА LIV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

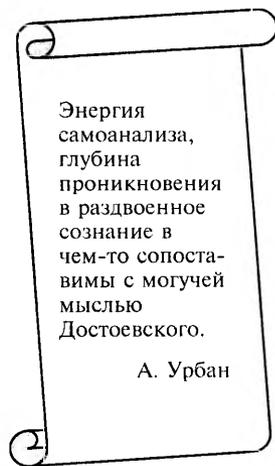
Даритель веры и надежды вечной,
И зренья глаз, и мудрости сердечной,
В обличье Милосердья мне явись,
Чтоб в кои веки без душевной боли
Молиться, очи устремляя ввысь.
Все в мире по Твоей вершится воле,
Без Божья промысла нам не спастись.

На путь к Тебе наставь меня без гнева.
Зияют бездны справа, бездны слева.
Без помощи Твоей не обойтись.

2

Я не хвалюсь, пристыженный укором,
Я не горжусь, униженный позором,
Я не хвалюсь ничем и не горжусь,
Оболганный, осмеянный, я каюсь.
Блаженство обрести и не пытаюсь,
Оправдываясь, я не оправдаюсь,
Обороняясь, не оборонюсь.
Не понесется ровно конь вперед
Без той узды, что в путь его пустила.
И по морю корабль не поплывет
Без кормчего у верного кормила.
Орала борозды не проведут
Без крепких рук, держащих рукояти.
Волы в ярме послушном не пойдут
Без пахаря, что станет погонять их.
Не плыть по небу туче грозовой,
Рожденья звезд не будет и паденья,
И даже солнце круг извечный свой

Не завершит без Твоего веленья.
Законы всякого круговращения
Даны и предначертаны Тобой.
И только с Твоего благословенья
Родится тварь любая под луной.
И я — земная тварь, послушник Твой,
Собой не представляю исключенья.
И сколько б ни было на свете нас,
Счастливые, хотя и обреченные,
Мы слушаем и слышим Божий Глас:
«Труждающиеся, обремененные,
Вы приидите, и я утешу вас!»
А мне велик ли прок от очищенья,
Коль скверною покроюсь я опять?
И стоит ли причастие вкушать,
Коль буду предан огненной геенне?
Как мне тобой гордиться, Авраам —
Тебя я отчуждился, неусердный.
Я — чадо аморея — принял срам.
Сын хананеянки, покрыт я скверной.
Агари сын, я жалок и убог.
«Мне сестры Самария и Гоморра», —
Так некогда сказал один пророк.
И все на мне сошлось, что он предрек,
Достоин я проклятья и позора.
Забытый, несчастливый, нечестивый,
Тому назад уже немало лет,
Оголой, может, или Оголивой
Я в муках был рожден на белый свет.

Энергия
самоанализа,
глубина
проникновения
в раздвоенное
сознание в
чем-то сопоста-
вимы с могучей
мыслью
Достоевского.

А. Урбан

3

Плывет пловец, захлестнутый волнами,
Его пучина бьет, а он плывет.
Покуда взмахивает он руками,
Но силы кончатся его вот-вот.
Бьют волны и бока его, и спину,
Ест соль глаза, а морю нет конца.

Оно в свою соленую пучину
Вот-вот затащит бедного пловца.
Пловец плывет, но нет ему спасенья.
Он не уйдет от вздыбленных валов.
Жалчайшее Господнее творенье,
Как бедный тот пловец, и я таков.
Мне говорят — понять я не пытаюсь,
Не слышу, хоть мне голос подают.
Трубит архангел — я не пробуждаюсь,
Недвижим я, хотя меня зовут.
Я позабыл все то, что раньше видел,
Черствее становясь день ото дня,
Бесчувственен я к боли, словно идол,
Хоть люди ранить норовят меня.
Мне лестно даже с идолом сравненье.
Я хуже, ибо совесть нечиста.
Презренный и достойный обвиненья,
Дерзаю все ж вымаливать прощенье,
Спасенье у предвечного Христа.

4

Земная жизнь моя подходит к краю,
Но все, что мог я выразить в словах,
Как память о благих моих делах,
Равно как о былых моих грехах,
Читающие, вам я оставляю.
Хоть плоть моя и превратится в прах,
Но речь моя во прах не превратится,
Чтоб вам моей молитвою молиться
С моими же слезами на глазах.
Я совершаю праведное дело.
Слова — моя душа, пергамент — тело.
И христиане долго, может быть,
Не позабудут моего творенья
И голосом моим свои моления
Тебе, Создатель, будут возносить.
Аминь.

ГЛАВА LV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Парил я на крылах души моей
Над сонмом живших в мире сем от века,
Но, многогрешного, меня грешней
Покуда я не видел человека.
Все это взвесив на весах ума,
Я обратил к себе как прорицанье
Нетленный стих Давидова псалма:
«Со мною кто сравнится в злодеянье?»
Так что ж скажу я своему врагу?
Чье проклянну и чье ослаблю имя?
Я, грешный, лишь себя клеймить могу
Словами беспощадными своими.
И мне, отягощенному виной,
Я верую, даруешь Ты прощенье,
Как ныне я прощаю прегрешенья
Всем тем, кто был виновен предо мной.

2

Какие б я моленья возгласил,
Какие б воскурил благоуханья,
Чтоб только Ты, о Господи, простил
Людей, которых я порочил бранью!
Чтоб осужденного Ты оправдал,
Плененному – свободу даровал,
Утешил бы скорбящих, удрученных,
Призрел обманутых и обреченных;
Чтоб скорбных духом Ты уврачевал.
Когда добро намерюсь совершать я –
Чтоб Ты, Великий, мне прибавил сил;
Когда намерюсь произнесть проклятье –
Чтоб Ты остановил и вразумил!

Чтобы в молениях я, страдавший много,
Всем зложелателям своим простил,
Чтоб голос злобы, неугодный Богу,
В ожесточенном сердце умирил;
Чтоб я забыл вчерашние обиды,
Молясь о примиренье всех людей,
И чтоб возрадовался Ты, увидев,
Каким я стал по благости Твоей.
Вся жизнь — в Тебе, лишь Ты — бессмертье смертного,
Упорство человека неусердного.
Ты — сила слабого, богатство — скудного.
Ты — мудрость для меня, для безрассудного.
Я как пловец. Ненастье, тьма и ветер
Мне ощутить мешают силу зла,
Я словно птица, что попала в сети
И гибели своей не поняла.
Не понял я, что страшен мир двуликий,
Что губит он, соблазнами маня.
Как псалмопевец говорил великий:
«Постигли беззакония меня».

3

Один мудрец назвал в года былые
Смерть без причины явной злом большим.
Хоть он — язычник, я согласен с ним:
Мгновенной смертью правят силы злые.
Как скот, бессмысленный и бессловесный,
Мы исчезаем вдруг во мраке бездны,
Не осознав сей жизни пустоту.
Мы умираем и не ужасаемся,
Мы исчезаем и не удивляемся,
Мы даже в час последний не смиряемся.
Отлучены бываем — не терзаемся,
Порокам предаемся и не каемся,
Соблазнов низких не остерегаемся,
Всему предпочитаем суету.

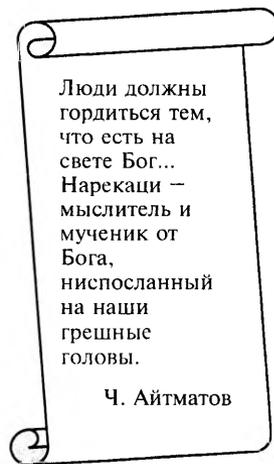
Смиренный Иов смерть назвал покоем.
Я с ним согласен днесь и наперед,
Когда б не зло, содеянное мною,
Что втайне для меня же сеть плетет.

На свете настоящее – ничтожно,
Грядущее – темно, бывшее – ложно.
Я хуже всех, моя греховна суть.
В грязи желаний я погряз по горло.
Земные страсти мне сжигают грудь.
Нетвердый разумом, иду нетвердо.

Над глиняной обителью моей
Дожди не утихают проливные,
А слабый дух мой – глины не прочней,
Соблазны мира – не добрей стихии.
Что я скажу пред тем, как умереть?
Мои деянья скудны, страсти – странны.
Из ничего мой скарб, из ветра снедь,
Усилья тщетны, радости обманны.
Когда наступит смерть, то силы зла
Пред справедливостью должны склониться,
И заповедь, что мне дана была
Для жизни, – лишь для смерти пригодится.

4

Как сказано о том в Святом Писанье,
Пришел посланник зла, мой давний враг,
Он отнял все, и сердца достоянье
Разграблено, и разум мой иссяк.
Я к Господу, безумный, не взывал;
Чем шел быстрее, тем глубже увязал.
Стремясь к величию, терял я веру,
К безмерному стремясь – утратил меру.
Терял я большее, чем находил,
Был осторожен – лишь себе вредил.
Идти старался прямо – спотыкался,
Стремясь за лишним – нужного лишался.

Люди должны
гордиться тем,
что есть на
свете Бог...
Нарекания –
мыслитель и
мученик от
Бога,
ниспосланный
на наши
грешные
головы.

Ч. Айтматов

Избавился от меньшего из зол,
Но губительные страсти приобрел.
То, что искал, считал всего дороже, —
Не стало оправданием моим.
В Тебе одном мое спасенье, Боже,
Я пред Тобой склоняюсь, Всеблагим.
Тебя молю я, раб Твой неусердный:
Моей молитвы в гневе не отринь.
Будь милостив, Отец наш милосердный,
Прибежище души моей.
Аминь.

ГЛАВА LVI

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Как ядовитый плод на древе ада,
Или враждебной ставшая родня,
Иль сыновья, предавшие меня,
Грехи меня терзают без пощады,
Все неотступнее день ото дня.

2

Я сердцем хмур, устами злоречив,
Мой слух неверен, взор мой похотлив.
Моя рука готова смерть нести,
Моя нога сбивается с пути.
Мой смраден вздох, походка не тверда,
Я не оставлю по себе следа.
И воля к благу у меня шатка,
Зло крепко, добродетель не крепка.
Божественный завет я позабыл,
Указанный запрет я преступил.
Я — дичь, не избежавшая стрелы,

Бежавший раб, упавший со скалы,
Я – узник, чей конец наступит вскоре,
Морской разбойник, что утонет в море.
Я – робкий ратник, я свидетель лживый,
Нестойкий латник, пахарь нерадивый,
Священник, презирающий амвон,
Законник, попирающий закон,
Звонарь церковный, невпазд звонящий,
Я – проповедник, смутно говорящий,
Я – взгляд, который неприятен людям,
Ужасен ликом я и сердцем скуден,
Я – прерванная трапеза хмельная,
Я – праздник жалкий, красота смешная,
Я – сад, который высох и заглох,
Я – жнец, который жнет чертополох,
Сажающий крапиву садовод,
Мышам доставшийся пчелиный мед.
Я – близкими покинутый старик,
В грехе упорствующий еретик,
Болтун пустой, гордец скотоподобный.
Хвостун и лжец, скупец, мздоимец злобный.
Я – леность, я – надменность, я – коварность,
Бесстыдство, черная неблагодарность,
Великолепье, жалкое обличьем,
Ничтожество, надутое величьем,
Величье, что пред низостью склонилось,
Могущество, чья сила истошилась.
Я – управитель-плут, советчик ложный,
Торгаш бессовестный, друг ненадежный,
Сосед злословящий, богатый скряга,
Чьей смерти ждут наследники, как блага.
Бесчестный казначей, служитель-бражник,
Глашатай лживый, нерадивый стражник,
Я – нищий, жалкий, но высокомерный,
Правитель алчный, царь жестокосердный,
Я – вестник, с доброй вестью опоздавший,
Посредник, поводом раздора ставший.
Я – царь-изгнанник, царь, лишенный трона,
И царь-тиран, не знающий закона.

Я – воин, побежденный и несчастный.
Я – самовластный князь, судья пристрастный.
Я – полководец, робкий и бесславный,
Слуга лукавый, раб самоуправный.
Я – песня, сочинителя позор,
Для обвинителя я – приговор.

Когда-то раньше не творил я зла,
Мне отовсюду вслед неслась хвала.
Но все прошло, мой мир перевернулся,
И ныне я – носитель многих зол.
К одним пришел я, ибо обманулся,
Другие я по слабости обрел.

3

Изо всего, что ныне перечислил,
Всего, чем ныне утрудил Тебя,
Что тягостней Тебе и ненавистней,
Каким грехом я погубил себя?
Что совершить и как Тебя восславить
Рабу, который скорбию томим?
Как от грехов своих себя избавить,
Представ перед величием Твоим?

Сколь, Боже, велико Твое терпенье,
И долго ль будешь Ты меня прощать,
И долго ль будешь, Господи, молчать,
Мои земные видя прегрешенья?
Тебе совсем мою презреть бы речь,
Тебе б не слушать слов моих ничтожных,
Не для меня ль карающий Твой меч?
Я заслужил, чтобы меня обречь
На казнь, что ждет преступников безбожных.

Но Ты меня, бредущего во мгле,
И прочих, мне подобных на земле,
Врачуешь добрым светом милосердия,
Чтоб душам нашим обрести бессмертье
Там, где мерцает неземная синь.

Нас, грешных, не по нашему усердию
Ты одаряешь, Господи.
Аминь.

ГЛАВА LVII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

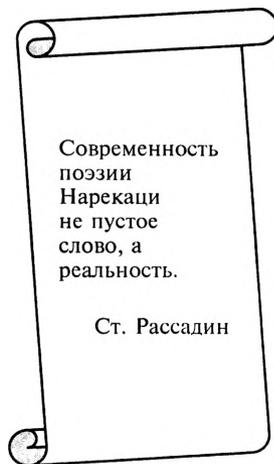
1

О Иисусе, доброй вести глас,
Врата спасенья, стражник Божья Царства,
Величье, недоступное для нас,
Чье имя страшно сыновьям коварства.
Лишь Ты один — и лекарь, и лекарство,
Больных Ты исцеляешь всякий раз.

Ты — и блаженство, и благословенье,
Стезя покоя, радости спасенья,
На свете сонмы тех, кого Ты спас!
Ты знаешь то, что нам непостижимо,
То измеряешь, что неизмеримо.
Ты видишь то, что наш не видит глаз.

Ты то свершаешь, что несовершимо,
То приближаешь, что недостижимо.
Мы все, о Боже, под Твоей рукой.
В отчаянье моем Ты мне спасенье
Даруешь, обретая утешенье,
Порой моя тревога — Твой покой.

Что губительно для нас — Тебе не страшно,
Ты с самого начала видел ясно
То, что постигнуть тщусь я до сих пор.
Ты знаешь то, о чем и не помыслить,
Ты исчисляешь то, что не исчислить:
И ширину небес, и тяжесть гор.

Ты понимаешь, сколь темно и ложно
То, что я склонен истиной считать.
То, от чего могу я лишь бежать
Иль укрываться где-то осторожно,
Единым словом можешь Ты изгнать.
Лишь Ты, Великий, знаешь: то ничтожно,
Что страх и трепет может мне внушать.

2

Нет милосердью Твоему конца,
И, нашим вняв мольбам, звучащим глухо,
От грешных нас не отврати лица
Во имя славы Твоего Отца
И милосердия Святого Духа.

А я затеял тяжбу сам с собой.
В моей груди идет кровавый бой.
Возри, о Боже, на мои мученья
И, удовлетвленный моей мольбой,
Даруй моим недугам исцеленье.

Ты, сокрушенному, мне обновление,
Смятенному, спасенье посулил,
От многоликой смерти избавленье
Мне, обреченному, Ты подарил.
Передо мной, достойным лишь презренья,
Врата надежды светлой приоткрыл.

Тебе присущи милость и прощенье,
А я несвойственное мне явил:
Средь терниев греха и заблужденья
В себе плоды раскаянья взрастил.
И если я вымаливаю жалость
И к тем, кто мне враждою воздаст,
Как можешь Ты не даровать хоть малость
Мне от Твоих бесчисленных щедрот?

Прости, о Боже, немощных и слабых,
 А я несилен телом, духом слаб.
 Прости меня и потому хотя бы,
 Что я – всего лишь Твой ничтожный раб.

Апостол Петр, все прошлое поправ,
 Отрекся, но избегнул наказания.
 И даже царь Давид, чей кроток нрав,
 Грех совершив, на смерть слугу послав,
 Наказан не был прочим в назиданье.

И я, о Боже, грешен и неправ,
 Но и меня прости, взамен приняв
 Раскаянье мое и покаянье.
 Не будь ко мне, о Господи, суров,
 Хоть список прегрешений мой обилен.
 Но я – последний из Твоих рабов –
 А Ты всемилосерден и всесилен.

В мой черный час, о Боже, не покинь
 Меня, спасенного Твоею кровью,
 Даруй мне милость, озари любовью
 И оттого возрадуйся.
 Аминь.

ГЛАВА LVIII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Как пресвятая Троица вовек,
 Благословен и каждый человек,
 Благословенный Божию рукою,
 Он смуты и безверия избег,

А вера — суть душевного покоя.
О Господи, мой Царь, мой Властелин,
Владычествуешь мною Ты один,
И благодатно царствие такое.

2

Будь милостив ко мне, о Всеблагой,
Продолжи добрые свои деянья,
Благослови сосуд разумный Твой,
Как глас Давида возвестил заране.
Очисти тайники моей души,
Хоть я не стою милости, презренный,
Спаси меня, о Царь благословенный,
Меня надежды светлой не лиши.
Мой глас услышь с Твоей небесной тверди,
Как некогда у Дома Милосердья,
И надо мною чудо соверши.
Болеющего тридцать восемь лет
Там исцелил лишь словом Ты однажды,
Хоть и не верил Ты в его обет
И ведал: им Ты будешь предан дважды,

И тот, кому Ты не дал умереть,
Предательством воздал Тебе за милость.
Хоть Ты предупредил его, пусть впредь
Не согрешит, чтоб хуже не случилось.
Тебя на муки первый осудил
Тот, коему Ты возвратил дыханье,
И все-таки, провидя зло заране,
Ты грешника от хвори исцелил.

Ты — угрожающее снисхождение,
Внушающее страх долготерпенье,
Найти мы не способны восхваленье
Непостижимой кротости Твоей.
Все, что в деяниях земных царей
Рождает иногда недоуменье,

То предстает иначе для людей
В Тебе – Созидателе жизни всей,
И не рождает наше осужденье.

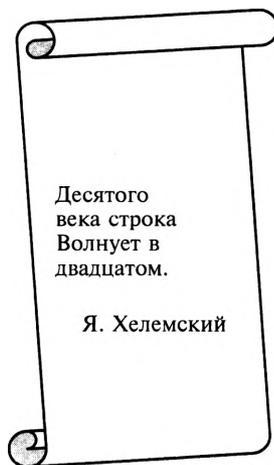
Всемилосердному к своим созданиям
И побеждаемому состраданием
Хвалою воздаем, а не хулой.
Бегу Тебя – за мной Ты поспешаешь.
Зовешь – я притворяюсь, что глухой.
Ты добр ко мне, а я порою злой;
Я нечестив – меня Ты очищаешь.
Ты свет в крошечном мраке зажигаешь.
Одним Тобою жив я, неживой.

3

Идут на благо, поучают нас
Все Боговдохновенные Писанья,
Они даруют нам в счастливый час
Потребность добрых дел и покаянья.

Скажи мне, как недвижимому калекке:
«Восстань, возьми постель свою, иди!»
Так был спасен Тобой безбожник некий.
На скорбь в Боголюбивом человеке
Откликнись и надеждой награди!
Мечом повелевающего слова
Ты защити меня, еще живого,
От тени савана освободи!

Промолви слово, чтоб свершилось чудо,
Избавь меня от тягостных оков,
Спаси меня, о Господи, покуда
Я не раздавлен тяжестью грехов.
Покуда злом неверия и блуда
Из удушающих моих пелен
Еще я в ад глядеть не понужден,
Хоть на меня уже глядят оттуда.

Меня, беспомощного, пожалей,
Я согнут древом гибели моей.
Сними его с меня, как снял распятыя
С плеч стражника, чтоб срок дороги всей
Нести свой крест и слышать лишь проклятыя.

Да будут мукой мне Христовы страсти,
Да буду пригвожден когда-нибудь
К Тебе, я, Боже, верой и причастьем.
В превечной славе и превечной власти
Твоя, Спаситель, Божеская суть!
Аминь.

ГЛАВА LX

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Могу ли я, рыдая безутешно,
Читать псалмы, где правда столь светла,
Я, знающий: противна похвала,
Которая из уст исходит грешных.
Могу ль псалмы святые повторять я,
Несущие мне, грешнику, проклятыя?
Могу ли я угрозу воспевать
И сам к себе укоры обращать,
И не лилеи, что мечтал срывать я,
А тернии с груди моей срывать?

Я не осмелюсь повторить гневливых
Слов Псалтыря, страшась их правоты:
«Ты сокрушаешь зубы нечестивых!»
«Врагов закона ненавидишь Ты!»
Могу ли я, порочный и беспечный,
Грешней любого грешника вдвойне,
Сказать: «Суди меня по правде вечной,
По непорочности моей во мне!»

Могу ль, сказавший столько слов прелживых,
Слова псалма прочесть от всей души:
«Да прекратится злоба нечестивых».
Иль: «Мышцу нечестивца сокруши!»

Скажу ли: «Вырвет Бог, не пощадив,
Язык, что лжив или велеречив»,
Когда я сам в словах не знаю меру,
Скажу ли: «Бог прольет огонь и серу
На нечестивцев, что порочат веру»,
Когда я грешен сам и нечестив.

Скажу ль: «От помыслов моих — Ты видел —
Ни словом отступить я не посмел,
От тех, кто гнал меня, кто ненавидел,
Хранил себя, как Ты мне повелел!»
Сколь буду я в словах своих неточен,
Сказав: «Я был пред Богом непорочен,
И за безгрешность мне Господь воздал!»
Я сам себя за ложь бы осмеял,
Сказав: «Безвинный, руки я омою»,
Как я свою вину и грех свой скрою?
Каким бы жалким Богу я предстал,
Когда б считал, что был для всех примером,
Что не служил вовек я маловерам
И что престолы грешных обличал?

Как это я, который проклят сам,
Могу к кому-то обратиться проклятья,
Как, указав перстом, могу сказать я:
«Им, Господи, воздай по их делам!»

2

Все то, что перечислил я сейчас, —
Моих грехов лишь небольшая доля,
И гнева божеского грозный Глас
В строках псалмов звучит который раз.
Когда своим слезам я дал бы волю,
То их потоки хлынули б из глаз.

Псалом сорок девятый Псалтыря
Ко мне свой обращает голос грозный,
Как будто со стены монастыря
В меня бросает камень смертоносный.

Он, о моих злокознях говоря,
Последнюю надежду отнимает
И жалкие уста мне замыкает,
Чтоб, грешный, я не славословил зря.

Для нас беда – проклятие чужое,
Но клясть себя самих страшнее вдвое.
Скорбим, когда хулит нас враг иль друг,
Но ожидание от Всеблагого
Хулы и осуждающего слова –
Претерпевание кровавых мук.

Но если ты, терзаемый страстями,
Осудишь сам себя и укоришь,
Ты со своими прошлыми грехами,
Благословенный Божьими устами,
К Нему при жизни путь свой обратишь,
И горькопокаянными словами
Свое ты обращенье озаришь.

Уместно вспомнить, как давным-давно
Недужная овца на Божьем поле,
Чтоб исцелиться, обращалась к соли.
Сим тварям большего и не дано.
Людей же, ум и речь нам даровав,
Бог отличил: так что ж в грехе упорном
Находим мы на поле животворном
Лишь смертоносную из многих трав?

3

Я придаю значение словам,
Я вижу в них пример, меня корящий,
Зло умышляющий, порой я сам

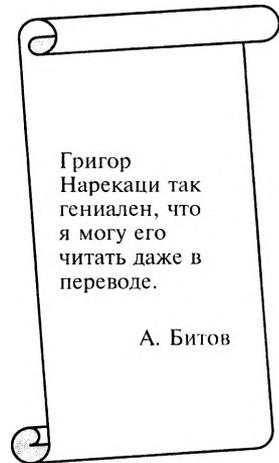
Ищу огонь, меня испепеляющий.
Как ни молился б я, как бы ни славил
Слова святыя, прок не столь велик.
Пока я в них душою не проник,
Как говорил о том апостол Павел.

Вслед за псалмом мне речь не подобает:
«Изыдите все те, кто осквернен,
Все те, кто беззаконье совершает!»
Ведь я и сам из тех, кто нарушает
И заповеди, и святой закон!
Могу ль сказать я вместе со святыми:
«И раб храним законами Твоими?»
Нет, вместе с праведными повторять
Мне пастырское слово не годится,
Негоже Господа благословлять
Мне вместе с теми, кто Его боится.

Я, многогрешный, тяжко согрешу,
Мольбу Давида повторив сегодня:
«Лишь одного у Господа прошу,
Чтобы и мне быть в скинии Господней!»

Я — грешник, и такое тяжело
Произнести устами святотатца:
«Создатель против делающих зло!»
«Свершающие зло, да истребятся!»
Но, нечестивец, я свершаю зло,
И на меня проклятья обратятся.

Я гибели своей могу ль желать,
Твердя: «Пусть гибнут те, что нечестивы!»
Язык мой недостойн злоречивый
Псалом благословенный повторять
И речь: «Я путь свой буду наблюдать,
Чтоб языком моим не согрешать!»
Могу ли похвалиться я, хвастливый:
«Меня, о Господи чадолюбивый,
Ты должен в непорочности приять?»

Как я скажу, неправедный и лживый:
«Неправедных и лживых осуди!»
Как я скажу: «Избавь и огради
От всех лукавых и несправедливых?»

4

В своем тщеславье, в суетном бессилье,
Как за Давидом повторю я вдруг:
«Мы Бога своего не позабыли,
К чужому богу не простерли рук?»

Я понимаю: тьмой и тьмой грехов,
Что я творю или творил когда-то,
Я рукотворных создавал богов –
Астарту ли, Милхома, Тарахата –
В обличье богомерзком – то ослов,
То женщин, коим ничего не свято.

Как может повторить мой грешный глас
С безгрешными, что стоны исторгают:
«Мы за Тебя страдаем каждый час!»
«Нас, что ни день, за веру умерщвляют!»

Могу ли я, забыв и грех, и блуд,
Сказать псалом себе же в назиданье:
«Уста мои премудрость изрекут,
Я, размышляя, обрету познания!»

Как мне постичь, опутанному ложью,
Суть повторенных дважды слов святых:
«Я, праведник, ходил пред ликом Божиим,
Я жил безгрешно на земле живых!»
Нет, грешный мой язык сказать не может
Тех строк священных, что страшат меня:
«Как тает воск от яркого огня,
Пусть грешники от рук погибнут Божьих!»

Как я скажу, грешивший в жизни этой:
«Я душу изнурил свою постом!»
«Ходил и я, во вретнще одетый,
С главой поникшей, сумрачный челом!»

И будь безгрешен, я бы укоренье
Иакову, быть может, обратил,
Но истину я принял вместо тени
И все его ошибки повторил.

Забыл я, что Христос рукой своей
Благих чудес нам, грешным, во спасенье
Свершил не менее, чем Моисей —
Он был предвестьем Божья воплощенья.

Тьма черных бесов не дает мне жить,
Как варварское племя, копошится.
Теперь я знаю, если говорится,
Что трупы отдаются хищным птицам,
Не птицам — бесам надо б говорить.

Я волю слил со злом, по воле злой
Смогу ль я речь свою назвать святой,
Как семя, что упало при дороге?

Могу ли я роптать на бесов злых,
Замысливших против Твоих святых,
Коль сам тех бесов лучше я немногим?

5

О Боже, чтоб противились мы им,
Дай силы нам, даруй нам озаренье
И окружи нас воинством своим,
И нас оборони Крестом Святым
От сатанинских ветров искушенья.

Пусть глубоко мое грехопаденье
И все же я ни въяве, ни во сне
Не богохульствовал в своих реченьях,

И в гибели людей, подобных мне,
Ты вряд ли обретишь успокоенье.

Ты, Боже, от того ли не страдал,
Что умерщвил неверных столь жестоко,
И что потоп на землю насылал,
Хоть и в искоренение порока?

Ты все же даровал нам благодать,
Сказав, чтоб мы запомнили вовеки:
«Я более не стану проклинать
Всю землю за изъяны в человеке!»
Ты, Господи, прощаешь даже тех,
Кто за свои преступные деянья,
За совершенный самый тяжкий грех
Тягчайшего достоин наказанья.

И льется дождь, Твоей послушен длани,
Ты исцеляешь тем дождем Своим
Отступника, хоть он неисцелим,
Его спасенью радуясь заране.

Ты и меня, о Господи, любя,
Вспой живой росой милосердно,
Чтоб, от грехов очистясь, я усердно
Мог славить триединого Тебя!
Аминь.

ГЛАВА LXIX

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

I

О Господи, Создатель жизни всей,
Напрасно я очиститься пытаюсь.
В плавильне праведной любви Твоей
Горю я, плавлюсь, да не очищаюсь.

С Тобою слиться тшусь, но не сливаюсь.
К Тебе тянусь, но не соединяюсь
Я – самый худший из Твоих детей.

О Господи, плавильщик серебра,
Увы, напрасны помыслы благие:
В Твоей плавильне ныне и вчера
Не отделились добрые и злые,
И зло не отделилось от добра,
Как сказано в строках Иеремии.

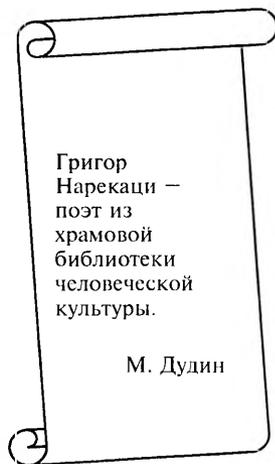
Я знаю, Господи, что заблуждаюсь,
Как те, в которых дух вселился злой.
Ропщу я, я смиренным притворяюсь,
Но если все ж на слове и смиряюсь,
На деле грех усугубляю свой.

Земною мукой, малым испытаньем
Я приобщаюсь к будущим страданиям,
К тому, что я предуготовил сам,
К тому, чем преисподняя заплатит
За тьму летящих мне вослед проклятий,
Что соразмерны всем моим грехам.

2

Кишит во чреве у меня довольно
Червей, возникших самопроизвольно.
Их я уже не в силах побороть.
Мне грудь и спину изъязвляет что-то
И сонмы вшей, рожденные от пота,
Нечистую мою терзают плоть.

Я стражду и от женья, и от зуда,
От гноищ, от кровавых ран моих,
От происков бессчетных духов злых,
От блох, возникших как бы ниоткуда.

По мне ползут несметные полки
И твари, коим ни конца, ни края,
Кишат, изогнутые хоботки,
Как тернии, во плоть мою вонзая.

Прочь убежать я тшусь – не убегу.
Я спать ложусь – уснуть я не могу.
На них я руку подниму в бессилье –
Они как будто обретают крылья,
Летят и не даются мне, врагу.

И хоть ничтожен этот сонм ползущий.
Но он гнетет не только низкий сброд,
Он и царям, и людям, власть имущим,
Приносит зло и жизни не дает.
И те герои, что на поле брани
Внушали ужас множеству людей,
Пред жалкой тварью опускают длани,
В бессилии на милость сдавшись ей.

3

О тварях сих ничтожных я, быть может,
Не вспоминал бы и не говорил,
Но каждая из них – глашатай Божий:
Они меня уже сейчас тревожат,
Чтоб я, покуда век земной не прожит,
О муке предстоящей не забыл.
Те твари, коих не могу прогнать я,
Пьют кровь из жил моих не в первый раз,
Уже сейчас давая мне понятие
О вечных муках, муках, ждущих нас.
И подтверждают сонмы тварей сих,
Которых плоть моя же породила,
Что эта плоть грешна и заслужила
Несметных пожирателей своих.

Ни днем, ни ночью на убогом ложе
Не облегчает муку ничего,

Поскольку ведомо и мне, о Боже:
Без промысла святого Твоего
Ни моего мученья быть не может,
Ни чудного спасенья от него.

Все, Господи, в Твоей святой деснице.
Велишь — и мука наша прекратится,
Восстанет мертвый, хворый исцелится,
Смерть и спасенье — все в Твоих руках.
Так пусть Господня слава укрепится
И ныне, и в веках.
Аминь.

ГЛАВА LXXI

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

I

Пребудь счастлив и славен, сонм святых.
Хотя порой иные отступались,
Хотя порой иные колебались,
Но вновь гореньем чистым озарялись,
И находили путь, и утверждались
В неложности молитв и дел своих.
Они являли слабости подчас,
Но отрекались от сует мгновенных
И возвышались в помыслах священных
Над брэнной сущью каждого из нас.

Была всегда их чтима чистота,
И не было к мольбе их небо глухо.
Их чтят, как тело Господа Христа,
В них — обиталище Святого Духа.
В них нету ни следа, ни тени тьмы.
Их праведность светла в сиянье Божьем.
Они Богоподобны, если мы
Кого-то Богу уподобить можем.

Была их жизнь чиста и безупречна,
Неколебима воля, вера вечна.
Их истина едина и одна.
Всему, что в мире тленно или мнимо,
Противоборство их необоримо.
Их благочестие несокрушимо,
И мудрость их для нас непостижима,
Сияньем Божиим озарена.
Молить их, как Создателя молю я,
Деяния их чтить по мере сил
И уповать на помощь их святую —
На это нас Всевышний вразумил.

2

И я, ничтожный в мыслях и делах,
Хулы достоин, грешник безнадежный,
Я бодрствую, но сон в моих глазах.
Дремлю, хотя мои открыты вежды.
Молясь, я в мыслях осуждаю близких.
Молясь, я мыслю о деяньях низких.
Иду вперед — и вдруг подамся вспять.
Едва очистившись, грешу опять.
Страстей своих греховных и гордыни
И умиротворясь, я не уйму.
Я мед мешаю с горечью полыни,
В сиянье дня предвосхищаю тьму.
Я прячу тернии среди цветов.
Едва покаюсь, снова согрешаю.
Мое цветенье не дает плодов.
Я не творю того, что возглашаю.
Даю зарок и тут же попираю,
Я простираю длань и опускаю,
Ни с кем своим достатком не делюсь.
Что посулил, того не дать стараюсь.

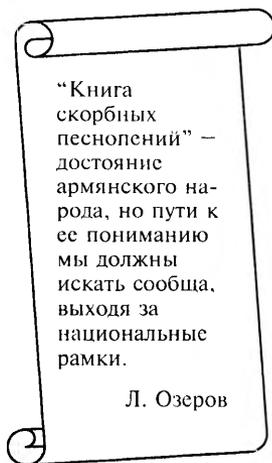
Едва от прежней язвы исцелюсь —
И снова гнойниками покрываюсь,
Веду корабль я, но с пути сбиваюсь,

Я отправляюсь в путь и возвращаюсь,
Едва наполнившись, опустошаюсь,
То распадаюсь, то воссоздаюсь,
То сею смуту я, то примиряю,
Виновный сам, другого обвиняю,
И повинюсь, и тут же отрекусь.

Того, что начал, я не завершаю,
Растрачиваю все, что обретаю,
Что накопил, немедля промотаю,
Немудрый сам, я мудрых поучаю,
Вражды погасшей пламень раздуваю
И никогда того не постигаю,
Чему учусь и что постигнуть тшусь.

Что сам я разорву – потом латаю,
Я злаки мну, крапиву насаждаю,
Я белым голубем в гнездо влетаю
И вороном оттуда вылетаю.
Едва поднявшись, вновь к земле стремлюсь.
Я, белый, обернусь мгновенно черным.
Строптивый, притворяюсь я покорным,
От истины в гордыне отвернусь.
Что правою рукой оберегаю,
То левою беспечно разоряю.
Себя считаю правым, хоть неправ.
Я истину устами утверждаю,
А сердцем лгу, все истины поправ.
Сауловы деянья совершаю,
Давидово обличие приняв.

Сначала я заблудшим притворяюсь,
А после откровенно заблуждаюсь.
То я смиренно не подъямлю глаз,
То вместе с бесами пускаюсь в пляс,
Хвалим я грешниками и утешен,
А кто безгрешен, те меня хулят.
«Блажен ты», – говорят мне те, кто грешен.
«Ты грешен», – праведники говорят.

“Книга
скорбных
песнопений” –
достояние
армянского на-
рода, но пути к
ее пониманию
мы должны
искать сообща,
выходя за
национальные
рамки.

Л. Озеров

Но мнится мне суд праведных пристрастным,
И я не к ним, а к нищим духом льну.
Порою перед грешником несчастным,
Пред самым недостойным спину гну.
Не различив, что бренно, что нетленно,
Хожу я в облачении чужом,
Но люди узнают меня мгновенно,
Как чайку в оперенье не своем.

Порой многоречив я неуместно,
Когда ж ответить надобно — я нем.
Куда богатство трачу — неизвестно,
Но в день расплаты остаюсь ни с чем.
Бывает, в час восхода я богат,
Но нищим застаёт меня закат.
Пашу я нерадиво пашню воли.
Боюсь чего-то, что-то сделать тшусь...
Я вечером с тревогой спать ложусь
И просыпаюсь от душевной боли.

И все-таки, беспутный, безрассудный,
Я, Господи, Твой сын, я сын Твой блудный.
Я — пленник, что собою сам пленен,
Прислужник смерти, сам я обречен.
Я — ветвь, что только для огня годится,
Я — огонь погасший, что не возгорится.
Я погибаю, сам себя кляня.
Мне ведомо: моя плачевна участь.
Чем сам я, кто гневней казнит меня?
Я сам уже теперь сухие сучья
Готовлю впрок для адского огня.
И пред Тобой я, грешный и упрямый,
Стою сейчас с повинной головой,
Как Каин — порождение Адама,
О Господи, я — сын преступный Твой.

О Господи, Твой грешный сын, я стражду.
Давно себе я вынес приговор.
Давно мой каждый шаг и вздох мой каждый
Мне самому — проклятье и укор.

3

Как мне спастись в греховной жизни сей,
Когда и Авраам мне в осужденье
Мои припоминает прегрешенья,
Когда в меня бросает Моисей
Слова, что тяжелее, чем каменья,
И праведный Навин во гневе мстит,
Весь род карает заодно с Аханом,
И выдает на гибель царь Давид
Людей безвинных гаваонитянам?
Когда он — царь великий, зло тая,
С Навалом сводит счеты, с сумасшедшим,
Когда ревнитель божий Илия
Людей палит огнем, из туч сошедшим.

И тот, кто, может, праведнее всех —
Апостол Петр людей карает сирых,
Ниспосылая смерть за малый грех
Анании с женой его Сапфирой.
Когда ведун великий душ людских,
Апостол Павел, столп вероученья,
К благим словам в посланиях своих
Примешивает смрадный запах тленья.
Моей вине нет края, нет конца.
Сонм воинов, отважных и суровых,
Блаженных сонм и сонм святых, готовых
Исполнить волю нашего Творца;
Земля и твердь, и огонь, и все стихии,
Живая тварь и камни неживые —
Все карою грядущей мне грозят,
Напоминают мне грехи земные
И предрекают мне кромешный ад.

Грешащий, я под стать морской стихии:
Кто в душу мне пытливый бросит взгляд,
Увидит: маленькие и большие
Внутри меня чудовища кишат.
Увидит, как чудовищ этих сонмы
Меня терзают в жизни сей земной,
И подтвердит свидетель потрясенный
Правдивость слов, произнесенных мной.
О Господи, моих грехов премного,
Но Ты даришь спасенье нам, живым,
Единородный Сын живого Бога,
Ты и всемогущ, и непостижим.

4

Господь неизреченный и нетленный,
Понеже все мы под Твоей рукой,
Прости, и дух мой, бурю смятенный,
Скорее укрепи и успокой.
Своим мечом карающим и правым,
Чтоб не осталось бы от них следа,
Ты отсеки бесчисленные главы
Чудовищ тайных моего стыда.

И этих скорбных песнопений слово
Услышь, не усомнись в моей мольбе,
И не отвергни, Господи, сурово
Молитву, обращенную к Тебе.

Мои слова, как ладан благовонный,
Прими, Господь, и мир мне принеси,
И как пророка своего Иону,
От чудищ и от бурь меня спаси!

Услышь, о Господи, мои стенанья,
Прими мою молитву покаянья,
Умерь мои бессчетные страданья,

Меня в мой час последний не покинь.
Мое единственное упование —
Отец и Сын и Дух Святой.
Аминь.

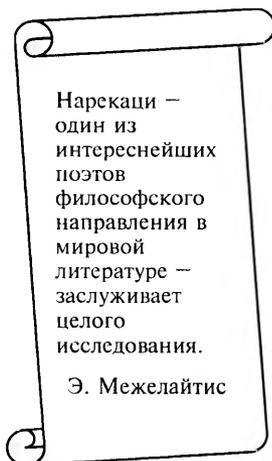
ГЛАВА LXXX

СЛОВО К БОГОМАТЕРИ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

В молитвах многие проведший дни,
О Матерь Божья, Пресвятая Дева,
Я днесь Тебя молю: оборони
От Божьего карающего гнева!
Пречистая, Ты — ясный свет дневной,
Сияющая в небесах денница,
Ты, что святей обители святой,
Меня услышь, Небесная Царица!
Ты, укрепленная Творцом земли,
Прикосновением Святого Духа
И Сыном осененная, внемли,
Мой стон пусть Твоего достигнет слуха.
Родившая Того, Кто триедин,
Вскормившая Его, Кто по рождению
Любимый и единственный Твой Сын
И Господин Твой, Царь по сотворенью.

Я, с праведного сбившийся пути,
Днесь преклонился пред Тобой в смиренье.
Услышь мои мольбы и обрати
Ко Всеблагому, как Свои моления.
Ты вознеси мольбу мою и с ней
Соедини Свое святое слово,
И пусть оно дойдет до Всеблагого,

Нарекаци —
один из
интереснейших
поэтов
философского
направления в
мировой
литературе —
заслуживает
целого
исследования.

Э. Межелайтис

Любовью озаренного Твоей.
Пусть не карает Он меня сурово,
Хоть я, быть может, худший из людей.
Пусть не казнит, а даст мне силу снова
Ему молиться до скончанья дней.

2

К Твоим стопам приникнуть мне дозволю,
Ты, признанная матерью живущих,
Чтоб я без мук покинуть мог юдоль
Пороков и страстей, меня гнетущих,
Пошли спасенье, свет зажги вдали,
Чтоб путь к спасенью стал бы мне приметней,
И Всеблагото Сына умоли,
Чтоб стал мне торжеством мой день последний.

Меня в молитве слезной помяни,
Открой мне путь, доселе неизвестный.
Пред Господом колена преклони,
Дай руку падшему, о Храм Небесный!
Снимавшая Спасителя с креста,
Мне вымоли, Владычица, спасенье,
Ты, Матерь Иисуса, так чиста,
Что будут приняты Твои моления.
Стань для меня защитною стеной,
В мою защиту обрати моления,
Чтоб ныне совершилось надо мной
Таинственное чудо очищенья!

3

Я, грешный раб, до рокового дня
Тебе молиться буду, восславляя,
Когда спасешь, Владычица, меня,
Когда Ты смилуешься, Пресвятая.

Когда ко мне Ты снидешь, уstraшенному,
И облегчишь мне муку, устыженному,
Когда мои рыдания прервешь
Ты, все неистинное попирающая,
Когда простишь мою тщету и ложь,
Ты, неproшенных грешников прощающая!
Когда меня от зла Ты оградишь,
Спасающая нас и ограждающая,
Когда, людские беды отвращающая,
Ты дух мой слабый в вере укрепишь!
О, если Ты, заклЯтия снимающая,
В груди моей волненье укротишь
И если, благодать всепримирающая,
Меня, Владычица, благословишь;

И если Ты, смятенного меня
К себе приблизишь, о, Присноблаженная,
И если сокрушенного меня
На верный путь наставишь, Совершенная,
И если ныне успокоишь Ты
В моей душе мятежное волнение,
И если недостойного прощения
Своим прощением удостоишь Ты,—
Услышь меня, скорбями удрученного,
Спаси меня, на гибель обреченного!

Быть может, в вышине Твоя рука
Благословит стезю мою тернистую,
И капля девственного молока
Падет мне в душу с губ Твоих, Пречистая!

Творца всего, что суще в мире сем,
Ты, Матерь, беспорочно породила,
Неизреченно в нем соединила
Суть Бога с человеческим естеством.

Он, судия и наставитель мой,
Создатель зрит души моей поруху.
Хвала единству Троицы Святой —
Отцу и Сыну и Святому Духу.
Аминь.

ГЛАВА LXXXII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

О Господи, щедры Твои даренья.
Ты — жизни свет, души успокоенье.
Во имя нас страдал Ты и скорбел,
Идя путем своим неизреченным,
Спасая нас, Ты муки претерпел,
Пред тем как вознестись в иной предел
И слиться с Духом наисовершенным.

2

Во имя всех апостолов святых,
Во имя благоизбранных Твоих,
Благословляемых Твоею дланью,
Создавший твердь и все, что в мире есть,
Которым я в другом своем писанье
По мере сил воздал хвалу и честь;
Во имя их любви и совершенства
Без милости меня Ты не оставь
И на стезю желанного блаженства
Их указаньем пастырским направь.

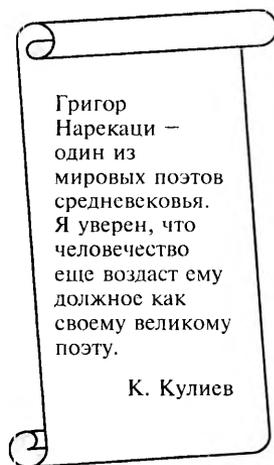
О Господи, надеждой на спасенье
Отметь меня, как тех отцов святых,
Прославленных чредою поколений

И языками всех краев земных.
Наставь меня, как тех святых людей,
Увенчанных венцами светозарными
И песнопениями благодарными
И озаренных милостью Твоей.

3

Всегда Ты, Господи, тех отличал,
Кто проповедовал Твое ученье,
Их чистые молитвы принимал,
И фимиам, и жертвоприношенья.
И хоть их кровь обильная текла,
Они при жизни были непреклонны.
Неверие в Господние законы
Вовек не омрачало их чела.
Пусть им порою не хватало сил,
Они Твое несли повсюду слово,
И Ты их, милосердный, возродил
Из праха, из ничтожества земного.

Ученики апостолов святых,
Они сумели, претерпев страданья,
Увидеть в слепоте сует земных
Заметное не всем Твое сиянье.
И к пиршествам причастны неземным,
Теперь они блаженствуют, провидцы.
Наставь меня, чтоб я, подобно им,
Спасенье принял из Твоей десницы.

Григор
Нарекаци —
один из
мировых поэтов
средневековья.
Я уверен, что
человечество
еще воздаст ему
должное как
своему великому
поэту.

К. Кулиев

4

Блажен, кто в пламени горел, кто пролил
И кровь, и слезы, избранный Тобой,
И те блаженны, что по доброй воле
Ушли навек от суеты мирской.
Они попрали все свои сомненья,
И Велиар не смог их побороть

На бранном поле жизни, где в боренье
Извечно пребывают дух и плоть.
Плывя в грозу, они достигли суши,
Обетованный отыскав предел,
И возродились легкие их души
Со скиниями их тяжелых тел.

И заблестели неземной красою
На их главах венцы в сиянье дня...
Поддержанного их мольбой святою,
Причисли к ним и грешного меня.

5

С молитвой старцев, славящих Тебя,
С молитвой, что достигнет небосвода,
Свою мольбу соединил, скорбя
И я, как каплю дегтя с бочкой меда.

Пусть их моления с моей мольбой
Предстанут, как уродство с красотой,
Хоть на мгновенье слившись воедино,
Как с грязью изумруд, со золотом глина
Или с никчемным камнем серебро,
С неправдой правда и со злом добро.
О Боже, выслушай, не отстраня
Молитву нашу! Не суди сурово
Их слово ради грешного меня
И ради них мое приемли слово.
О Совершенный, о Благословенный,
Несотворенный, Всеблагий, Нетленный,
Ты, Господи, источник всех даров,
Всех добрых дел начало и причина,
Не осуждаешь Ты своих рабов,
В отличие от людей, не мстишь безвинно.
Не умерщвляешь их, но оживляешь,
И обретаешь их, а не теряешь,

Не изгоняешь Ты, а собираешь,
Не предаешь, не губишь, а спасаешь,
Ты оступающихся не толкаешь,
Погрязнувших в грязи Ты поднимаешь,
Не проклинаешь, а благословляешь,
В грех не ввергаешь – веру возвращаешь,
Ты грешных не казнишь, Ты их прощаешь,
Ты не колеблешь нас, а утверждаешь,
Не попираешь Ты, а возрождаешь,
Спасаешь грешных Ты, а не караешь,
Ты безутешных в горе утешаешь,
Жизнь сохраняешь, а не убиваешь,
Не укоряешь Ты, а наставляешь.
Мы забываем – Ты не забываешь,
Мы отступаем – Ты не отступаешь.
В отличие от сущих на земле
Ты милостью вражды не вызываешь,
Презренному злословью и хуле
За доброту Себя не обрекаешь,
Тебя не осуждают за терпенье,
Лишь Ты не заклеимен за всепрощенье,
Не обречен за кротость на гоненья,
Едиственный, Кому на все даренья
Ответствует не брань и не хула,
Не слово осужденья и презренья,
А истая молитва и хвала.
Так отпусти, о Господи, мой грех,
Спаси, о Милосердный, от проклятья!
Прости меня, хоть я грешнее всех,
И долг прости, что не сумел отдать я!
Лишь длань поднимешь Ты, и сгинет зло,
Наш к совершенству путь в Твоей лишь воле,
Тебе меня спасти не тяжело,
А для меня что можно сделать боле?
Вдохни в меня, о Боже, образ Твой,
Навстречу протяни свою десницу,
И дух мой грешный обретет покой,
Спасенье обретет и возродится.

6

Не приближай, Господь, мой смертный час,
 И мой последний вздох не торопи Ты,
 Чтоб я без очищенья и защиты
 Не вышел в путь далекий, ждущий нас.
 Я жив надеждою, как смертный каждый,—
 Не дай испить мне желчь, когда возжажду.
 Пусть не нагрянет смертный час во сне,
 Как вражее нашествие ко мне.

Пусть лихорадка не охватит вдруг
 Моих корней, не пережжет случайно,
 И пусть безумье иль другой недуг
 Моей душой не овладеет тайно.
 Дай искупить при жизни грех мирской,
 Да не умру я, задремав средь ночи,
 Пусть не сулит мне гибели покой,
 Пусть забытьё мне смерти не пророчит.
 И пусть во время сна последний вздох
 Навеки не прервет мое дыханье,
 Пусть не застанет смерть меня врасплох
 Без памяти и слова покаянья!

7

О Господи, Твое долготерпенье
 Спасает от отчаяния нас,
 Твое всесилье — наше озаренье,
 Спасенье от безумья в черный час.

Ты — от недугов наших исцеленье,
 И воскрешенье, и животворенье,
 Ты — наша вера, наше искупленье,
 Сколь многих Ты из темной бездны спас!
 Ты слабых духом к жизни возвращаешь,
 Нас из драконьей пасти вырываешь,
 От губительных страстей освобождаешь,
 Чтоб видеть рядом с праведными нас!

Все в мире, павшие и вознесенные,
В грехах погрязшие и возрожденные,
Тобой спасутся, ибо Ты — родник
Надежды и раба, и властелина.
Сознанием не постичь, сколь Ты велик,
Единственный для всех нас и единый.

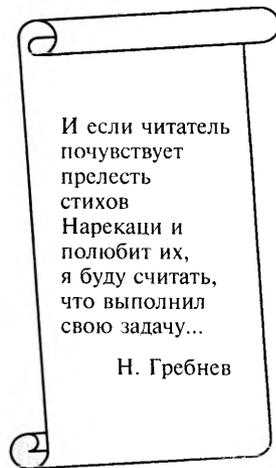
Все под Тобою: и моря, и реки,
И прах пустынь, и камень всех твердынь.
Да будут прославляемы вовеки
Отец и Сын и Дух Святой.
Аминь.

ГЛАВА ХСV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Свет истины, Пречистый Иисус,
В величии своем неизреченный,
К Тебе взываю и Тебе молюсь,
Царь бытия, мой свет благословенный.
Мой стон невнятный, вопль истошный мой
Преобрази в свое святое слово
И с этой нашей общею мольбой
Предстань перед Творцом всего живого!
Приял Ты облик наш, чтоб нас спасти,
Приял за нас проклятье и распятые,
Прости ж мой грех и на моем пути
Не обдели своею благодатью.
Ты грех наш искупил, преобразясь
По нашему подобию, достославный,
Днесь укрепи меня, со мной склонясь
Пред тем, Кому один лишь Ты всеравный!

И если читатель
почувствует
прелесть
стихов
Нарекаци и
полюбит их,
я буду считать,
что выполнил
свою задачу...

Н. Гребнев

2

Христос, во имя ран Твоих святых,
Умилостивь Отца всея вселенной,
Да распадется мрак скорбей моих,
Забудется мой долг, мой грех презренный!
Пусть за мои деянья приговор
По воле Вседержителя смягчится,
Пусть червь меня не точит с этих пор,
Пусть наш зубовный скрежет прекратится.
И да иссякнут слезы наших глаз,
Исчезнет тьма, и ужас отдалится,
И сгинет все, пытающее нас,
Огонь карающий да истощится!

3

Твое сиянье пусть наш мрак рассеет,
И пусть в сердцах людских растает лед,
Пусть помощь и спасенье подоспеют,
День Твоего Пришествия придет.
Да снизойдет Твоя святая воля
На нас, и реки милости Твоей
Да напоят иссохнувшее поле
Моих в страданье ввергнутых костей!
Пусть кровь из ран Твоих кровоточащих
Во имя всех Тобой спасенных душ
И сад моей души, где тлен и сушь,
Преобразует в сад плодоносящий.
В последний день земного бытия
И в первый день Святого Воскресенья
Пусть возродится вновь душа моя,
Которую убили прегрешенья.
Пусть станет дух мой тверже всех твердынь,
Преображенный силою пречистой...
Господь благословенный, днесь и присно
Всем сущим в мире славимый.
Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

Отрывки из «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци пробовали перевести Вера Звягинцева, Владимир Державин и Владимир Рогов. Целиком всю книгу Григора Нарекаци перевели Леонид Миль (Ереван, 1984) и Владимир Микушевич (Москва, 1985). Переводы Гребнева, Миля и Микушевича имеют своих приверженцев и критиков. Публикуя перевод Гребнева, на наш взгляд, наиболее удачный, мы решили привести в приложении некоторые образцы других переводов. Переводы Миля и Микушевича доступны читателю. Отсылаем интересующихся к названным выше книгам.

Вера Звягинцева

Из «Книги скорби»

Ступив на путь, ведущий в ту обитель,
Что уготована Тобой для нас,
Я, плача, сею скорбные слова.
Но пусть, когда придет день урожая,
И радостен, и светел будет он.
Обилье щедрое прекрасных всходов
Искупит полностью мои грехи.
Да будет сердце не бесплодным чревом,
Да не узрю сосцов иссохших я!
Как ни малы труды мои – не дай
Им сгинуть на сухой негодной почве,
Не дай же испытать мне муки родов
И не родить, скорбеть и слез не лить,
Терзаться мыслями и не стенать,
Быть тучею и ливнем не пролиться,
Идти и не дойти...

Владимир Державин

СЛОВО, ОБРАЩЕННОЕ К ВЕЧНОМУ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

Ныне, вступив на стезю к непостижным обителям,
что Ты уготовил для нас,
сею слова, обливаясь влагою глаз.
Но когда долгожданная жатва настанет,
пусть я радостным буду, счастливым,
тяжелыми золотыми снопами
мною собранного урожая,
чистым потом труда искупивши грехи.

Отвори мое сердце, как вечно родящее чрево,
и пускай не иссякнет исток моих слез,
подобно иссохшим сосцам, о Милосердный!—
да не буду бесплоден я в малых трудах,
Словно пахарь на пашне сухой и негодной!
Ты не дай мне страдой родовой истомиться и не родить,
скорбеть — и не плакать,
мыслить и мысль не облечь
в речь, во взывающий вечно глагол,
в тучу стуститься, дождем не пролиться,
к цели идти и не дойти!..

И теперь в эту книгу заветов и скорбных молитв
какие впишу я слова осужденья
себе самому, моему забвенному я?

— Кто ты?— я сам себе говорю.—
Дерзкий в деяньях, ты бессловесен и нем,
когда надо ответить за свои злодеянья.
Ты не смеешь, презренный,
обращаться за помощью к Богу
и к избранникам Божьим святым!—
Ибо, если б моря обернулись в чернила,
А земные долины — в необъятные свитки пергамента,
если б заросли тростника в перья писчие превратились,
не хватило б ни перьев, ни кож, ни чернил,
чтобы малую часть описать беззаконий твоих!
И когда бы из кедров Ливана
сколотить коромысло весов,
и поставить на чашу одну Арарат,
и на чашу другую взвалить
все грехи и пороки твои,
вверх взлетела бы чаша
с необъятно огромной горой!

Я могуче-ветвистое тысячелистое древо,
но бесплодное, словно смоковница,
пораженная гневом небес.

Я подобен тебе, прекрасное дерево!—
твои листья нарядны,
твои ветви, как кудри волос,
диадемой венчают тебя,
манят издали тенью отрадной.
Но садовник, который тебя посадил,
собирать урожай однажды придет
и бесплодным увидит тебя,
безобразным в твоей красоте,
обреченным на стыд,
обреченным на смерть
поруганьем надежд...

Жизнь моя стала похожа
на разъяренное море.
Подымаются волны, как горы,
и бросают в пучину
морехода — душу мою,
вмещенную в тело мое,
словно в утлую лодку.

В тихое море
Уплыл я по звездам,
уверенный и беспечный,
лишь иногда, меж работой и отдыхом кратким,
сердцем мрачась от ничтожных помех,
знал я, что близок берег желанный.
Но в середине мирного лета
вдруг налетели метели и бури,
вьюга снесла паруса...
Со свирепым безумьем,
мир и покой нарушая, вихри обрушились,

мачты ломая,
тонущую лодку мою
сделав игралищем волн.

К этой книге скорбей
приписал я еще одну часть.
Благодетелю, милость дарящему,
я плоды моих слез посвятил.
Постигая глубины падений моих и утрат,
бездны предела я не достиг.
Скудным словом хотел я поведать о том,
что не мог я творения сути постигнуть,
хоть в полете всю силу напряг
крыльев мысли моей.
И упав, испытал
все отчаяние поражения разума.
Чашу гнева я поднял
и терзающие меня
сомнения принял, как смерть...

Уничтожь, сотри с лица земли
сонмы многоликих, тайных и постыдных
призраков насилья, подлости и зла!
Эти строки горящие,
строки стенающие,
что тебе я теперь посвятил
и вписал их в «Книгу скорбей»,
ты прими вседневной молитвой моей,
молением о милостыне!
Подыми меня из глубин
бездны вечного униженья,
чтобы я, как спасенный Тобою пророк,
жизнью новою жил!
Милосердно вонми этой исповеди самобичующей!
Дай утешенье слезам,
утоление вздохам моим!
Дай надежду отчаявшемуся
от безмерного горя!

Владимир Микушевич

ГЛАВА XL

СЛОВО ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ КО ВСЕВЫШНЕМУ

Бог всемогущий, всеблагой, всетворец,
Мой вопль, вопль гибнущего, услышь;
Сподобь меня не страшиться грядущего,
Прости мне долги ради могущества Твоего вездесущего,
Ибо поистине начало, конец, венец бытия –
Воля Твоя, так как предела нет
Щедрости Твоей и мудрости Твоей.

Острота Твоей мысли являет мне вдалеке
Ужасающее сияние грядущего;
Для праведника, уповающего на ясный день,
И смертная тень для меня, виновного и унывающего.
В сотворенном не затворится, ничто не спасет меня,
Ни пещеры потаенные, ни ущелья мгlistые,
Ни пропасти бездонные, ни горы скалистые,
Ни кельи уединенные, ни русла каменные,
Ни вершины освещенные, ни расселины тенистые,
Ни долины истощенные, ни склоны травянистые,
Ни твердыни защищенные, ни пустыни безлесные,
Ни кручи отвесные, ни уступы тесные,
Ни дороги проторенные, ни тропы тернистые,
Ни моря разъяренные, ни облака небесные,
Ни дома населенные, ни сокровища полновесные,
Ни потуги телесные, ни взмахи рук неуместные,
Ни мольбы иступленные, ни слезы бессловесные.

От ужаса грядущего
Одна ограда – Твоя отрада, господи Христе!
Вместо возмездия неизбежного
Удостои безбрежного, безмятежного
Блаженства Твоего мою душу грешную,
Ибо что ни шаг, то враг; Ты один благ для всех.

Я уже вижу вдали очами воображения и рассудка
 Великие приготовления к грозному пиру,
 Загодя различаю пресветлое утро
 Для исполненных радужных чаяний праведников
 И беспросветное для себя, ждущего кары.
 И когда это утро, полное тьмы, подоспеет,
 Ничто моим укрытием стать не посмеет,
 Спасти меня уже ничто не сумеет,—
 Ни пещеры глубокие, ни ущелья бездонные,
 Ни предгорья пологие, ни вершины взметенные,
 Ни теснины мгlistые, ни склоны лесистые,
 Ни потоки стремительные, ни затоны илистые,
 Ни дороги петlistые, ни ходы подземные,
 Ни стены родные, ни края неизведанные,
 Ни безбрежность морей, ни крылья ветров,
 Ни складки оврагов, ни гребни хребтов,
 Ни рук воздевание, ни смиреннейшие повадки,
 Ни звуки рыдания, ни слезные паводки,
 Ни перстов мановение, ни уст моление.

Но от участи ужасающей и неизбежной,
 Господи, можешь спасти меня Ты.
 Дай же прибежище душе моей грешной!
 Взгляни на беды мои явственные, не мнимые,
 Которыми весь я оброс,
 Взгляни, о доброта всесветная, неутомимая,
 И разруби своим победным мечом —
 Святым Крестом —
 Жизненные тенета гибельные,

Меня обвившие, опутавшие кругом;
Вынеси в тишь из этого ужаса истинного,
Из безумия настоящего
Дрожащие ноги мои,
Ноги не прямо ступающего;
Залей костер горячки моей,
Погаси шипение губ,
На которых дымится ярость;
Развей отчаяние в моей душе помраченной,
Которая со злом иступленно спарилась;
Рассей удушающую меня чадающую копоть,
Которую источают страсти мои неистощимые;
Озари меня, темного,
Словом Своего лученосного имени;
Благодать Свою укрепи на мне,
Украшь меня, земнородного, тварного;
Дай осознать Тебя,
Просвежи помещение моего рассудка угарного;
Очисти от сияющей чистоты
Мой образ греховный,
Преобрази, установи твердо и ровно
И укрой Своими тремя ликами,
Всесветлыми, нетленными, равновеликими,
В которых Ты
Вместе с Отцом
И Духом Святым
Восхваляем во веки веков,
О средоточие благодыни!
Аминь.

Владимир Рогов

ГЛАВА XL

СЛОВО К ГОСПОДУ, ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА ИДУЩЕЕ

1

Господь Вседержитель, Творец всего сущего,
Внемли стенания гласа моего несчастного
И спаси меня силою всемогущею, от грехов даруй
избавление,
От страха и мук сомнений, предстоящих мне,
Зане, по мудрости безграничной Твоей и величию
беспредельному
Все умеешь и все постиг еси.

2

И поелику я, видя издали воображением разума
Уготованные великолепные торжества ужасного,
Примечаю отсюда загодя
Утро светлое для угодников, упований исполненных,
И день тьмы для меня, каре повинного,
То ничто сущее не осмелится даровать мне убежище,
куда ни направлю стопы мои —
Ни пещеры глубокие, ни ущелья бездонные,
Ни вершины горные, ни пропасти каменистые,
Ни столпы нерушимые, ни расщелины тесные,
Ни ямы темные, ни реки многоводные,
Ни лабиринты утаенные, ни погреба домовые,
Ни своды келейные, ни овраги дольные,
Ни лощины скальные, ни холмы съединенные,

Ни ветры вольные, ни моря безбрежные,
Ни стремнины бурливые, ни дали бескрайние,
Ни стенания скорбные, ни струи слезные,
Ни перстов движение, ни дланей воздевание,
ни уст моление.

3

И жребий сей, неотвратимый и в ужас свергающий,
Ты един отменить волен, Христос, господине наш,
Даровать утешение и покой спасения грешной душе моей.
Возри же на беды неразрешимые, что обстали меня,
О ты, един лишь ко всем добротою исполненный,
Рассеки мечами победоносными креста, оружия
жизненного,тенета мои,
Что со всех сторон меня связуя, предавая погибели,
опутывают,
В тишь направь стопы трепетные, меня, неправо
шествующего,
Исцели жар горячечный сердца моего сотрясаемого,
Отвергни шепот злонамеренный, диавольский меня,
пред Тобою виновного,
Отжени безнадежную тоску мрачной души моей меня, зла
сожителя,
Рассей в меня проникшее дымное марево,
Истреби мерзость темных страданий, причиненных
пороками скверными.
О Всемогущий, обнови душу мою – образ обожаемого света
славы имени Твоего великого,
Укрепи сияние благодати Твоей ради благолепия лица моего,
Даруй способность умозрения мне, земнородному,
Поставь на ноги, пристрой, даруй преобразование,
Дабы мог я Тебе уподобиться,

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

ПОДСТРОЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ЛЕВОНА МКРТЧЯНА
И МАРГАРИТЫ ДАРБИНЯН

ИЗ ГЛАВЫ I

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Голос скорбных стенаний моего сердца
К Тебе возношу – Ты видишь сокровенное.
Плоды желаний потрясенной моей мысли
Охвачены огнем.
Я сам возложил их на пламя горечи,
Охватывающее мою душу.
И дым от всепожирающего огня
Кадиланицей воли своей посылаю Тебе.
Возри, обоняй, о Милосердный!
И пусть мой дар будет Тебе желанней
Густого дыма посвященных Тебе жертвоприношений.
Прими краткое изложение моих речей
С благоволением, но не с гневом.
И пусть силой всеожжения тучного тука
Грехов моих
Вознесется к Тебе добровольная жертва
Моего разума,
Вознесется из глубин кельи,
Хранящей тайну моих помыслов.
И когда я начну с Тобой суд над самим собой,
Суд, смешанный с мольбами,
Пусть, о Всемогущественный, не покажется
Мой дар Тебе столь же мерзким,
Как воздевание рук нечестивого Иакова,
Как преступление Вавилона.
Пусть угоден будет дар мой Твоей воле,
Как благовонный ладан в скинии Селома,
Которую, обновив, воздвиг царь Давид
Для возвращенного из плена кивота.
Подобным образом и я заново обрету
Заблудшую мою душу.
Но нет, страшный голос возмездия суда Твоего,

Прозвучавший с такой силой в ушелъе отмщения,
Вновь порождает во мне борьбу сомнений.
И уже сейчас предчувствую я движение
Противоборствующих страстей, беспокойство и смятение,
Которые овладевают душой моей.
И рои добрых и злых мыслей
Мечом и саблею сражаются друг с другом,
Превращая меня в пленника смерти,
Как то было прежде, до того,
Как Твоя благодать снизошла на меня.

ГЛАВА XXIII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Ты — Бог для всех, Ты совершенен в своем могуществе,
Непостижим, безграничен, Ты — всюду,
И всею сущностью своею Ты близок всем,
Ты — суть всего, и нет Тебе границ,
Ты невидим, но без Твоего светлого начала
Ничто не видим мы.
О слава страшная, непостижимая,
Призыв величия, глас беспредельности,
Неисповедима Твоя сущность,
Ты недоступно далек и неразделимо близок,
Ты слышишь стенания, видишь несчастья,
Ты предотвращаешь отчаяние, исцеляешь неисцелимое,
Бог милосердия, Бог утешения.

2

Взгляни на меня, на скорбные образы
Моих губительных страстей,
С которыми я предстал перед Тобой.
Будь мне как врач, сочувствующий мне,

И не будь судьей, что зовет на следствие.
Мучительные сомнения таят в себе
Великую опасность,
Когда телом овладевают грехи
И душа причастна к злу;
Когда чувства суть привычные пороки,
И замешены они на губительных страстях;
Когда чувства души изранены укорами разума,
И я уже не могу уповать на добро;
Когда, обладая разумом, я причислен к животным,
И с бытием моим смешана скверна;
Когда я внешне здоров, а внутренне болен,
И ужас воспоминаний о грехах
Обрекает меня на вечное отчаяние;
Когда я мучим сомнениями за прежнюю жизнь,
И чистота молитвы полностью замутнена;
Когда от волнения горит моя совесть,
И, руки положив на плуг, я озираюсь;
Когда лицом двигаюсь вперед,
Ногами иду назад
И, зная истину, всегда обманываюсь,
А в сражениях мыслей покоряет меня ничтожное;
Когда от стенания сердца
Врата гортани горят огнем,
И мучит меня иссушенное горло;
Когда бессолнечною тьмой я окружен,
И в суде моих мыслей начертан мне
Приговор возмездия;
Когда око благодетеля являет мне гнев,
И света суть испепеляет мое брренное существо;
Когда безмерное величие Бога
Сталкивается с моим ничтожным естеством,
И в громе Его речений – гнев
Против испепеленного моего рассудка,
И я, достойный смерти,
Избиваем камнями справедливости;
Когда дарованный мне талант я расточил в разврате,
Зарыл талант в землю, как нечто презренное;

Когда плоды своих трудов я затерял
Во мгле лени, и
И темнота кругом, и прочь унесен огарок свечи;
Когда язык молчит, лишенный права ответить,
И мои надменные уста по справедливости молчат;
Когда рассеялись мои пытливые мысли
И потеряли способность постигать полезное,
И безрассуден я, взвешивающий и различающий добро;
Когда пути выхода из грехов преградило зло,
И в лампаде нет масла — в ней пепел и зола;
Когда имя мое стерто из книги жизни,
И в книгу вписаны взамен блаженств грядущих
Одни укоры.

3

Если вижу воина — жду смерти,
Если вижу гонца — жду немилости и жестокосердия,
Если вижу писца — жду бумаги на погибель,
Если вижу церковнослужителя — жду проклятий,
Если вижу евангелиста — жду, когда он
Отряхнет прах от ног своих¹,
Если вижу благочестивого мужа — жду укоров,
Если вижу наглеца — жду огорчений,
Если испытан буду водою — погибну,
Если испытан буду зельем — умру,
Если вижу благо — убегаю как от зла,
Если вижу поднятую руку — в страхе сгибаюсь,
Если вижу пугало — содрогаюсь,
Если слышу шум — вскакиваю,
Если зовут на пиршество — ужасаюсь,
Если окажусь перед Тобой — онемею,
Если станут допрашивать — буду молчать,
Если станут судить по закону — нет мне спасения.
Все эти злосчастные и бедственные сомнения

¹ Строка восходит к Евангелию: «А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших» (Матф., гл.10, ст. 14).

Слились воедино
И постоянно пребывают в глубинах моего сердца,
И невидимыми стрелами неисцелимо ранят меня изнутри,
И стрелы эти неизгоняемы, они всегда, непрестанно, вечно
Вонзаются в душу и наполняют ее скверной
Все обновляющихся язв,
Предрекая мне опасность ужасной смерти.
Пронзен железом я — гноится рана,
Во мне сокрыты неизлечимые язвы,
Дышать не вмоготу — боль велика.
Жестоко страдая от всего этого,
Слезный вопль моей скорбно стенающей души
К Тебе обращаю, о Благодетель,
Смешав свои слезы в последнем моем рыдании
Со слезами молящихся за меня мучеников,
Которых Ты сотворил на земле.
Отсюда, с земли, возношу к Тебе на небо
Мольбу мою и чаяния мои.
Даруй мне, Господи, покой мирной жизни
Мне, жалкому труженику на ниве тщеты,
Даруй Ты, Который — во всем сушем,
И Которого славит все сущее.

ГЛАВА XXVI

СЛОВО К БОГОМАТЕРИ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Итак, я вместе с теми, кто слагает
Соответственно слезным мелодиям плачи,
Кто подбирает слова подобающие,
Ставя в конце каждой строки одно и то же созвучие.
От этого сердце щемит сильнее, острее,
И льются слезы.
Вот и я, став во главе тех,
Что поют подобные стихи, смешанные с плачем,

С помощью жалобных стонов открою свою горестную душу.
Душа еще не совсем умерла для мира
И воистину еще не жива для Бога.
Согласно притче евангелиста, написанной в «Откровении»,
Душа моя не вполне горяча и не вполне холодна¹,
Что трижды ненавистно Святой Троице
И всевидящему Творцу.
И самый лучший способ описать нашу печаль —
Это каждую строчку закончить
Одним и тем же созвучием:
От этого еще горестней песнь о тяжких волнениях.

2

Я, воистину подлый, отрекся от денежного долга
И, недостойный делами, был подвергнут наказанию.
Преступник я вдвойне,
Я — погибший расточитель царских сокровищ
И должен отчитаться,
Держать перед Великим Господом ответ.
Нужно десять тысяч талантов, у меня же нет ни унции,
Я — в горьких злоключениях связанный пленник,
У которого нет заступника.
Все болит во мне, я рыдаю во мраке тюрьмы,
Я — жалкий нищий, беспомощный, мучаюсь от горя.
Плач, который я здесь слагаю,
Я обратил этими словами в горестный вопль.
Строки я сложил одним и тем же размером,
И у каждой строки одно и то же окончание «И» —
Число таинственное, равное двум десяткам².

¹ «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о если холоден, или горяч! Но, как ты тепел, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откровение, гл. 3, ст. 15-16).

² Вторая и третья части 26 главы написаны рифмованным стихом. Принадлежность Григору Нарекаци четвертой части 26 главы оспаривается, на мой взгляд, неправомерно. Каждая строчка завершается рифмой «И», что означает также по месту, занимаемому буквой «и» в армянском алфавите, число 20. См. Примечания к 26 главе перевода.

Гора нищеты пылает пламенем вокруг меня,
Скорбное сердце мое, беззащитное, несчастное,
Заложено в заклад,
Я – суетный, слабый человек, вечно подверженный ошибкам,
И скоро, нисколько не смягчая моей вины,
Потребуют у меня ответа перед судом.
Оружие смерти и греха поразит мои чувства,
Меня, неизбежно преданного жестоким страстям,
Терзает ужас своими острыми мечами.
И теперь, при мысли о Страшном Суде,
Перед глазами моими простирается мрак,
Зловещий, беспросветный,
Я, связанный, беспомощный и жалкий,
Предан сомнениям, и предстает передо мной
Внушающий страх образ Всевышнего.
Личность моя, неизвестно и бесследно потерянная
В пропасти греха, страшно терзается
В огне геенны, в тартаре, ужасном и бессолнечном.
Презренно мое серебро, оно ничего не стоит,
Его не примут и не станут складывать
В сокровищнице Господа.
Взор мой мутен, и руки подлые нечисты.
Но с разбитым сердцем и надеждой на обращение,
Сложив руки, молю Тебя, пав ниц перед Тобой,
О Матерь Иисуса!
Будь заступницей мне, грешному, Царица Небесная,
Вымоли мне отпущение грехов,
О могучая спасительница жизни!
И пусть вечно к Тебе, благословенная,
С земли возносятся
Запахи ладана и благовонных масел.

3

К сплетению этих плачей я добавил еще одну часть,
Милостивому Благодетелю великому
Я в дар принес обильные слезы.
Никогда я не мог измерить глубин своих потерь,

Я стремился к этому
И не мог достичь глубин даже тогда,
Когда ускорял полет крыльев моей мысли.
Тяжкими грехами побежден мой рассудок,
Я сам взял в руки чашу гнева,
Я сам свои малодушные сомнения
Вкусил как смерть.
И вот ныне жалким голосом я возглашаю
Свои несчастные прегрешения.
Невидимая горькая жаровня
Раскаляется во мне — не охладить ее,
И словно бы во мне кипят
Негасимо и жестоко плавильни
В глубинных тайниках моего сердца —
Острия ядовитых стрел,
Жестокие боли смертельно терзают мне печень,
Муки родовые, не умея выйти из меня,
Не умея ускорить свой исход,
Раздирают мне чрево,
С обеих сторон жжет меня неисцелимая лихорадка,
Скопившись в неизмеримых количествах,
Горькая желчь уже подступает к горлу,
В гортани с силой звучат рыдания отчаяния,
Все члены моего существа, словно враги,
Вышли на войну друг с другом,
Хоть и родные,
Они коварно уничтожают друг друга.
Колблемый страхом сомнений,
Я отдался безмерной тревоге,
Погруженный в мерзкую тину грехов,
Я ни жив, ни мертв.
К Тебе обращаю я взор свой, о Благая,
Осуди сомнения сердца моего,
Дабы из безнадежной пропасти жизни
Ты извлекла меня на свет вожделенный.

ГЛАВА XXX

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

И ныне, Бог Снисходительный, Милосердный и Всеблагой,
Пусть сбудется Твое слово о грешнике,
Который в течение дня многократно ошибается,
Но кается и возвращается на путь истины
Либо при последнем вздохе своем,
Либо в час, когда творит зло.
Есть во мне жестокий, самовластный,
Вечно преуспевающий лукавый лжец,
Соучастник названному грешнику.
Он склонен к обману, пасет, согласно притчеписцу, ветры¹.
Трудноуловим он, бежит Создателя,
Он – пленник ловца, моего порочного тела,
Он – мне прирожденный противник,
Причина всех моих сомнений,
Коих множественность и частота известны только Тебе.
Но грехам, о Господи, сопутствует
Горестный, безнадежно тяжкий плач,
Надрывающий душу.
Он, стыдливо мучимый грехами, перед Тобой, о Господи,
Простирает писанные слезами
И сострадание вызывающие жалостные стоны.

2

И чтобы слово мое, многократно повторяемое,
Не перешло в суесловие
И тем самым не стало еще плачевней,
Скажу, что никогда не дерзал я просить себе
Царства Небесного – лишь облегчения мучений просил.
И не с живущими в свете надеялся он поселиться,

¹ «Кто утверждается на жи, тот пасет ветры» («Книга притчей Соломоновых», гл. 9, ст. 12).

А пребывать ему, живому, среди мертвецов,
И не с теми быть ему, кто вознесен,
Но с сокрушенными и сломленными.
В покое он утомленный, на пиршестве — печальный,
Чело — светлое, а мысль изранена,
Лицом улыбается, глаза — печальные,
Внешне он тщится быть спокойным,
Но слезы доказывают горести сердца.
В его руках по чаше: одна с кровью,
Другая — с молоком.
В его руках две горящие кадила: —
В одной — курится ладан, в другой — чадит жир.
В его руках два блюда:
Одно полно сладости, другое — горечи.
В его руках два сосуда с разным содержимым:
В одном — слезы, в другом — сера,
В его руках два кубка:
В одном — вино, в другом — желчь;
Врата видения предо мной: одни для плача,
Другие к заблуждению ведут;
Две плавильни: одна раскаляет, другая остужает.
Два разных взгляда: один слегка ласковый,
Другой беспощадно гневный;
Две руки подняты вверх:
Одна ударяет, другая отвергает;
Два выражения на одном лице:
Одно — грустное, другое — гневное;
Две укоризны вместо одной:
Одна обращена к настоящему, другая — к будущему;
Мои упования сомнительны:
Одно — авось да сбудется, другое — может быть, свершится;
Два вопля в одних устах:
Один полон скорби, другой — негодования;
В одном сердце два чувства:
Одно — смутная надежда, другое — подлинная потеря;
Ужасного вида сизое облако с двумя ливнями:
Один — из стрел, другой — из камней;
Страшный гром с двумя последствиями:

Пошел град, и полился огонь,
Скорбная ночь с двумя несчастьями:
Одно — плач, другое — смерть;
Утро траура с двумя предостережениями:
Одно — укоризна, другое — угроза;
Два солнца в двух концах света:
Одно несет мрак, другое сжигает.

3

Если рука поднимается для удара,
Он решит, что ударят его,
Но если простирается рука дарующая,
Он не подумает, что она обращена к нему;
Если увидит того, кто вправе гордиться собой,
Стыдливо склонится он;
Если увидит того, кто по праву высоко держит голову,
Будет подавлен он;
Упомянут о злых делах — заплачет он;
Если речь о святых — устыдится он;
Если говорят о загробной жизни — содрогается он;
Если кто открыто благословит его,
Он тайно проклянет себя;
Если от кого услышит похвалу — станет укорять себя;
Если будет подвергнут немилосердной хуле,
Он сам засвидетельствует, что достоин ее;
Если будет жестоко осмеян,
Сочтет это лишь малым воздаянием за великие грехи свои;
Если услышит, что хотят его смерти,
Говорит: «Да» и еще раз повторяет: «Да»;
Если ударит смертоносная молния,
Он примет удар как должное.

Книгу прав своих он закрыл;
Надежду ответственность потерял,
Путь к дерзновениям преградил,
Не медля, он бы стал самоубийцей,

Если бы это не вело к неспасаемой, неотвратимой потере.
Поистине, согласно исполненному глубины слову мудреца,
Горе грешнику, ходящему по двум стезям¹.

4

Слыша мои скорбные вопли и рыдания,
Почему не смилуешься Ты, о Всеблагой?
Ты, прославившийся тем, что сказал:
«Когда он возопиет ко мне – Я услышу, ибо я милосерд».
И вот мне, пленнику зла, противостоит Твоя доброта,
Моей горечи, горечи осужденного к смерти, – Твоя сладость.
Чтобы обрести мне себя, потерянного, есть Твой свет,
Мне, дерзкому, и моим заблуждениям
Противостоит Твое милосердие,
Мне, в жестокости повинному, – Твоя кротость,
Для помощи мне, погибшему, есть Твоя десница,
Для спасения меня, утопающего, – Твоя рука,
Для исцеления моих незаживающих ран – Твой перст,
Для защиты меня, уstraшенного, – Твой дух,
Для внушения уверенности мне, неблагородному, –
Твое долготерпение,
Для помазания меня, жестокого, – Твое могущество,
Для очищения меня, грешного, – Твое веление,
Для меня, бегущего опоры, – Твоя стопа,
Для меня, лишённого прибежища, – Твоя длань,
Для напутствия меня, заблудшего, – Твое сияние,
Для меня, сомневающегося, – Твоя мудрость,
Для меня, проклятого, – вдвойне дарованное мне
Твое благословение.
Для поощрения меня, отчаявшегося, – Твое ободрение,
Для утешения меня, скорбящего, – Твоя чаша,
Для освобождения меня, угнетённого, – Твоя воля,
Чтобы призвать меня, ненавидимого, – Твоя любовь,
Чтобы утвердить меня, потрясенного, – Твое слово,

¹ Ср. «Горе сердцам боязливым и рукам ослабленным и грешнику, ходящему по двум стезям» (Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, гл. 2, ст. 12).

Для моей израненной души – капля Твоей крови,
Для исцеления моих невидимых страданий – Твой взор,
Чтобы мне, лишенному надежды, быть вновь избранным, –
Твое могущество,
Для приобщения меня, отвергнутого, – Твой союз,
Для меня, окутанного мраком смерти, – блеск Твоей жизни,
Для успокоения меня, смятенного, – Твой мир,
Для меня, сурово отринутого, – Твое благовествование,
Для обращения меня, заблудшего, – Твой голос,
Ибо Ты над всем господствуешь милосердно,
И нет в Тебе ни частицы тьмы,
И вне Тебя нет добра,
Тебя достойна вечная слава. Аминь.

ГЛАВА LIV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Так ныне и всегда кто уповает на Тебя,
К тому Ты милосерден, о Христос.
Ты – изначальный свет для зрения, Ты – мудрость сердца,
От Тебя благоденствия, от Тебя жизнь и бессмертие.
И поскольку без Твоей воли
Я не в силах обновиться, сделай так,
Чтобы я вновь обратился к Тебе с ликованием.
Ведь если воля Твоя не смиляется,
Я, осужденный к смерти, не смогу спастись,
И если Ты, о Напутствующий и Направляющий,
Не откроешь стезю, ведущую к Тебе,
То страшные бездны справа и слева
Станут угрожать мне потерями.

2

Я, всеми укоряемый, – не хвалюсь,
Поносимый – не горжусь,
Покинутый – не важничая,

Безмолвствующий – не величаюсь,
Осмеянный – не упрямлюсь,
Жалкий – не достаиваюсь блаженства,
Нечестивый – не оправдываюсь,
Ибо без руки, держашей узды,
Конь не помчится ровно,
Без кормчего корабль не поплывет,
И без того, чтобы рука держала орало,
Соха ровно не вспашет,
И без пахаря волю в ярме пойдут неровно,
Без ветра не помчатся облака,
Без времени планеты не расходятся и не сходятся,
И солнце без воздушной стихии не совершит свой круг.
Так и я бессилен без Твоего указующего веления,
О Благодетель!
Лишь Ты один даруешь жизнь разумным
И заботишься о порядке круговращения.
От Тебя, согласно псалмопевцу, – мое спасение,
Ты громко возглашаешь радостную весть,
Звучащую в ушах людей всех возрастов:
«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные,
И я успокою вас».
Но что пользы от очищения,
Если вновь я покорюсь бесчестию?
И какая мне польза от того, что я
Вкусил дары небесные,
Если предан буду геенне?
И могу ли я похваляться Авраамом,
Если отошел от дел его?

3

Согласно слову пророка,
Сказавшему как бы обо мне,
Я покрыт скверною, я – сын мерзостных родителей –
Отец мой амореянин, а мать моя хеттянка.
Я не был зачат в опочивальне Сарры, жены Авраама,
Я – отвергнутый сын эфиопянки.

И по сбывшемуся на мне речению провидца,
Я — брат живущих в беззаконии Самарии и Гоморры.
Согласно хуле дважды осуждающего Иезекииля,
Я — неомытый плод незрелого чрева
Двух блудниц: Оголы и Оголивы.
Я подобен тому, кто на многоопасных гребнях волн
Разбушевавшегося моря
Несется, влекомый, помимо воли своей,
Буйным бегом разлившихся весенних вод;
И страшно измученный, вконец изнуренный и отчаявшийся,
Беспомощно барахтается, глотает воды
Мутные, зловонные, илистые, с примесью водорослей,
Задыхается в смертельных муках,
Тонет, погруженный в поток.
Так и я, жалкий!
Мне говорят — я не разумею,
Кричат — не слышу,
Будят — не пробуждаюсь,
Зовут — не двигаюсь,
Призывно трубят — не откликаюсь,
Ранят меня — не чувствую.
Я подобен мерзким идолам —
Далеки они от добрых мыслей.
А в действительности мое «я»
Много злее и гораздо ненавистнее
Приведенных примеров —
Я достоин осуждения и Христова суда.

4

И так как в память о здешних грехах моих
И во имя пути, откуда нет возврата,
Я оставляю читателям это завещание,
Чтобы вечно моими словами молились Богу,
Пусть, о Вседержитель,
Слово мое, желанное Тебе и обращенное к Тебе,
Вечно пребудет законом исповедания.
И книга эта — вместо моего тела,

И слово это — вместо моей души
Вечной молитвой к Тебе обращено, о Безграничный,
Как если бы это моление, пропетое моим голосом,
Было бы принято от нетленного молящегося,
О Благий, Человеколюбивый, вечно Благословляемый.
Аминь.

ИЗ ГЛАВЫ LV

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Смерть, причины которой не знаешь,
Некий философ-язычник назвал злом
И счел сие за истину.
И я своим словом подтверждаю это,
Ибо, как скот бессловесный и неразумный,
Умираем мы и не ужасаемся,
Погибаем и не удивляемся,
Погребены бываем и не смиряемся,
Отлучены бываем и не терзаемся,
Предаемся порокам и не раскаиваемся,
Истлеваем и не вразумляемся,
Приближаемся к часу кончины и не готовимся,
Уходим и не остерегаемся,
Порабощены бываем и не чувствуем этого.
Блаженный Иов смерть человека называет покоем,
Вместе со святым и я это признал бы,
Если бы не возложил на себя тягостный груз
Смертельных деяний.

Ужасно, что козни сокрыты и кто их плетет — невидим,
Настоящее — ничтожно,
Прошлое — скрыто, а будущее — сомнительно.
Я нетерпим, суть моя подозрительна,

Ноги нетверды, мысль рассеянна,
Страсти жестоки, нрав — невоздержанный,
Тело погрязло в грехах, желания — изменны,
Упрямитесь свойственно мне от рождения,
Природа моя противоречива,
Обитель моя из глины, а дожди проливные,
Нужды — бесчисленны, бедствия — всеобъемлющи,
Мысли питаются злобой, желания ненавидят благо,
Жизнь — преходяща, заботы мои ничтожны,
Заблуждения — глупы, игры — младенчески,
Усилия — тщетны, наслаждения — обманчивы,
Снедь — из ничего, припасы — из ветра,
Образы — призрачны, изображения — смешны,
Ибо когда настигла меня, согласно слову Павла,
Заповедь, мои грехи воскресли
Перед лицом справедливости,
И я умер для жизни и возродился для смерти¹.
Достояния сердца моего и разума,
Как предсказано в Писании,
Похитили чужие пришельцы — исчадие зла²,
И постигло меня тотчас же, согласно притчеписцу,
Уменьшение мудрости³,
И усилились во мне желания недобрые,
Не устремил я ока своей души к Христу
И не пошел по прямой стезе.
Хотел двигаться быстрее — стал сильнее увязать,
Стремясь к безмерному — и своего малого не достиг,
Возносясь к высочайшему — скатился и со своей высоты,
С пути небесного был низвергнут в пропасть,
И чем больше остерегался — тем больше вредил себе,
Хотел сохранить себя цельным — распалось мое «я»,

¹ Ср.: «Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер; и таким образом заповедь, *данная* для жизни, послужила мне к смерти» (Послание к римлянам, гл. 7, стих 9-10).

² Ср.: «Дни мои прошли: думы мои — достояние сердца моего —разбиты». (Книга Иова, гл. 17, стих 11).

³ Ср.: «Подлинно, я более невежда, нежели кто-либо из людей, и разума человеческого нет у меня. И не научился я мудрости, и познания святых не имею» (Книга притчей Соломоновых, гл. 30, стих 2-3).

Хотел совладать левой – споткнулся правой,
Искал второе – потерял и первое,
Домогаясь малого – я лишился большего,
Хотел соблюсти обет – изменил основам,
Избавился от одних дурных привычек – приобрел другие,
гибельные,
Бежал от незначительных пороков – предался самым
пагубным,
И все, что создал я сам, по своей воле,
Все это я обратил себе же в жестокого обвинителя.

ГЛАВА LVI

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Мне смерть сулят горькие плоды
Моего дерева, корни которого в аду,
Мои враги суть во мне, в моем доме.
Мои родственники – мои противники,
Сыновья – предатели,
Я всех подробно обозначу ниже,
Назвав их по именам. Вот они:

2

Мое суетное сердце, мои злоречивые уста,
Глядящие бесстыдно глаза, слышащие неверно уши,
Несущие смерть руки, полные скверны порывы,
Ступающие нетвердо ноги,
Я, не знающий страха сомнений,
Моя кривая тропа, смешанное со злом дыхание,
Объятое мраком мое шествие,
Мои окаменевшие чувства, прерывающиеся мысли,
Моя слабая воля, зло, живущее во мне,
Мое переменчивое благополучие, отчужденная душа,

Что заложил я, то давно уж продал.
Я – раненый зверь, стрелой пронзенная птица,
Беглец, упавший со скалы,
Пойманный преступник, утопленный пират.
Я – воин коварный, боец неподготовленный,
Вооруженный ратник, готовый на преступление,
Обленившийся работник, нерадивый псалмопевец,
Пресмыкающийся служитель церкви,
Священник непосвященный, недостойный,
Я – бездарный законовед, осуждаемый писец,
Безумный мыслитель,
Я ликом непристоен – глаза бесстыдны,
Взгляд наглый, цвет отвратительный,
Мой образ далек от человеческого,
Моя красота достойна осмеяния,
Еда моя прокисла, на вкус омерзительна.
Я – виноградник, поросший повиликой.
Лоза червивая, сад, плодящий колючки,
Я – колос, источенный червями,
Мед, что достался мышам.
Я – падший и беззащитный,
Тщеславен я, и нет во мне надежд,
Я предан анафеме,
Я разлучен, и нет мне путей примирения,
Я – праздный хвостун, глупый гордец,
Коварен я, как зверь, как дьявол, алчен,
Беспутство мое неукротимо,
В неистовстве я безбожен,
Рука моя простерлась для убийства.
Я – земледelec, что сеет тернии,
Я – жалкое благополучие, обесславленное величие,
Обезображенное благолепие;
Могущество бессильное, высота униженная,
Великолепие, попираемое ногами.
Я – вечное нарушение заповеди,
Прегрешения мои добровольны,
Я – упрямый распорядитель, коварный советчик,
Друг враждующий, управитель-вор.

Я – скряга-родственник, скупой даритель,
Алчный поставщик.
В душе моей нет сочувствий, в желаниях нет любви,
Я – ненавистник злой, что жалости не знает.
Поведение мое неразумно,
Что во мне сокровенно, то растленно,
Тайны мои прокляты, обстоятельства враждебны.
Я – расточающий добро торговец,
Промогавший богатство ростовщик,
Пьянствующий служитель,
Сомнительный хранитель сокровищ,
Посланник, что беспрестанно злословит,
Уснувший привратник, надменный нищий,
Богач, прикинувшийся бедняком,
Неправедный законоуправитель, предатель-стражник.
Я клевету на своего ближнего,
Я – гонец, пришедший не ко времени,
Письмоносец-плут, апостол, смущающий души,
Безрассудный посредник, изгнанный король.
Царь суетный и низкий, душою развращенный кесарь,
Князь, изменивший господину, полководец-грабитель,
Лицеприятствующий судья, упорствующий простолюдин.
Для хулителей я – посмешище.
Для любящих – предмет для оплакивания.
Для писателей я – предмет осуждения,
Для обвинителей я – приговор.
Я обладал всеми перечисленными качествами,
Но и худшее было временами моим уделом.
Вот каковы и как бесчисленны пагубные оболъщения,
Иным из них я отдавался, как глупец,
Другим по слабости отдался.
Я сам, по своей воле предал себя гибели.

3

Итак, что более всего во мне ненавистно Тебе,
И что более всего губительно для меня,
И в каком из названных качеств

Я мог бы предстать перед Тобой?
Весь я — скверна, и что поднесу Тебе
Для поклонения?
И как велико Твое долготерпение,
И доколе будешь прощать мне столькие мои грехи,
Доколе будешь молчать
И доколе будешь так добр?
И почему не подвергаешь меня избиению розгами,
Меня, достойного избиения смертью?
И все-таки к черноте моих душ,
Живущих в моих бесчисленных обличиях
И погруженных в беспросветную мглу,
Прикоснись светом Своего милосердия,
Исцели, искупи и оживи меня,
О Ты, совершенное могущество.
Все сущее Тебя славит. Аминь.

ГЛАВА LXIX

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

Итак, о Великий и искуснейший Создатель
Моего бытия, мой Господь и мой Бог,
Я непрестанно горю в очищающей плавильне Твоей любви,
Но чистым не становлюсь,
Стремлюсь соединиться и не соединяюсь,
Поэтому Ты тщетно трудишься надо мной,
Мой небесный зодчий, сереброделатель-плавильщик.
Как сказано в известной притче пророка,
Плавильщик плавил напрасно,
Ибо злые не отделились...¹
Я сам, злостно заблуждаясь,

¹ Книга пророка Иеремии, гл. 6, ст. 29.

Подобно жалкому безумцу, одержимому бесом,
Дерзаю говорить неподобающее
И делаю это не для того,
Чтобы найти средство для примирения,
А скорее для того, чтобы усугубить мои грехи.
И дабы уготованные в загробном мире муки
Не были мне непривычны, жестоки и несоразмерны
Грехам моим,
Моя земная жизнь, мое тело
Вечно хранят незабываемые следы былых проклятий.
Так, начиная с малых, ничтожных ощущений,
Я привыкаю к великим будущим страданиям.

2

Самопроизвольно возникают и размножаются в чреве моем
Тонкие, извивающиеся черви,
Тайно пожирающие кишки;
Появляются жгучие язвы,
Бесчисленные раны, горящие, как огонь.
Мучают меня безобразные гниды и рожденные от пота
Скопища вшей, жалящих и вызывающих
Жжение и зуд.
Варварские полчища блох,
Словно сражающиеся ночью злые духи,
Или скопище варваров-грабителей,
Пристрастившихся к ночной темноте,
Или зверски лютые полки арабских волков,
Крадучись подбираются, угрюмые, черные,
С искривленными жалами-хоботками
И, кусая, как скорпионы, пронзая, как колючки терния,
Тянут, высасывают кровь,
Превращая в страдания отдых в постели.
Но когда кто-нибудь поднимает руку,
Чтобы наказать их,
Они тотчас же чувствуют
Причиненный ими человеку вред.

Их крохотные безволосые тельца
Немедля прыгают, словно у них крылья,
Прыгают, как саранча, с одного места на другое.
Они, как пронырливые, вероломные нравом
Предательницы-лисицы, хитро ускользают и прячутся...
Так они спасаются от грозящей им смерти.
Столь ничтожные, они, однако, не только простолудинов
Или сброд какой, но и самых могущественных царей
Обращали в бегство, принуждая их
Либо скрываться в верхних покоях высоких дворцов,
Либо селиться под открытым небом.
Даже многие из доблестных героев,
Которые подчинили себе толпы людей,
Властвовали над народами и захватили
Города разных племен,
Сами свидетельствовали о поражении их могущественной
длани:
«Мы, мол, не устояли перед большим могуществом
И потому бежали от блох и достигли этих мест».

3

Но что побуждает меня говорить
О каких-то ничтожных, гнусных, смешных созданиях?
А то, что они – могущественные и непроверяемые
Глашатаи Божьи,
Напоминающие мне о загробных муках,
О муках, которые взойдут, как горькие плоды,
В моем несправедном теле.
Этим мукам сродни извне идущие смертоносные недуги,
А также толпы жестоких пожирателей,
От которых нет избавления, но через которые
Дано постичь неизбежные грядущие страдания тела;
И нет убежища, куда можно было бы скрыться от них,
Ибо без Твоей воли и промысла
Напрасны все усилия разума, вся изобретательность людей.
Но Ты, о Милосердный, если пожелаешь

Спасти, обновить, очистить, исцелить и дать жизнь,
Имеешь для этого достаточно всяких целебных средств.
Слава Тебе во веки веков.
Аминь!

ГЛАВА LXXX

СЛОВО К БОГОМАТЕРИ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

И ныне, после стольких воплей отчаяния,
Испытав перед лютостью Божьего гнева
Ужас безнадежности,
Я с душой, совершенно измученной скорбью,
Тебя молю, о Святая Богоматерь,
Ангел среди людей, телесный херувим, Царица Небесная!
Чистая, как воздух, прозрачная, как свет,
Ясная, как утренняя звезда,
В святости своей превосходящая святую обитель.
Ты – живой Эдем, бессмертное дерево жизни,
Защищаемое со всех сторон пламенным мечом.
Ты укреплена и покровительствуема Отцом Всевышним,
Подготовлена и освящена наитием Духа Святого,
Осенена и украшена обитанием Сына, Твоего первенца.
Он Тебе сын по рождению и господин по сотворению,
При целомудренной чистоте, Ты – бескорыстно добра,
При непорочной святости, Ты –
Ходатайствующая заступница.
Прими эти слезные молитвы от поклоняющегося Тебе
И представь, поднеси их Богу, как Свои молитвы,
Присоединив к ним, о Великая,
Мое первое похвальное слово, посвященное Тебе¹.

¹ Речь идет о панегирике, посвященном Богоматери и написанном раньше «Книги скорби».

Сплети, соедини с Твоей блаженной
Достойной воскурения мольбой
Горькие стенания, принадлежащие мне, грешному.
О Ты, древо жизни, и Плод Твой благословен,
Внемли мне, чтобы всегда
Тобой споспешествуемый и Тобой благотворимый,
Чтобы Твоим святым материнством
Опекаемый и озаряемый,
Я жил для Сына и Господина Твоего.

2

Помоги мне Своими крылатыми молитвами,
О Ты, признанная Матерью всех живущих,
Помоги, чтобы, покидая земную юдоль,
Я без мук переселился в приготовленную
Для нас обитель,
Чтобы был очищен мой конец от беззаконий,
Обременяющих меня.
День моего отчаяния обрати мне в праздник радости,
О целительница мук Евы.
Проси, моли Его за меня, ибо верю я,
Что из-за неизреченной Твоей чистоты
Будет принято Твое слово.
Помоги мне, погибающему, слезами,
О Ты, прославленная среди женщин,
Преклони колена ради моего спасения,
О Мать Божия.
Опекай меня, злополучного, о Скиния Вышняя,
Поддай руку мне, падшему, о Храм Небесный.

Прославь в себе Сына Своего,
Чтобы он был милосерден ко мне
И мне даровал Божественное чудо
Очищения от грехов,
О Ты, Мать и Раба Господня.

Слава Твоя возвысится мною,
И спасение мое будет Тобою явлено,
Если обретишь меня, о Богоматерь,
Если смилующься надо мною, о Святая,
Если приобретешь меня, заблудшего,
О Непорочная,
Если будешь заботиться обо мне, отвращенном,
О Блаженная,
Если Ему представишь меня, устыженного,
О Благодатная,
Если заступишься за меня, отчаявшегося,
О Дева Присносвятая,
Если меня, отвергнутого, вернешь,
О Богом прославленная,
Если проявишь ко мне сострадание,
О зачатие Снимающая,
Если укрепишь меня, колеблющегося,
О Не знающая сомнений,
Если успокоишь во мне мятежное волнение,
О Миротворица,
Если найдешь способ спасти меня, совращенного,
О Восхваляемая,
Если войдешь ради меня в судилище,
О смерть Отвращающая,
Если смягчишь мою горечь,
О Сладостная,
Если разрушишь преграду между Богом и мной,
О Примиряющая,
Если очистишь меня от скверны,
О Попирающая растленное,
Если спасешь меня, обреченного на смерть,
О Свет Живой,
Если прервешь звук рыданий моих,
О Утешающая,
Если исцелишь меня, сломленного,
О жизнь Излечивающая,

Если призишь меня, погибшего,
О Духа Святого Исполненная,
Если милосердно встретишь меня,
О Завет Священный.
Мне жизнь дарует, излившись в душу мою,
Одна лишь капля девственного молока
С непорочных губ Твоего блаженного рта,
О Благословенная Матерь Всевышнего Господа Христа,
Творца неба и всего земного.
Ты родила его неизреченно,
Родила с его человеческим естеством
И со всей его божественностью.
Прославлен Он с Отцом и Духом Святым.
Сушность свою неисповедимо соединив с нашим естеством,
Он – суть всего, и Он во всем,
Он – одна из ипостасей Троицы,
Ему слава во веки вечные.
Аминь.

ИЗ ГЛАВЫ LXXXII

СЛОВО К БОГУ, ИДУЩЕЕ ИЗ ГЛУБИН СЕРДЦА

1

К молениям блаженных святых, славящих Тебя,
(Они обо мне вопят, Всевышний, Тебе в угоду)
Присоединяю и я речи мои нечистые,
Подобно тому, как к сладости добавляется горечь,
Или с кротостью сочетаются шипы,
С привлекательностью – уродство,
С прекрасным жемчугом – ил,
Либо с чистым золотом – земля,
Или сверкающее серебро – с камнями,
Ничего не стоящими,
С истиной – отрицание,
Либо с куском мягкого хлеба –

Скрипящий под зубами песок.
Так, о Могучий, Восхваляемый, Помогающий всем,
Внемли речам их на благо мне,
Моим речам внемли на благо им,
Внемли им во хвалу Себе,
А мне — во спасение мое,
Что приумножит славу Твою, о Наимилосерднейший,
Благодетельный, Благословенный и Долготерпеливый,
Всесильный, Непостижимый, Нетленный и Несотворенный.
От Тебя — дары и милости,
Ты — начало и причина всех добрых дел.
Не заточаешь Ты, но освобождаешь,
Не теряешь, а находишь,
Не умерщвляешь, а оживляешь,
Не изгоняешь, а собираешь,
Не предаешь, а спасаешь,
Не погружаешь, а поднимаешь,
Не толкаешь к падению, а ставишь на ноги,
Не проклинаешь, а благословляешь,
Не мстишь, а прощаешь,
Не ввергаешь в несчастья, а внушаешь надежду,
Не стираешь написанное, а пишешь,
Не колеблешь, а утверждаешь,
Не топчешь ногами, а утешаешь,
Не изобретаешь способов погубить,
А ищешь способы сохранить жизнь,
Не истребить стремишься, а милосердно спасти.
Ты не забываешь надзирать,
Не отступаешься от добра,
Не ставишь помех своему милосердию,
Не выносишь решения о гибели,
А завещаешь свободу.
Своею щедростью Ты не вызываешь к себе вражды,
За свои милости не подвергаешься клевете,
За дары Твои Тебя не ругают,
И за даяния не укоряют,
За долготерпение не осуждают

За то, что прощаешь, не высмеивают,
За доброту не порицают,
За мягкость Твою не оскорбляют,
За кротость Твою не презирают.
Не ропот, а хвала неумолчная
Воссылается Тебе.
Отпусти грехи мои, Всемогущий,
Разреши от проклятий, о Благословенный,
Очисти от долгов, Милосердный,
Уничтожь преступления мои, Всеблагодать,
Помоги мне перстом Своим –
И тотчас я стану совершенным.
Что может быть легче для Тебя, о мой Господь,
А для меня, грешного, важнее?
Итак, о Благопопечитель,
Ты, создавший человека по образу и подобию Своему,
Вдохни в меня Свой образ,
И дабы спасти и защитить мою грешную душу,
Оживи всеочистительной благодатью
Твоего дыхания, дарующего свет и возрождение.
Не ускоряй, о Милосердный, наступления
Последнего дня моего,
Дабы не довелось мне пуститься
В длинный и нескончаемый путь
С пустыми руками и беззащитным.
В час жажды не дай мне чашу, полную желчи,
Не лишай меня духовного благоденствия.
И подобно нежданному, ужасному нашествию,
Пусть не грянет ночь моей смерти.
Пусть в час непредуготовленный
Жгучая лихорадка не срежет корней моих
И не иссушит их,
Пусть не постигнет меня недуг лунатиков,
Пусть не удержатся во мне льды грехов моих,
Пусть стремительные потоки мирской жизни
Не собьют меня, не унесут,
Пусть смерть не придет,

Пусть помрачение сознания
Не сопутствует моей гибели,
Пусть сон не станет причиной моей смерти,
Пусть дремота не ввергнет меня в тление,
Пусть кончина не постигнет меня
В непристойный час,
И пусть дух мой, возносясь, не падет,
Столкнувшись с препятствием.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Григорий Нарекский непереволим,»— писал Н. Я. Марр,— его основное творение... невосприемлемо для тех, кто не имел возможности узреть уходящую в бездну глубину бесконечно напластованных словарных богатств древнеармянской литературной речи, ее бесконечных звуковых переливов. Оно невосприемлемо для тех, кто не имел счастья осознать или непосредственно постичь красоты скал безлесных гор Армении, зовущих к общению с нагорным поднебесьем...» (Н. Я. Марр. Об истоках творчества Руставели и его поэме, Тбилиси, 1964, стр. 39).

Теперь, когда Нарекаци переводят, мысль Марра о непереволимости «Книги скорбных песнопений», его идея о неразрывности связи творчества Нарекаци с особенностями древнеармянского языка, с особенностями армянской природы сохраняет свое значение и говорит о том, с какими трудностями сталкивались и сталкиваются переводчики Нарекаци.

Отрывок из XIII главы «Книги скорбных песнопений» был переведен на русский язык еще в 1810 году («Молитва против ночных ужасов»). Сочиненная Григорием Нарекским в лето Господня 1000 года. Тщанием Ио-сифа Иоаннесова, Санктпетербург. В Морской типографии 1810 года). Это даже не перевод, а набор стертых выражений русской церковной лексики. Переводчику было невдомек, что он имеет дело со стихотворным текстом великого поэта. Он растворил стих Нарекаци в словах-штампах.

В 1969 году в Ереване вышла в свет небольшая книжка Нарекаци на русском языке — Стихи. Из «Книги скорбных песнопений» (перевод Наума Гребнева, послесловие Левона Мкртчяна). Этот сборник, изданный небольшим тиражом, имел успех, хотя Т. Ахумян (я об этом пишу для полноты информации) поспешил опубликовать в ереванской газете «Комсомолец» от 10 сентября 1969 года рецензию «Горе от умствований». Этот первый отклик на книжку так и остался единственным в своем роде. Вскоре появились другие отклики. Статьи о Григоре Нарекаци написали Ал. Дейч, Эд. Межелайтис, Ст. Рассадин, Лев Озеров, Вл. Рогов... «Нарекаци, один из интереснейших поэтов философского направления в мировой литературе, заслуживает целого исследования. Хочется верить, что современная наука это выполнит. И тогда великий отшельник давних веков встанет в одном ряду с прославленными мировыми мыслителями... Спасибо братской Армении за этот чудесный дар, который лежит теперь у

меня на столе рядом с величайшими жемчужинами мировой поэзии», — писал Межелайтис. «Нарекаци — один из мировых поэтов средневековья. Я уверен, что человечество еще воздаст ему должное как своему великому поэту», — замечал Кайсын Кулиев. А Максим Танк посвятил средневековому армянскому поэту проникновенное стихотворение «Читая Нарекаци»:

Над книгою его стихотворений
Склоняюсь, как над бездной, не дыша.
От этих нареканий и прозрений
Вновь содрагается моя душа.

О как страдал Нарекаци в ту пору!
К нам сквозь века рыданье донеслось:
«Мне пожелают люди смерти скорой,
Я помолюсь, чтоб слово их сбылось».

Как жил он? Отчего с бедой своею
Не совладал и жизни не был рад?
Кто знает! Прах свидетелей развеян,
Безмолвен друг поэта — Арарат.

(Пер. Якова Хелемского)

О своем восхищении опубликованными отрывками из «Книги скорбных песнопений» сказали Ал. Межиров, Ал. Дымшиц, Я. Хелемский, Н. Тарасов... Отклики советских критиков и поэтов на творчество Нарекаци, на его первую русскую книжку собраны в сборнике «Читая Нарекаци» (Ереван, 1974, второе, дополненное издание, Ереван, 1997). «И хотя статьи и отклики возникли на основе чтения переводов, они *истинны*, и они *интересны*. Многие годы занимаясь изучением творчества Нарекаци, могу сказать, что отклики советских писателей, собранные в этой книге, помогут *русскому* и *армянскому* читателю лучше понять гения X века Григора Нарекаци», — писал в предисловии к сборнику проф. М. Мкрян (издание 1974 г.).

Ереванской книжкой 1969 года, по-существу, начинается история русского Нарекаци. Позже Н. Гребнев перевел из «Книги скорбных песнопений» ряд новых глав для антологического сборника «Армянская средневековая лирика» («Библиотека поэта». Большая серия, Л., 1972). Для из-

дания 1977 года («Книга скорби», Ереван, 1977) он перевел 24, 25, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 53, 58, 60 главы. 51 и 54 главы, ранее переведенные в отрывках, даны в названном издании полностью, 34, 37, 57, 69 главы публикуются в настоящем издании¹ впервые.

Перевод Гребнева (то, что было опубликовано из его перевода) получил признание читателей и в целом был высоко оценен критикой.

Свободный нерифмованный стих Нарекаци Гребнев передал стихом рифмованным. Правильно ли он поступил? Об этом много спорили. Семен Липкин однажды сказал мне: «Для перевода Нарекаци надо найти такой размер, чтобы рифма мешала». Возможно, такой размер будет найден (Александр Межиров «грозился» найти такой размер и перевести «Книгу скорби», но увя...). Но Гребневу-переводчику рифма не мешала. И мне, как читателю его перевода, она не мешает. Мария Петровых, редактировавшая переводы Гребнева из армянской средневековой лирики и из Нарекаци, писала в одном из своих стихотворений:

От счастья внезапного похолодею.
Кто понял, что белым стихом не владею?
Кто бросил мне этот спасательный круг?
Откуда-то рифмы сбегаются вдруг.

Белый стих чужд и Науму Гребневу. Работая над «Книгой скорбных песнопений», он не изменил себе и поступил правильно. Переводчик — это ведь не только автор оригинала, это еще и автор перевода. Другие переводчики Нарекаци перевели его по-другому, но не отменили того, что сделал Гребнев. Именно он открыл русскому читателю «Книгу скорбных песнопений».

Это его заслуга, а также заслуга Марии Петровых, требовательного редактора перевода.

Наум Гребнев свой перевод выполнил по подстрочникам Маргариты Дарбинян, а также Лены Ханларян и Аршалуйса Казиняна.

Публикуемые в этой книге отрывки подстрочного прозаического перевода из «Книги скорбных песнопений» (около 1000 строчек) сделаны на-

¹ В настоящем издании помещены примечания Л. Мкртчяна к «Книге скорбных песнопений», увидевшей свет в 1998 году. И соответственно здесь речь идет как раз об этой книге.

ми, Маргаритой Дарбинян и мною. Гребнев работал по другим подстрочникам.

Древнеармянский оригинал «Книги скорбных песнопений» содержит много трудночитаемых и труднопереводимых мест. Существуют, правда, комментарии. Ценны подробные комментарии Габриэла Тер-Аветикяна (Венеция, 1827, 586 стр.), имеющие, однако, подчеркнуто богословский характер. Богатыми комментариями Тер-Аветикяна следует пользоваться критически.

Основное препятствие на пути переводчика — это все-таки не темные места текста, а усложненный синтаксис оригинала, для которого характерны длинные периоды со множеством образов. Трудно, сохранив все мысли и оттенки мыслей, все образы, добиться чистоты и ясности звучания перевода. Приходится иногда перестраивать всю фразу. Известное исследование Манука Абегяна о Нарекаци не прозвучало на русском языке в полную силу, так как и текст самого Абегяна, и ссылки на Нарекаци, данные в неудачных подстрочных переводах, звучат порой тяжело, коряво, а то и пародийно. «Будь здоров, избавься от душевного сокрушения!..», «Барышник распутный... Вратарь спящий». «Ты — сияние и упование, а я — мрак и дурак». Это подстрочный Нарекаци. А вот и Абегян: «Такое детальное описание собственной смерти и мертвого состояния мог дать только Нарекаци»; «Читатель бросается в бурный поток речи поэта и вместе с поэтом плещется в том же водовороте чувств»... (Манук Абегян. «История древнеармянской литературы», Ереван, 1948).

Глава 1. Иаков, согласно библейскому преданию, — основатель рода Израилева. (См. примеч. к гл. XXXII). В подлиннике говорится об Иакове со ссылкой на книгу пророка Исая: «И когда вы простираете руки ваши, я закрываю от вас очи мои; и когда вы умножаете моления ваши, я не слышу; ваши руки полны крови» (Исайя. гл. I, ст. 15). **Вавилон** — буквально: врата Божьи, символ порочного и греховного города. Согласно преданию, в Вавилоне возводили башню, которая должна была достать до самого неба. Разгневанный бог смешал языки строителей, возникло замешательство, путаница: строители перестали понимать друг друга. **Скинния** — куша, шатер, походная молельня у израильтян. **Селом** — город, в котором, по библейскому преданию, разместили скинию и ковчег завета — величайшую святыню израильтян. **Давид** — царь израильский; из городка Кариаф-Иарим перевез в Иерусалим ковчег завета. **Кивот**, или **киот** — застекленная створчатая рама или шкафчик для икон, здесь имеется в виду ковчег завета. По библейскому преданию, филистимляне в битве

при Афеке разбили израильтян и захватили ковчег завета. Оказалось, однако, что ковчег завета приносит филистимлянам несчастья, и они его вернули израильтянам, которые его установили в Кариаф-Иариме. **Апостол Павел** – согласно церковной традиции, фарисей Савл, бывший ярым гонителем христианства. После чудесного видения стал не менее ревностным его проповедником, приняв с новой религией и новое имя Павел. Отсюда крылатое выражение: превратиться из Савла в Павла. **Моисеевы скрижали** – две каменные «дощечки», полученные Моисеем от бога Яхве. На них были высечены десять заповедей народу Израиля. Моисей – библейский пророк, который вывел древних евреев из Египта. **Филистимляне** – народ, живший в древности в Палестине. Филистимляне враждовали с израильтянами, царь которых Давид, как о том рассказывает Библия, сломил могущество филистимлян. **Эдомитяне**, или идумеи, согласно библейскому преданию, происходили от Исава, брата Иакова, враждовали, как и филистимляне, с израильтянами, испытывая к ним родовую ненависть.

Глава 2. Содом – древний город в долине Сиддим при устье реки Иордан. По библейскому преданию, за развращенность нравов и нечестивость горожан бог Яхве покарал города Содом и Гоморру, на них обрушился ливень серы и огня, города были сожжены. Как **Ханаан, грехом я осквернен**. В подлиннике: «Я подлее, чем Ханаан». Ханаан – сын Хама. Хам был сыном Ноя. Когда однажды Ной опьянел, повествует легенда, и лежал голый у себя в шатре, Хам увидел наготу отца своего и рассказал об этом двум своим братьям – Симу и Иафету, которые обратили лица назад, чтобы не видеть наготы отца, и прикрыли его. Проснувшись, Ной страшно рассердился на Хама, и не только на Хама, но и на его сына Ханаана. Ной сказал: «Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Бытие, гл. 9, ст. 25). **Амалик**, согласно Библии, – предок разбойничьего племени амаликитян, разгромленного царем Саулом, а также название самого племени. **Тир** – древний финикийский город, главная часть которого была основана на острове, отделенном от материка проливом шириной в 1 километр. В 332 г. до н.э. город был взят и частично разрушен Александром Македонским. По библейским преданиям, Тир был разрушен за надменность, за то, что «накопил серебра, как пыли, и золота, как уличной грязи» (см. примеч. к гл. 39). **Сидон** – древний финикийский город, был разрушен в XII в. до н.э. филистимлянами, а в середине IV в. до н.э. – персами, которые сожгли город. **Я – Иерусалим, священный град, Пред тем, как от него лишь пыль осталась**. В 586 г. до н.э.

Иерусалим был полностью разрушен вавилонским царем Навуходоносором II. **Талант** — древняя весовая и денежная единица. Известна притча о зарытых в землю, неиспользованных талантах — деньгах. Отсюда выражение: зарыть талант в землю. **Голос Изрееля**. Согласно библейскому сказанию, пророк Осия, по слову Бога, взял себе в жены блудницу, она родила ему сына, которого Осия назвал Изреелем, как того хотел бог. Затем бог сказал, что блудница по его воле познает его, Господа, и в тот день «земля услышит хлеб и вино и елей, а сии услышат Изреель» (Осия, гл. 2. ст. 22).

Глава 9. Как та **смоковница** и т. д. По преданию, Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял смоковницу (фиговое дерево), не дававшую плодов. **В притче праведной Твоей**. Имеется в виду притча, которую, по евангельскому преданию, рассказал Христос; заимодавец призвал двух своих должников (один был должен ему пятьсот динариев, а другой — пятьдесят) и сказал, что он им дарит эти деньги, при этом больше обрадовался тот, который больше задолжал.

Глава 21. **Велиар** — Вельзевул, злой дух, властитель ада.

Глава 24. **Мне ль быть внесенным в Книгу Бытия, Когда уже я вычеркнут оттуда?** — Слова навеяны Библией: «Господь сказал Моисею: того, кто согрешил предо Мною, изглажу из книги Моей» (Исход, гл. 32, ст. 33).

Глава 25. **Исайя** — библейский пророк. **Лазарь** — евангельский персонаж, брат Марфы и Марии. По преданию, Христос пролил над могилой Лазаря слезы и воскресил его из мертвых. **Иона** — библейский пророк, разгневал бога, поэтому корабль, на котором он плыл, попал в страшную бурю. Моряки, узнав, что причина их несчастий — Иона, выбросили его за борт. Однако бог приказал киту проглотить Иону, дабы он не утонул. Пророк во чреве кита провел три дня и три ночи, распевая благодарственные гимны Господу. По истечении трех суток кит «выплюнул» Иону на сушу. **И капли благодати просочатся из Твоего пронзенного ребра.** — По евангельскому преданию, один из воинов пронзил копьем ребра распятого Иисуса, и «тотчас истекла кровь и вода» (Ев. от Иоанна, гл. 19, ст. 34).

Глава 26. **Чтоб каждый стих вершился звуком «и», Что означает также цифру «двадцать».** В древней Армении пользовались алфавитным принципом нумерации. Числовое значение букв устанавливалось по месту, занимаемому той или иной буквой в алфавите. Армянская буква «и» обозначала число 20. Алфавитная нумерация употребляется в Армении и сейчас для обозначения глав в книгах, строф в стихотворениях, томов

собраний сочинений. Вторую и третью части 26 главы Нарекаци рифмует на букву «и». (Эта глава имеет и третью, также рифмованную часть, принадлежность которой Нарекаци оспаривается. Думается, что это ошибка филологов). Рифма «и», имеющая значение числа, должна подчеркивать, по замыслу Нарекаци, сколь велики его долги.

Глава 27. *Ахан* – библейский персонаж, украл одежду, серебро и золото. Подробнее о нем см. в примеч. к гл. 71. *Иуда* – один из двенадцати учеников Христа, предал учителя за 30 сребреников. *Саул* – царь израильский. Подробнее о нем см. в примеч. к гл. 71.

Глава 28. *Благодарные скрывают стыд* – строка восходит к библейскому изречению: «У глупого тотчас же выкажется гнев его, а благодарный скрывает оскорбление» (Притчи Соломоновы, гл. 12, ст. 16). *Иов* – библейский персонаж, у которого Бог отнял богатство, близких, здоровье. *Осия* – библейский пророк. *Копье, что в плоть пречистую впилося* – см. примеч. к гл. 25.

Глава 31. *Анна* – мать Самуила. Была бездетной, молила Бога о даровании ей потомства. Молитва была услышана, она родила сына и назвала его Самуилом, что значит «услышанный Богом». *Авраам* – первоначально Аврам, библейский персонаж, патриарх. Жена Авраама Сарра долго была бесплодной. По преданию, в девяностолетнем возрасте родила сына Исаака.

Глава 32. *Содом* – см. примеч. к гл. 2. *Дом Иакова*, т.е. Израиль. Иаков – библейский персонаж. Имя Иакова употребляется и как синоним к слову Израиль, народ которого произошел от 12 сыновей Иакова-Израиля. *Давид* – царь древнего Израиля (конец XI – начало X в. до н.э.).

Глава 34. *«Адонаи, Адонаи!»* – «Господь мой!» (евр.). *Один из коих, чист и справедлив, Был Илия; он на горе Хорив Увидел три неясные виденья...* См.: «И сказал: выйди и стань на горе пред лицом Господним. И вот, Господь пройдет, и большой сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом; но не в ветре Господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении Господь. После землетрясения огонь; Но не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра». (Третья книга Царств, гл. 19, ст. 11-12). *Умилосердья над Иерусалимом.* См.: «И отвечал Ангел Господень и сказал: Господи Вседержителю! Доколе Ты не умилосердишься над Иерусалимом и над городами Иуды, на которые Ты гневаешься вот уже семьдесят лет?» (Захария, гл. I, ст. 12).

Глава 35. Моисей — библейский пророк. См. примеч. к гл. 1. **Скиния** — см. примеч. к гл. 1. **Апостол Петр** — один из учеников Христа.

Глава 36. Смоковницу обрешкий иссушено — см. примеч. к гл. 9. Вся эта глава написана на основе евангельского сюжета о распятии Христа, его муках и воскресении. **Бабка Моавы**, т.е. жена Лота. Когда Содом и Гоморра были за развращенность разрушены, семью Лота спасли, по преданию, ангелы, они вывели ее за город и велели, чтобы никто не оглядывался назад. «Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом». (Бытие, гл. 19, ст. 26).

Глава 37. О Господи, свои воздвигни силы... См.: «...воздвигни силу Твою, и приди спасти нас». (Псалтырь, псалом 79, ст. 3). **Придешь для примиренья и суда.** См.: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд. Доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым?» (Псалтырь, псалом 81, ст. 1-2).

Глава 39. Иезекииль — библейский пророк, в «виденьях Божьих» видел книгу, на которой было написано: «Плач, стон и горе». **И правда, может, схож я с той блудницей.** В книге пророка Исайи сказано, что с Тиром, разрушенным за надменность, будет то же, что было с блудницей (см. примеч. к гл. 2). «Возьми цитру,— сказали блуднице,— ходи по городу, забытая блудница! Играй складно, пой много песен, чтобы вспомнили о тебе» (Исайя, гл. 23, ст. 16).

Глава 42. Но вместе с тем разбойником распятым. Согласно Евангелию, вместе с Иисусом распяли и двух разбойников, «одного по правую, а другого по левую сторону». «Один из повешенных злодеев злословил Его... Другой же, напротив, унимал его... И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю» (Лука, гл. 23, ст. 39-43).

Глава 44. И Авраама жертвоприношение. По преданию, испытывая Авраама, Бог велел ему принести в жертву любимого сына Исаака. Но когда Авраам занес нож над Исааком, ангел остановил его.

Глава 45. Статир — четыре драхмы. По евангельскому преданию, когда у Иисуса попросили через апостола Петра две драхмы — дань на храм, то Иисус сказал Петру: «Поди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя» (Матфей, гл. 17, ст. 27).

Глава 48. Соломон — сын царя Давида, третий Иудейский царь (972-932 до н. э.). Прославился своей мудростью. В лучшую пору своего царствования воплотил в своем лице идеал «царя мира». Но окружавшая его восточная роскошь развращающе сказалась на нем. Он предавался

неумеренному сладострастию, завел огромный гарем и под влиянием иноземных жен-язычниц ослабел в своей ревности к «вере отцов». **Закон забывши и установленья, которые оставил Моисей** – см. примеч. к гл. 1. **Сколь пагубен Ваал.** Израильтяне, как о том повествуется в Четвертой книге Моисеевой, блудодействовали с дочерьми Моава и «прилепился Израиль к Ваал-Фегору», божеству моавитян. Чтобы отвалить сынов израилевых от моавитянок и иноземок, было убито 24000 израильтян. (См. Числа, гл. 25). **И богомерзкий бог сидонитян.** Во время старости Соломона, жены его склонили сердце его к иным богам... «И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской» (Третья кн. Царств, гл. 11, ст. 4-5).

Глава 50. Иоиль – библейский пророк. **Царь Давид** – см. примеч. к гл. 32. **Ездра** – «Сей Ездра вышел из Вавилона. Он был книжник, сведущий в законе Моисеевом» (Первая кн. Ездры, гл. 7, ст. 6). Проповедовал идею виновности израильтян перед их Богом, жаждал обратить народ израильский в «подлинную их веру». **Апостол Петр** – трижды отрекся от своего учителя Христа, но был прощен им.

Глава 51. Велиар – см. примеч. к гл. 21. **Манасия** – царь иудейский, сын и преемник царя Езекии. Избивал и преследовал пророков и поощрял идолослужение. Царствовал 55 лет. **Аарон** – старший брат **Моисея** и его сподвижник (см. примеч. к гл. 1). **Исаак** – см. примеч. к гл. 31, 44. **Кеван** (Киван) – идол.

Глава 52. Соломон – см. примеч. к гл. 48.

Глава 53. Как Лотову жену – см. примеч. к гл. 36.

Глава 54. Авраам – см. примеч. к гл. 31. **Я – чадо аморея** и дальше вся вторая часть 54 главы до конца восходит к книге пророка Иезекииля: «Ты дочь в мать твою, которая бросила мужа своего и детей своих, – и ты сестра в сестер твоих, которые бросили мужей своих и детей своих. Мать ваша хеттеянка, и отец ваш аморей. Большая же сестра твоя – Самария...»; «И блудили они в Египте, блудили в своей молодости; там измяты груди их, и там растлили девственные сосцы их. Имена им: большой – Огола, а сестре ее – Оголива» (Иезекииль, гл. 16, ст. 46-47, гл. 23, ст. 3-4). **Агарь** – египетская рабыня, наложница патриарха Авраама, родила ему сына Измаила, ставшего, по преданию, родоначальником арабских племен, прозванных по имени его матери агарянами.

Глава 55. Иов – см. примеч. к гл. 28.

Глава 57. Лишь Ты, Великий, знаешь: то ничтожно, Что страх и трепет может мне внушать. См.: «Иисус, воззрев на них, говорит: человекам это

невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу» (Ев. от Марка, гл. 10, ст. 27).

Глава 60. *Апостол Павел* — см. примеч. к гл. 1. *Скиния* — см. примеч. к гл. 1. *Астартта и Милхом* — см. примеч. к гл. 48. *Тарахата* — идол.

Глава 71. *Сауловы деянья совершаю, Давидово обличие приняв* — намек на библейское сказание, согласно которому царь Саул был греховен, а царь Давид — праведен. *Авраам* — библейский персонаж, патриарх. Здесь Нарекаци хотел, вероятно, сказать, что его жизнь издавна греховна, поэтому даже праотец веры Авраам напоминает ему об этом. *Моисей* — библейский пророк, не раз утрашавший словом и делом израильтян, которых он вел в землю обетованную. Согласно библейскому сказанию, город Иерихон был разрушен Иисусом *Навином*. Все богатство разграбленного города было под закланием: добыча должна была отойти к сокровищнице Господней. Но *Ахан* украл из закланного города одежду, серебро и золото. За это Бог наказал всех израильтян, которые потерпели жестокое поражение от жителей города Гайи. Согласно библейскому преданию, царь Саул во время припадка бешенства подверг избиению многих гаваонитян, поэтому уже в дни царствования Давида там был голод. По требованию гаваонитян, Давид отдал им семь человек из потомков Саула. Гаваонитяне повесили их. *Навал* — буквально: безумный. По преданию, Давид послал к нему десять отроков за дарами; Навал же выгнал их ни с чем, хотя был богат. Давид вознамерился жестоко отомстить Навалу, он шел на «пролитие крови», но жена Навала поспешила к Давиду с дарами и остановила его. *Илия* — библейский пророк. По преданию, царь Охозия, которому Илия предсказал скорую смерть, посылал за пророком стражников. Согласно Евангелию, *Анания* и его жена *Сапфира* продали свое имение и утаили от апостола Петра часть вырученных денег. За это апостол Петр покарал их смертью. *Апостол Павел* — см. примеч. к гл. 1. *Иона* — см. примеч. к гл. 25.

Глава 80. *Родившая того, кто триедин.* По учению христианства, Бог един в трех лицах: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой.

Средневековые армянские рукописи обычно завершались «ишатакаранами» — памятными записями, которые принадлежали либо автору рукописи, либо переписчику. «Книга скорбных песнопений» завершается «Ишатакараном» Григора Нарекаци. «Круглое, полное света и блеска, лучезарное, измеряющее день, изгоняющее тьму ночи, радующее глаз солн-

це, светило сотворенное,— пишет Нарекаци,— собирает в потоке мчащегося вперед времени множество лет и укладывает их в века, обновляя и оживляя этот переходящий и смертный мир. По исполнении девятого и по вступлении в десятый (юбилей) нашего армянского календаря¹, спустя три года после похода, совершенного в северо-восточные пределы победоносным и великим императором ромеев Василием², когда он от своих просторных и обширных границ со столпами из огромных камней, простерши руку и закинув прочную и длинную вервь, не колеблясь, устремился и вправо, и влево, чтобы, овладев, подчинить своей власти многолюдные страны,— именно в это время покоя, когда, наконец, были попораны враги церкви, я — иерей и чернец Григор, последний среди сочинителей и младший среди наставников, при содействии моего брата, избранного Иованнеса, монаха прославленной и почитаемой обители³, с которым мы, будучи родственниками не только по плоти, но и по единству душ, веры и мыслей, жили как два человека с одним лицом, видящим четырьмя глазами одну и ту же стезю таинства,— заложил основы, соорудил, воздвиг на них и сочинил эту полезную книгу, соединив повсюду главы в единое дивное творение.

Ныне я молю вас, что вкушаете с этого убранного разнообразными яствами стола, помянуть нас в ваших праведных просьбах и в достойных молитвах, с непорочной любовью в благих мыслях. Да будете и вы вписаны в горную книгу жизни». (Перевод М. Дарбинян).

¹ То есть 450 г. армянского летоисчисления (= 1001).

² Василий II Болгаробойца (986-1018).

³ Имеется в виду Нарекаванк — монастырь, расположенный близ южного берега озера Ван.

Содержание

Левон Мкртчян. Мятёжный гений 5

Книга скорбных песнопений Перевод *Наума Гребнева*

Глава I	25
Глава II	27
Глава III	32
Глава IX	38
Глава XXI	41
Глава XXIII	44
Глава XXIV	47
Глава XXV	50
Глава XXVI	54
Глава XXVII	57
Глава XXVIII	62
Глава XXIX	67
Глава XXX	71
Глава XXXI	74
Глава XXXII	78
Глава XXXIII	82
Глава XXXIV	85
Глава XXXV	90
Глава XXXVI	93
Глава XXXVII	95
Глава XXXVIII	98
Глава XXXIX	100
Глава XL	102
Глава XLI	104

Глава XLII	105
Глава XLIII	107
Глава XLIV	108
Глава XLV	110
Глава XLVI	114
Глава XLVIII	117
Глава XLIX	125
Глава L	128
Глава LI	132
Глава LII	137
Глава LIII	139
Глава LIV	144
Глава LV	147
Глава LVI	150
Глава LVII	153
Глава LVIII	155
Глава LX	158
Глава LXIX	164
Глава LXXI	167
Глава LXXX	173
Глава LXXXII	176
Глава XCV	181

Приложение первое

Из «Книги скорбных песнопений»

Перевод <i>Веры Звягинцевой</i>	184
Перевод <i>Владимира Державина</i>	184
Глава XL	
Перевод <i>Владимира Микушевича</i>	188
Перевод <i>Леонида Миля</i>	189
Перевод <i>Владимира Рогова</i>	192

Приложение второе

Подстрочные переводы <i>Левона Мкртчяна и Маргариты Дарбинян</i>	
Из главы I.....	196
Глава XXIII.....	197
Глава XXVI.....	200
Глава XXX.....	204
Глава LIV.....	208
Глава LV.....	211
Глава LVI.....	213
Глава LXIX.....	216
Глава LXXX.....	219
Из главы LXXXII.....	222
<i>Примечания</i>	226

ГРИГОР НАРЕКАЦИ
КНИГА СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ

ԳՐԻԳՈՐ ՆԱՐԵԿԱՑԻ
ՄԱՏՅԱՆ ՈՂԲԵՐԳՈՒԹՅԱՆ

Редактор *К. А. Карменян*
Техн. редактор *М. Э. Чанчапанян*
Компьютерное оформление *О. К. Терзян*
Компьютерный набор *Н. А. Варданян*
Корректор *И. Г. Егиазарова*

Заказ 20. Тираж 300.

ЗАО “Издательство “Наири”
Ереван-9, ул. Терьяна, 91

